

ЗЛАТОГЛАВЫЙ

Наталья
Сидорина
Академик

ТАЙНЫ ЖИЗНИ И ГИБЕЛИ
СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

*Я теперь скучею стал в желаньях,
Жизнь моя! иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.*

*Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медъ...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвесть и умереть.*

Сергей Есенин

Наталья Сидорина

ЗЛАТОГЛАВЫЙ

*Тайны жизни и гибели
Сергея Есенина*

Янтарный сказ
2006

УДК 882.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

С 34

Второе дополненное издание

Сидорина Н. К.

С 34   Златоглавый. Тайны жизни и гибели Сергея Есенина. — Калининград: Янтарный сказ, 2006. — 320 с., ил.

ISBN 5-7406-0959-2

Документально-художественное исследование жизни, творчества и обстоятельств убийства великого русского поэта Сергея Есенина (1895–1925), написанное на основе новых документальных данных. В книгу включены уникальные фотографии, некоторые из них публикуются впервые. Автор рассматривает причины, по которым биография Сергея Есенина искажается официальными кругами на протяжении десятилетий.

Вместе с тем это книга поэта о поэте.

Первое издание было встречено с большим интересом в России и за рубежом.

© Наталья Сидорина, 2005
© ОАО «Янтарный сказ», 2006

Пушкин, Лермонтов, Гумилев, Есенин, Клюев... История их гибели покрыта какой-то мистической тайной, которую разгадывают уже многие поколения. Документы, свидетельства современников, письма, дневники, исследования специалистов – и все равно нет ответа – как? почему? – все кажется приблизительным, неосновательным, неубедительным, противоречивым. Христос воскрес, но его муки, его страдания, история Распятия – может быть, главная тайна этого мира, которую разгадывают вот уже две тысячи лет и будут разгадывать и разгадывать... Поэты – наши духовные современники – бессмертны, но мы еще долго будем мучиться их земной мукой.

Гибель Сергея Есенина – великого русского поэта XX столетия – загадочна. Свидетельства современников весьма противоречивы. Одни утверждают, что поэт в последние дни жизни был в глубокой депрессии и все говорило о том, что он близок к самоубийству. Другие пишут, что он был полон духовных, творческих сил, хотел жить и работать. Действительно, подобно Пушкину, Есенин в последний год жизни находился в состоянии необыкновенного творческого взлета. В этот год им были созданы, может быть, лучшие, главные произведения – лирические шедевры, среди которых и поэмы «Анна Снегина» и «Черный человек», и две трети стихотворений из цикла «Персидские мотивы», и такие стихотворения, как «Несказанное, синее, нежное...», «Есть одна хорошая песня у соловушки...»,

«Синий май. Заревая теплынь...», «Я иду долиной. На затылке кепи...», «Спит ковыль. Равнина дорогая...» и множество других.

Только поэт знает, каким неимоверным трудом, сверхнапряжением всех сил, воли, чувств, духа, мысли дается каждое истинно поэтическое слово, каждая строка, каждый образ. Но он знает и иное – только ему доступное, особое счастье творца, счастье совершенния. Поэтому трудно и даже невозможно представить себе, понять, что, осознав свою победу, подчинив слово, взойдя на вершину, другим недоступную, и вступив в разговор с Богом – можно лишить себя жизни. Может быть, поэтому именно среди поэтов возникло сомнение в том, что Есенин – самоубийца...

«Слово», 1989, №10

Пролог

«Так я еще никогда не думал...»

Москва-река в тисках гранита, словно память наша. Идут тихими московскими улочками. Остоженка и бывший Троицкий переулок, названный так по церкви Св. Троицы. Церковь уничтожили, название переулка – Померанцев. Дом 3. Последняя крыша над головой Сергея Есенина перед «Интернационалом» («Англетером»). Да, поэт погиб в «Интернационале», а в случайные совпадения я не верю. Страницы газет пестрят гневными статьями, осуждающими взрыв «Англетера».

Апрель 1987 года. Сколько раз я проходила мимо этого дома в тихом московском переулке, в сущности, мимо по-

ледней вехи на жизненном пути Есенина! И только теперь об этом случайно узнала.

А дом уже потихоньку растаскивают. Он на капитальном ремонте, в котором, по мнению многих специалистов, просто не нуждается. Кажется, только что, может быть, за пять минут до моего прихода, содрали поручни перил. Рука скользит по воздуху, а выщербленные ступени ведут наверх в квартиру Толстых, где хранят память о Сергее Есенине, пытаются сохранить. Он жил здесь со своей женой Соней Толстой. Это был его дом,обретенный им в последний год жизни.

Свищет ветер, серебряный ветер,
В шелковом шелесте снежного шума.
В первый раз я в себе заметил –
Так я еще никогда не думал.

Пусть на окошках гнилая сырость,
Я не жалею, и я не печален.
Мне все равно эта жизнь полюбилась,
Так полюбилась, как будто вначале.

.....

О, мое счастье и все удачи!
Счастье людское землей любимо.
Тот, кто хоть раз на земле заплачет, –
Значит, удача промчалась мимо.

Жить нужно легче, жить нужно проще,
Все принимая, что есть на свете.
Вот почему, обалдев над рощей,
Свищет ветер, серебряный ветер.

Написано в октябре 1925 года, за два месяца до гибели.
Здесь написано.

Последняя веха на жизненном пути Есенина под угрозой полного уничтожения, как, впрочем, и первая в Москве — дом в Большом Строченовском переулке, двухэтажный деревянный, где юный поэт поселился, приехав в первопрестольную пытать счастья.

Сергей Есенин и Соня Толстая, 1925

А впереди – четырнадцать лет жизни и путь к позору, славе и бессмертию. Каких только мифов не возникло вокруг имени поэта ради оправдания и прямых, и косвенных соучастников трагедии. Долго, упорно, целенаправленно, ожесточенно искоренялась правда о поэте, ибо между ним и властью полное неприятие. А потом попытались то ли к нему приспособиться, то ли его приспособить к нашей жизни. Но только ни того, ни другого не получилось. Одна ложь порождает другую. Это наш перекошенный мир не принимает Есенина таким, каким он был. И упорное молчание есениноведов вокруг архивных фотодокументов, на которых отчетливо видно: поэт убит. А в судьбе Есенина – судьба России.

«Принимайте огонь на себя!» – посоветовали Александру Ильичу Толстому, правнуку Льва Николаевича, племян-

нику Софье Андреевны, жене Есенина, когда в 1984 году он обратился в Союз писателей с просьбой о спасении дома. И Толстой действительно принял огонь на себя. Я – невольная свидетельница первого пожара.

Мы сидим с Александром Ильичом и его женой Светланой Николаевной в гостиной и ведем разговор о том, что здесь, в этой квартире, началась подготовка Есениным первого собрания стихотворений, которое столь неожиданно стало посмертным, о том, как поэт составлял план крестьянского журнала «Поляне», написал пророческий цикл зимних стихотворений, закончил поэму «Черный человек» и не успел завершить работу над пьесой «Страна негодяев».

«Сказку о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве» Есенин сочинял вслух, диктовал для записи жене, принимая во внимание «подсказки», и называл это шуточное стихотворение их «совместным». Но не такое уж оно и шуточное, ведь в нем дается образ комиссара, с которым шутки плохи.

Мыслит Петя с жаром:
То ли дело в мире
Жил он комиссаром
На своей квартире.

Знал бы все он сроки,
Был бы всех речистей,
Собирал оброки
Да дороги чистил.

Но все же бывало и так:

Взяли раз Петрушу
За живот, за душу,
Бросили в коляску
Да как дали таску...

Софья Толстая, 1925

Рядом с обручальным Софья Андреевна всю жизнь носило медное кольцо, которое поэт, шутя, ей подарил. Оно было очень широкое, и она его сдавила, чтобы можно было надеть.

Видно, так заведено навеки —
К тридцати годам перебесясь,
Все сильней, прожженные калеки,
С жизнью мы удерживаем связь.

Милая, мне скоро стукнет тридцать,
И земля милей мне с каждым днем.
Оттого и сердцу станет сниться,
Что горю я розовым огнем.

Коль гореть, так уж гореть сгорая,
И недаром в липовую цветь
Вынул я кольцо у попугая —
Знак того, что вместе нам сгореть.

То кольцо надела мне цыганка.
Сняв с руки, я дал его тебе,
И теперь, когда грустит шарманка,
Не могу не думать, не робеть.

Судя по мемуарам, портреты Л.Н. Толстого ему... мешали. Но, думаю, он полагал, что они должны ему мешать. Так дед всегда чуть-чуть мешает внуку. С то слов записано: «Люблю и боюсь я этого старика. А отчего, не знаю. Даже во сне вижу. Махонький такой, мохнатенький, вроде лесовика. Идет, палкой суковатой постукивает. И вдруг как заорет: “Серега! Зачем дом бросил!”»¹

В мемуарах можно прочесть, что портреты Толстого иногда писали с его внучки.

Александр Ильич Толстой говорит:

– Она действительно была похожа на своего деда. И характером тоже. Упорная, как все Толстые... Когда Сергей Александрович здесь поселился, мать Сони уехала. Так он ей не понравился. Но, кстати, не так давно нашли письмо, написанное ею после похорон Сергея Александровича². Кажется, в Баку подруге еще по гимназии. И в нем такая боль, как будто что-то ей открылось.

– Я не сомневаюсь, что его убили. А как вы думаете? – спрашиваю я.

– Наверно, так жалеют убиенных... Но в доме *повешенного*, как гласит пословица, не говорят о веревке. И разговоров о его смерти мы не вели, хотя здесь хранилась посмертная маска поэта и негативы фотографий.

После гибели Есенина Софья Андреевна, видимо, попыталась сберечь все, что было возможно, вплоть до «Дела», которое завели на поэта 6 сентября 1925 года и отменили 12 января 1926 года посмертно. Она составила копии со многих писем Есенина, которые хранились у адресатов. Только благодаря ее подвижническому труду эти письма дошли до нас. Когда в 1929 году был закрыт музей Есенина, Софья Андреевна стала пожизненной хранительницей его материалов...

В этой квартире, как рассказывает Александр Ильич, в разные годы бывали П. Павленко, С. Мстиславский, В. На-

Троицкий пер. (ныне Померанцев), дом 3

седкин, П. Орешин, М. Волошин, Г. Леонидзе, Т. Табидзе, И. Бабель, А. Ахматова, Стефан Цвейг, Эгон Петри, О. Книппер-Чехова, И. Москвин, В. Качалов.

Здесь остались вещи есенинской поры: звонок на лестнице, вешалка для пальто в передней, табуретка и кухонный стол, за которым по утрам поэт пил чай в обществе ясонополянской крестьянки Марфы Евдокимовны Фокановой. А вот и мраморный подоконник в комнате с видом на Остоженку. Это хороший, крепкий дом. Правда, не все так думают, и разрушение дома под видом ремонта продолжается. Каждый день идет выламывание прекрасного дубового паркета, снятие дубовых дверей и наличников, к дому подъезжают грузовики, чтобы поскорее забрать эти «отходы».

*А. И. и С. Н. Толстые (в центре) на Есенинских чтениях в Туле.
1988. Слева племянница поэта Т. П. Флор-Есенина.*
Фото В. Синельникова

— Боюсь выйти в магазин за хлебом, — говорит Толстой. — Мы с Вениамином Петровичем Мясниковым решили не сдаваться, не выезжать из дома. Пойдемте, я вам покажу, как мы забаррикадировали черный ход. Нам тогда в отместку свет выключили. Мы долго сидели в потемках. А потом и отопление отключили. Я вам остатки дубовых поручней перил покажу. По ним скользила рука Есенина.

— На языке правопорядка, — говорит Мясников, заглянув в комнату, — это называется «реальная угроза разрушения квартиры, заявленной на госохрану».

И вдруг, как бы в подтверждение этим словам, в квартире появляется удушающий запах дыма. Светлана Николаевна Толстая бросается к телефону. А в трубку ей говорят, что пожарная машина уже приступила к работе.

Мы выходим в маленький московский дворик. Сверху лежат стекла, мусор, в темных окнах опустошенного дома мель-

Сын поэта Александр Сергеевич (в центре) в Константинове с актером Н. Баталовым и Н. Сидориной. Апрель 1989.

Фото С. Бозова

кают фонарики пожарных, они поднимаются на последний этаж и заливают огонь.

А потом был и второй пожар, и третий, опаливший квартиру, мемориальную ценность которой установили в промежутке между пожарами. Толстого допекли, и он уехал. С наступлением холодов в разбитые окна повалил снег. Вспоминается есенинское:

Снежная замять дробится и колется,
Сверху озябшая светит луна...

Но такой разор даже ему не виделся.

В марте 1989 года во время Есенинских чтений в Ленинграде мне чудом удалось по Ленинградскому телевидению в программе «Открытая дверь» показать посмертную фотографию Есенина. Это вызвало мгновенное противодействие со сторо-

ны руководителей Есенинского общества «Радуница», которые решили, что вот теперь-то Есенинское общество и разгонят.

Тяжело пришлось на этих Есенинских чтениях и сыну поэта Александру Сергеевичу Есенину-Вольпину, который после семнадцатилетней разлуки с родиной приехал из Америки домой. Организаторы Есенинских чтений всеми силами стремились обеспечить ему «коконгнито», все-таки диссидент, хотя с другой стороны – правозащитник и сын Есенина.

24 февраля 1990 года Александр Сергеевич написал письмо с надеждой на публикацию в российской прессе:

«В связи с тем, что в последнее время появилось много материалов, по-новому освещавших смерть Сергея Есенина, в частности, статья Н. Сидориной в журнале «Слово», 1989, № 10, мне думается, в целях установления истины следовало бы поддержать идею об эксгумации.

В случае проведения эксгумации прошу пригласить меня как сына во избежание кривотолков.

Так как в настоящее время я живу в Бостоне (США), прошу оповестить меня заранее.

Александр С. Есенин-Вольпин»³.

– А если его нет в этой могиле? – решилась я спросить Александра Сергеевича во время нашей поездки в Константиново, ведь и такая молва ходит.

Он ответил:

– Это возможно в случае насильственной смерти.

Поэта убивают за стихи, за все творчество в целом и за конкретные строки. Так погибли Пушкин, Лермонтов, Гумилев, Есенин, Васильев, Клюев, Клычков... и на наших глазах поэт и певец Игорь Тальков.

Читайте мемуары, но только те, что без купюр.

Глава 1

«Все мне чудился тихий раскованный звон...»

Каким же был мир Сергея Есенина, подлежащий уничтожению? Он остался в стихах поэта и в воспоминаниях очевидцев. Сестры вспоминали, что Константиново было тихое, чистое, утопающее в зелени село с двухэтажным барским домом и садом, который спускался до самой Оки. В центре села на высоком холме – церковь, а за ней кладбище и каменная часовня у родника, где подолгу сидел Сергей Есенин.

И сегодня из-под земли бьет ключ жизни, а старая часовня разрушена. Кладбище у церкви Казанской Божьей Матери, где покоятся прах предков Есенина, вытоптано почитателями его творчества. В барском доме – музей. Колокольню давно растащили по кирпичику на нужды села. «Загудят

Дорога в Константиново

ли вновь колокола церкви?» – думала я. И вот наконец это случилось, хотя путь был долгим.

Здесь крестили и тайно отпели Сергея Есенина. И только спустя шестьдесят шесть лет после гибели поэта – 3 октября 1991 года, в день его рождения – отслужил священник принародно в церкви, которую начали восстанавливать, панихиду по убиенному Сергию. Переступая порог храма, мы вступаем в круг Вечности.

Из воспоминаний сестры Шуры: «С церковью, с колокольным звоном была тесно связана вся жизнь села. Зимой в сильную метель... раздавались редкие удары большого колокола... И невольно думалось о путниках, застигнутых этой непогодой в поле или в лугах и сбившихся с дороги. Это им, оказавшимся в беде, посыпал свою помошь этот мощный колокол... В воскресные и праздничные дни этим колоколом сзывали народ к обедне и всенощной.

*Дом Никиты Осиповича Есенина, деда поэта,
в котором родился Сергей Есенин (рисунок)*

О пожаре в нашем селе извещал колокол средний... Медленным грустным перебором всех колоколов провожали человека в последний путь»¹.

И под плач панихид, под кадильный канон,
Все мне чудился тихий раскованный звон, –

писал Есенин в своих первых стихах.

А смерть была действительно рядом. Из четырнадцати детей у матери осталось в живых четверо, в том числе и его сводный брат Александр Разгуляев, который родился в период размолвки в семье Есениных. Многие дети умерли во младенчестве, и, как говорила бабушка, Господь взял их к себе, на небесные поля. А его только обдало дыханием «иной земли».

На всю жизнь ему запомнилось: он в шестнадцать лет лежит на печке в тифозном бреду и украдкой видит, как мать,

Дед поэта Федор Андреевич Титов, 1926

обливаясь слезами, шьет для него у окна саван. И ему так захотелось приподняться и выбежать на солнце наперекор этому плачу, смирению, боли – наперекор всему, что свершилось чудо. Всеми силами души и тела он одолел болезнь. Победил неожиданно крепкий склад его натуры, столь разнородный, что только поэзия смогла его вместить.

Сестра Шура рассказывала:

«Дедушка наш, Никита Осипович Есенин, был человеком набожным и в молодости готовился уйти в монастырь, за что и получил прозвище “Монах”. Это прозвище перешло на все его потомство да так и осталось за нашей семьей. До самой смерти Сергея нас почти не называли по фамилии, мы все были Монашкины»².

Из воспоминаний сестры Кати:

«Вся округа знала Федора Андреевича Титова (нашего дедушку по матери).

Умен в беседе, весел в пиру и сердит в гневе, дедушка умел нравиться людям...

В начале весны дедушка уезжал в Питер и плавал на баржах до глубокой осени... В благодарность Богу за удачное плавание дедушка поставил перед своим домом часовню. У иконы Николая Чудотворца под праздники в часовне всегда горела лампада.

После расчета с Богом у дедушки полагалось веселиться. Бочки браги и вино ставились около дома.

— Пейте! Ешьте! Веселитесь, православные! Нечего денег копить, умрем — все останется. Медная посуда. Ангельский голосок! Золотое пение. Давай споем!»³

Стихи юного Есенина сливались с песней:

На бугре береза-свечка
В лунных перьях серебра.
Выходи, мое сердечко,
Слушать песни гусляра.

1911

Иногда ему казалось, что песня всех примиряет. Этот разрушающий мир крестьянской культуры Есенин будет воссоздавать и в стихах, и в прозе, и в теоретической работе «Ключи Марии».

*Александр Никитич и Татьяна Федоровна,
отец и мать поэта, 1905*

А внешняя канва жизни была во многом обычной. Среднерусская природа. Деревня на берегу Оки, каких множество. В семье разлад, и он живет в доме деда Федора Андреевича Титова. При живых родителях почти сирота. Отец работает в Москве приказчиком в мясной лавке, а мать уехала на приработки в Рязань. В автобиографии он вспомнит братьев матери. Они с деревенской удалью сажали трехлетнего малыша на лошадь без седла и пускали в галоп, бросали с лодки посреди реки в воду, чтобы научить плавать. Дед не препятствовал, хотел, чтобы внук был покрепче, зато бабушка украдкой баловала, как могла. С дедом она соперничала открыто только по части духовных стихов, коих они знали великое множество, поскольку через деревню нередко проходили богомольцы по дороге в Николо-Радовецкий монастырь или еще дальше.

Константиново, 1910. Сергей Есенин (в кепке) перед игрой в крокет с мальчиками-односельчанами и родными местного священника, отца Ивана

Так он и жил, предоставленный сам себе, среднерусским просторам и песням то грустным, то разудальным. На его глазах происходили ссоры, примирения, разыгрывались житейские трагедии. Например, дядя Иван был страшным ревнивцем и тяжел на руку.

А потом в его жизнь вошли книги, которые он читал запоем и умел раздобыть иногда в гостеприимном доме священника, отца Ивана, а случалось, отец привезет из Москвы. Но только в Спас-Клепиках, в церковно-учительской школе, куда его в четырнадцать лет отдали с благословения отца Ивана, он нашел себе друга, с которым можно было поговорить о сокровенном, – Гришу Панфилова. Окончив школу, они переписывались до последних дней жизни Гриши, а умер он в девятнадцать лет от туберкулеза. Письма из Москвы от Сергея (а только они уцелили) полны тоски, отчаяния, надежд и

размышлений о жизни временной и вечной, о силе слова и стихах. Отец Гриши сложил их в пакет и запечатал сургучом, чтобы случайно не потерялись.

В Москве Есенин, как свидетельствуют очевидцы⁴, появился весной 1912 года. Он приехал из глубины Рязанской губернии вскоре после окончания церковно-учительской школы и казался почти мальчиком, затерявшимся в большом городе.

Сохранились редкие кинокадры того времени: царствующий Дом Романовых отмечает в 1913 году свое трехсотлетие. Над Москвой сияет золотой купол Храма Христа Спасителя, построенного на всенародные пожертвования. Семья Государя Императора, с которой молодому крестьянскому поэту из Рязани в будущем предстояло познакомиться, стоит на молебне.

Пройдет три года, и в январе 1916-го в лазарете Марфо-Мариинской обители Есенин будет читать стихи вместе с Николаем Клюевым, олонецким крестьянином из старообрядческих скитов. Обитель была построена родной сестрой Государыни Императрицы Великой княгиней Елизаветой Федоровной после убийства революционером Иваном Каляевым 4 февраля 1905 года ее мужа генерал-губернатора Москвы Великого князя Сергея Александровича. Поэт и убиенный князь оказались тезками.

Возможно, под сводами Марфо-Мариинской обители звучали эти строки:

Я вижу – в просиничном плате,
На легокрылых облаках,
Идет возлюбленная Мати
С Пречистым Сыном на руках.

Она несет для мира снова
Распять воскресшего Христа:
«Ходи, мой сын, живй без крова,
Зорю и полдню у куста».

*Великая княгиня Елизавета Федоровна,
основательница Марфо-Мариинской обители*

И в каждом страннике убогом
Я вызнавать пойду с тоской,
Не Помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой.

И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях — крылья херувима,
А под пеньком — голодный Спас.

1914

Портрет Есенина той поры написан его учителем, другом, сподвижником Николаем Клюевым:

Ждали хама, глупца непотребного,
В спинжаке, с кулаками в арбуз, —
Даль повыслала отрока вербного
С голоском слаше девичьих бус.

Он поведал про сумерки карие,
Про стога, про отжиточный сноп;
Зашипели газеты: «Татария,
И Есенин – поэт-юдофоб».

О бездушное книжное мелево,
Ворон ты, я же тундровый гусь.
Осеняет Словесное дерево
Избянную, дремучую Русь.

Певчим цветом алмазно зайндевсл
Надо мной древословный навес,
И страна моя, Белая Индия,
Преисполнена тайн и чудес.

Жизнь-Праматерь заутрени росные
Служит птицам и правды сыном;
Книги-трупы, сердца папиросные –
Ненавистный Творцу фимнам.

1916

Позднее, вспоминая то изначальное состояние своей души, Есенин писал:

Я хочу быть отроком светлым...

Но как вернуться в тот далекий мир, обреченный на разрушение?

В первых письмах из Москвы к сельской девушке Марии Бальзамовой – юношеская тоска по идеалу и бесконечное одиночество.

«Жизнь – это глупая шутка. Все в ней пошло и ничтожно. Ничего в ней нет святого, один сплошной сгущенный хаос разврата. Все люди живут ради чувственных наслаждений. Но есть среди них в светлом облике непорочные, чистые, как бледные огни догорающего заката...

Я – один, и никого нет на свете, который бы пошел мне навстречу такой же тоскующей душой; будь это мужчина

Царская семья, 1913, (слева направо) дочери Мария, Татьяна, Ольги, Анастасия и сын Алексей (в центре)

или женщина, я все равно бы заключил его в свои братские объятья и осыпал бы чистыми жемчужными поцелуями, пошел бы с ним от этого чуждого мне мира, предоставляя свои цветы рвать дерзким рукам того, кто хочет наслаждения»⁵.

(октябрь 1913 г.)

Тот же высокий настрой души звучит и в письмах к другу детства Григорию Панфилову:

«Да, Гриша, люби и жалей людей – и преступников, и подлецов, и лжецов, и страдальцев, и праведников: ты мог и можешь быть любым из них. Люби и угнетателей и не клейми позором, а обнаруживай ласкою жизненные болезни людей. Не избегай сойти с высоты, ибо не почувствуешь низа и не будешь иметь о нем представления. Только можно понимать человека, разбирая его жизнь и входя в его положение. Все люди – одна душа. Истина должна быть истиной, у нее нет доказательств, и за ней нет границ, ибо она сама альфа и

омега. В жизни должно быть искание и стремление, без них смерть и разложение...

Да, Гриша, тяжело на белом свете. Хотел я с тобой поговорить о себе, а зашел к другим. Свет истины заманил меня к своему Очагу»⁶.

(23 апреля 1913 г.)

А потом была реальная жизнь и первые попытки найти друзей в Суриковском литературно-музыкальном кружке, на историко-философском отделении Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского и даже среди «сознательных рабочих» Замоскворечья, которые поддерживали связь с фракцией большевиков в Государственной думе. Тогда-то московское охранное отделение и завело «Журнал наружного наблюдения» за Есениным. Кличка наблюдения – «Набор», видимо, из-за того, что, сбежав из contadorы мясной лавки купца Крылова, он поступил на работу в Сытинскую типографию.

Его первые публикации появились в московских журналах под псевдонимом «Метеор» и «Аристон». Свой первый гонорар в три рубля он отдал отцу, чтобы смягчить ссору и доказать, что не только в мясной лавке можно зарабатывать на жизнь. Вскоре, выдавая желаемое за действительное, он сообщил Грише Панфилову, что «распечатался во всю ивановскую», а от Марии Бальзамовой в порыве самоутверждения потребовал вернуть все письма, поскольку он «уже не мальчик» и «условия любовные и будничные» у него другие, а главное, существуют «литературные права собственности».

21 декабря (по старому стилю) 1914 года Анна Изряднова, работница Сытинской типографии, милая, тихая, преданная женщина, родила ему сына Юрия, и он был заботливым отцом, пока Муза не увела его в литературный Петроград.

*Среди работников Сытинской типографии.
На первом плане Анна Изряднова, 1914*

С течением времени Анна Изряднова поняла, что он никогда к ней не вернется, оттого что

И лаза, увидевшие землю,
В иную землю влюблены.

Или, как он говорил,

Только гость я, гость случайный
На горах твоих, земля.

С ним были связаны ее самые светлые воспоминания. Упрекать она не умела.

«Ко мне он очень привязался, читал стихи. Требователен был ужасно, не велел даже с женщинами разговаривать – они нехорошие. Посещали мы с ним университет Шанявского. Все свободное время читал, жалованье тратил на книги, журналы, нисколько не думая, как жить...»

В конце декабря у меня родился сын. Есенину пришлось много канителиться со мной (жили мы только вдвоем). Нужно было меня отправить в больницу, заботиться о квартире. Когда я вернулась домой, у него был образцовый порядок: везде вымыто, печи истоплены, и даже обед готов и куплено пирожное, ждал. На ребенка смотрел с любопытством, все твердил: «Вот я и отец». Потом скоро привык, полюбил его, качал, убаюкивая, пел над ним песни. Заставлял меня, укачивая, петь: «Ты пой ему больше песен». В марте поехал в Петроград искать счастья⁷.

Там Есенин смущил изысканных ценителей поэзии своей первозданной, деревенской чистотой, хотя и пел порой, чтоб раздразнить их, залихватские частушки. Его заметили Александр Блок, Сергей Городецкий, Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский, Иванов-Разумник и многие другие. Часто приходилось бывать и в околовалютных кругах, где чем мельче литератор, тем он богемнее.

Один из петербургских вечеров у Рюрика Ивнева по воспоминаниям современника.

«В обществе преобладали те маленькие снобы, те иронические и зеленолицые молодые поэты, которые объединялись под знаком равнодушия к женщине – типичнейшая для того «александрийского времени» фаланга. Нередко они были остроумны и всегда сплетничали и хихикали. Их называли нарицательно «юрочкиами». Среди них были и более утонченные, очень напудренные эстеты, и своего рода мистики с истерией в стихах и развинченном теле, но некоторые были и порозовее, только что приехавшие с фронта.

С Сергеем Городецким, 1915

Такой состав присутствующих был неорганизованным, случайным, но удивить никого не мог: это было обычное в младших поэтических кругах, даже традиционное “бытовое явление”...

Есенин, не казавшийся нелепым в этом кругу только потому, что там ничто не могло быть странным и все могло быть забавным, принимал их прилично затушеванную язвительность за питерскую любезность. Щебечущий и ласковый хозяин, с восторгом относившийся к Сергею, смягчал прорывавшуюся неловкость⁸.

А Есенин ускользал с присущей ему крестьянской хитречкой, патриархальной благовоспитанностью и ласковой жалостью к людям. Вместе с Николаем Клюевым, который по духу оказался ему ближе всех, его уже окрестили «кустарным», не всегда принимали, но находились и покровители.

19 февраля 1917 года, за одну неделю до революции, Есенин с Клюевым читают стихи в трапезной палате Федоровского городка под Петроградом во время приема членов «Общества возрождения художественной Руси»⁹, в которое входили Алексей Ремизов, Николай Клюев, Сергей Есенин, Виктор Васнецов, Михаил Нестеров, Иван Билибин...

Согласно принятому Уставу, цель «Общества», учрежденного близкими к престолу кругами, понималась как «широкое ознакомление с самобытным древним русским творчеством во всех его проявлениях и дальнейшее преемственное развитие в применении к современным условиям».

«Общество возрождения художественной Руси», основанное при Федоровском Государевом соборе в Царском Селе, включало в себя отделы: 1. Церковно-религиозный; 2. Художественный; 3. Музейно-библиотечный; 4. Словесный; 5. Издательский и просветительский; 6. Поездок и путешествий. В Федоровском городке, который был построен вокруг собора при участии В.М. Васнецова, предполагалось создать коллекции древнерусских орнаментов и стариинного оружия, но в годы войны в нем пришлось разместить лазарет для раненых. В то время Есенин служил санитаром в Царскосельском полевом военно-санитарном поезде № 143, который был причислен к царскосельскому лазарету Федоровского городка, где часто бывали Императрица и её дочери. Есенин с Клюевым выступали на концертах для раненых. Когда об этих выступлениях стало известно в Петрограде, демократически настроенная публика возмутилась. По свидетельству очевидца, одна дама даже кричала: «Пригрели на груди змею».

Более сдержанные в своих эмоциональных оценках советские историки в конце концов охарактеризуют «Общество возрождения художественной Руси» как «открыто реакционное»¹⁰ и приведут в доказательство тезисы программы «Об-

*Царское Село. Военно-санитарный поезд № 143.
Сергей Есенин в первом ряду*

щества». На мой взгляд, они выдержаны в духе славянофильства перед натиском побеждающего западничества.

1. Национальная несостоительность современной русской литературы. Бессилие европейских форм. Признаки распада и крушения. Конец «европейского периода». Искания самобытности. Предвестия литературного бунта.

2. «Славянский классицизм» как историческая неизбежность.

3. Преодоление «европеизма», необходимость литературного переворота, коренная ломка двухсотлетних навыков. Возврат к племенным источникам. Назад в дотатарскую Русь.

Почему не славянофильская, а западническая направленность идей так часто одерживала победу в нашем Отечестве — тайна русской истории. Западники победили и при Петре I,

На военной службе. Солдат-санитар

и в 1917 году, и в 1991-м. Противостоять веяниям своего времени решались немногие, ибо оно мстит забвением, с чем юность не может смириться. Но вернемся к поэту.

24 февраля Есенин был послан в Могилев, где располагалась Ставка Верховного Главнокомандующего русской армии, а на этом посту в чине полковника находился Государь Император. «Революция застала меня на фронте», – писал позднее Есенин в автобиографии и добавлял, пытаясь попасть в ногу со временем: «В одном из дисциплинарных батальонов»¹¹.

В родную литературу он вошел в 1916 году книгой «Радуница», что означает поминование усопших, и даже одним стихотворением «Русь».

Понакаркали черные вороны:
Грозным бедам широкий простор.
Крутит вихорь леса во все стороны,
Машет саваном pena с озер.

Грянул гром, чашка неба расколота,
Тучи рваные кутают лес.

На подвесках из тонкого золота
Закачались лампадки небес.

Собиралися мирные пахари
Без печали, без жалоб и слез,
Клали в сумочки пышки на сахаре
И пихали на кряжистый воз.

А за думой разлуки с родимыми
В мягких травах, под бусами рос,
Им мерещился в далях за дымами
Над лугами весенний покос.

Ой ты, Русь, моя родина кроткая,
Лишь к тебе я любовь берегу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.

1914

Среди малоизвестных стихотворений Есенина той поры – стихотворное послание к царевнам, датируемое по списку 22 июля 1916 года. В этот день Святой Марии Магдалины, обращаясь к «младым царевнам», которые пытались облегчить участь раненых, поэт прочел провидческие строки о судьбе тех, кто почудился ему в багровом зареве заката березками в венцах мучениц. Возможно, только на мгновение, смысл которого раскрывается во Времени.

В багровом зареве закат шипуч и пенен,
Березки белые горят в своих венцах.
Приветствует мой стих младых царевен
И кротость юную в их ласковых сердцах.

Где тени бледные и горестные муки,
Они тому, кто шел страдать за нас,
Протягивают царственные руки,
Благословляя их в грядущей жизни час.

Императрица Александра Федоровна с дочерьми Татьяной и Ольгой во время войны

На ложе белом, в ярком блеске света,
Рыдает тот, чью жизнь хотят вернуть...
И вздрагивают стены лазарета
От жалости, что им сжимает грудь.

Все ближе тянет их рукой неодолимой
Туда, где скорбь кладет печать на лбу,
О, помолись, Святая Магдалина,
За их судьбу.

Молва передает, что с Анастасией, самой младшей из царевен, после своего выступления поэт беседовал, гуляя в саду.

— Да так оно и было. Он сам мне об этом рассказывал, когда мы познакомились, — вспоминала поэтесса Надежда Вольпин. — Так и сказал: «Гуляли с Настенькой по саду».

В Царском Селе Есенину довелось побывать еще раз вскоре после октябрьского переворота. Но об этом долгое время замалчиваемом факте чуть позднее.

А пока нельзя не вспомнить еще одного царскосельского гостя из крестьянской среды, который оставил в жизни Есенина незримый след. Это Григорий Распутин. Его неоднократно упоминает в своих стихах Николай Клюев, как своего рода посланца от народа. «Чарый Гришка», каких на Руси много. Судя по описаниям Клюева, он юродивый, т. е. дерзкий ясновидец. И действительно, за десять дней до своего убийства *Распутин предсказал в письме Государю*, что новый, 1917 год уже не встретит. А далее приписал:

«Русский царь!

Знай, если убийство совершают твои родственники, то ни один из твоей семьи, родных и детей, не проживет дольше двух лет... Их убьет русский народ... Меня убьют. Я уже не в живых. Молись. Молись. Будь сильным. Заботься о своем избранном роде».

Как известно, эти предсказания сбылись полностью. В 1919 году в Петропавловской крепости был расстрелян Великий князь Николай Михайлович, последний из оставшихся в России Романовых.

Позднее, вспоминая царскосельского ясновидца, к прозвищу Советский Распутин Есенин отнесся спокойно.

Брошу все. Отпущу себе бороду
И бродягой пойду по Руси.

Остается только добавить, что недавно опубликованные минимальным тиражом воспоминания Григория Распутина о хождении по святым местам свидетельствуют о том, что он был еще и талантливым сказителем. Так что у сибирского крестьянина, наделенного огромной внутренней силой, было чему поучиться, хотя бы издали вглядываясь в него. Вот только времени для царскосельских встреч оставалось все меньше и меньше. К тому же в сердце Клюева закралась

Сергей Есенин и Николай Клюев, 1916

обида на то, что хотя от поэтов и ждут стихов в духе «Общества возрождения художественной Руси», а слушают их редко, предпочитая беседы с Григорием Ефимовичем. Поэтому на предложение полковника Ломана, одного из основателей «Общества», о выпуске книги стихотворений Клюев ответил уклончивым письмом.

Уже тогда он знал, к чему обязывает дар поэта.

И не оберточный Романов,
А вечность жалует меня, —

по-распутински дерзко утверждал Клюев и всегда той же независимости учил своего младшего друга.

В преддверии Рождественских праздников об убийстве Григория Распутина говорили все: кто с радостью, а некоторые с болью. Его израненное тело лежало в склепе Федоровского собора, а потом было тайком похоронено на опушке царскосельского парка под строящейся часовней Серафима Саровского.

21 декабря 1916 года Государь записал в своем дневнике:

«Гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17 декабря извергами в доме Ф. Юсупова, стоял уже опущенным в могилу. Отец Александр Васильев отслужил литию, после чего мы вернулись домой. Погода была серая до 12° мороза. Погулял до докладов».

По воспоминаниям Анны Вырубовой, в те дни он все повторял: «Мне стыдно перед Россией, что руки моих родственников обагрены кровью мужика»¹².

После февральского переворота 4 марта министр юстиции отдал распоряжение о прекращении дела об убийстве Распутина. Общая амнистия была объявлена только 6-го. Вскоре тело Распутина, сохранившееся в нетлении (что революционная печать представляла следствием искусной мумификации), было сожжено.

Французский посол в России М. Палеолог записал:

«Вчера вечером (т. е. 22 марта) гроб Распутина был тайно перевезен из Царскосельской часовни в Парголовский лес. Там на прогалине несколько солдат под командой саперного офицера соорудили большой костер из сосновых ветвей... Затем все полили керосином и сожгли. Сожжение продолжалось более 6 часов, вплоть до зари. Несмотря на ледяной ветер, на томи-

Г. Е. Распутин с комендантом Царскосельского дворца Д. Н. Ломаном (справа) и князем В. П. Путятиным

тельную длительность операции... несколько сот мужиков всю ночь толпами стояли вокруг костра, боязливые, неподвижные, в оцепенелой растерянности наблюдая святотатственное пламя, медленно пожиравшее мученика-старца, Друга Царя и Царицы, Божьего человека. Когда пламя сделало свое дело, солдаты собрали пепел и погребли его под снегом».

Через несколько лет и Николаю Клюеву начали сниться провидческие сны. Они приходили на смену стихам и сменялись стихами. Он прекрасно осознавал, что ему может быть поставлено в вину. И на вопрос: «За что?» – ответил сам.

В 1917 году он писал:

Меня Распутиным назвали,
В стихе расстригой, без вины,

За то, что я из хвойной дали
Моей бревенчатой страны,

Что души печи и телеги
В моих колдующих зрачках
И ледовитый плеск Онеги
В самосожженческих стихах.

Что васильковая поддевка
Меж коленкоровых мимоз,
Я пугачевскою веревкой
Перевязал искусства воз.

Картавит дружба: «Святотатец»,
Приятство: «Хам и конокрад».
Но мастера небесных матиц
Воздвигли вешему Царьград.

В тысячестолпную Софию
Стекутся зверь и человек.
Я Алконостную Россию
Запрятал в дедовский сусек...

А в 1923 году ему привидится то, что и в стихи нельзя
вместить. Он назовет это сном и добавит: «Сон аспидный».

«Взята под стражу... В тюрьме сижу... Безвыходно мне и от-
чаянно. Сторож тюремный ключами звякает, жалеючи меня,
говорит мне, что казнь моя завтра и что придется меня, хоть
и жалко, в холодный каземат на ночь запереть. “Господи, –
думаю, – за что меня?” А сторож тюремный, жалеючи меня,
говорит: “За то, что в дневнике царя Николая II ты обозначен!
Теперь уж никакая бумага не поможет!” И подает мне чер-
ный, как грифельная доска, листик, а на листике белой про-
писью год рождения моего, имя и отчество назнаменованы.
Вверху же листа слово “жив” белеет...

Завтра казнь... Безвыходна тюрьма, и не вылизать языком
белых букв на черном аспиде...»¹³

Обыкновенная аспидная доска. Сон аспидный, злой, сон-змея. Словно замкнулось кольцо, и дата рождения совпала с датой смерти, и нельзя ничего изменить. Царскосельские дни миновали. Но неистребима «лесов и рек молва», все, что он назвал «Алконостной Россией» в те далекие дни. А куда их теперь запрячешь, в какой дедовский сусек, в какие строки подальше от победителей? Сон в руку.

Глава 2

«Сумасшедшая, бешеная, кровавая муть!..»

1917 год принес новые песни. *Из воспоминаний Владимира Чернявского:*

«В полуздимней слякоти – без уличных фонарей, с редкими огнями в лужах – стоял над нами Октябрь веселый и мрачный, беспокойный и необыкновенный»¹.

По словам Чернявского, «в практической жизни писательского круга Есенин от Блока не зависел, но изредка по невольному влечению приходил поговорить с ним». Чернявский отмечает: «Пели уже вокруг “черный вечер, белый снег...”»

Блок, по его признанию, услышал «большой шум». Это и был «циклон революции». Так возникла поэма «Двенадцать» с ее таинственным, пророческим и неразгаданным концом. В ней находили оправдание революции, и это мучило Блока.

Записав услышанное, он испытывал всевозрастающее тягостное чувство сопричастности с разрушением.

Ветер, ветёр!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер –
На всем божьем свете!

.....
Кругом – огни, огни, огни...
Оплечь – ружейные ремни...

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

«Двенадцать» не поняли. А он изобразил стихию и увидел в ней Спасителя. Только в стихии, голоса которой и пытался передать Блок, возможна встреча несовместимых сил.

Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь –

.....
В кондовую,
В избянную,
В толстозадую!

Эх, эх, без креста!

.....
...Так идут державным шагом –
Позади – голодный пес,
Впереди – с кровавым флагом,
И за выюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос.

Образ старого мира? Куда он идет в белом венчике из роз?
На Голгофу вместе с Россией? И после всех коловорщений Он
впереди.

Когда Россия распалась на красных и белых, кто-то должен был предчувствовать их историческое, неизбежное единение перед угрозой нового опустошения Отечества. Поэт предсказал спасение, возможно, даже неожиданно для себя с христианской точки зрения. Не этого ли единения во Христе боятся новые расчленители Отечества?

Как ни странно, но ближе всех к пониманию потаенного смысла «Двенадцати» оказался полный антипод Блока, его современник, пролетарский публицист Георгий Устинов. В 1923 году, пытаясь вскрыть «реакционность» Блока, он писал:

«Блок вел, путем насилий и разбоя, двенадцать красноармейцев (“12 апостолов”), как жертвы, как разбойников – к Голгофе. Их гибель, то есть, стало быть, гибель пролетарской революции, поэт считал неизбежной и непредотвратимой. Они только искупление “мерзостей жизни”, они – жертва, обреченная на заклание, – Русь, положенная на жертвенник, во имя расцвета западноевропейского капитализма»².

Цитируя заключительные строки поэмы, проницательный критик не может не признать их глубинной согласованности со всей поэмой.

«Через Русь придет спасение миру, как его понимает Блок, через ее гибель воскреснут народы. Она и разбойник, и святой, в одно и то же время»³.

Однако удержаться на высоте Блока его толкователю не удается, и он тут же спешит развенчать поэму:

«Но Блок обманулся в своем мистическом и индивидуалистическом понимании революции. Россия перешагну-

Остатки памятника царю-освободителю Александру II

ла Голгофу и не во имя западноевропейской культуры, а во имя всечеловеческой культуры и прежде всего – своей собственной. Христос в белом венчике вызвал только улыбку на лице хитрого, прищуренного русака, прицелившегося из винтовки не только в старую блоковскую “толстозадую Русь”, но во весь старый, рабовладельческий и рабский мир. Блок, как и большинство – почти все русские писатели и поэты, верил известному навету, что Октябрьская революция сделает из России колонию германских империалистов»⁴.

Действительно, наиболее дальновидные предсказывали, что после краха большевизма будет еще страшнее, ибо обнаружится, что в результате революции Россия отстала от Западного мира на несколько десятилетий.

А мы утешимся тем, что возрождение России предсказали ее поэты-пророки, хотя каждый из них шел своим путем.

О встречах Есенина с Блоком мы знаем немного.

«...Был только один случай, правда, резкий и надрывный, даже решающий, когда, явясь к Блоку, он держал себя с ним, по собственному признанию, вызывающе и дерзко... Это был период, когда он в яростном напряжении молодых сил... ничего не видел, кроме рождения “новой России” в музических яслях» (рассказ В. Чернявского, очевидно, со слов Есенина)⁵.

Разумеется, далеко не всем мемуарам можно доверять. Но иногда ониозвучны стихам поэта, и тогда их истинность несомненна. Да, революцию Есенин воспринял как поэт из глубины России. В октябре 1917 года им написана поэма «Пришествие», почти забытая в наши дни.

1

Господи, я верую!..
Но введи в свой рай
Дождевыми стрелами
Мой пронзенный край.

За горой нехоженной,
В синеве долин,
Снова мне, о Боже мой,
Предстает Твой Сын.

По Тебе молюся я
Из мужичьих мест;
Из прозревшей Руссии
Он несет свой крест.

Но пред тайной острова
Безначальных слов
Нет за Ним апостолов,
Нет учеников.

2

О Русь, Приснодева,
Поправшая смерть!
Из звездного чрева
Сошла Ты на твердь.

На яслях овечьих
Осынила дол
За то, что в предтечах
Был пахарь и вол.

Воззри же на нивы,
На сжатый овес, –
Под снежною ивой
Упал твой Христос!

Опять Его вои
Стегают плетьми
И бьют головою
О выступы тьмы...

Значительно чаще вспоминали другое есенинское стихотворение – «Товарищ», не улавливая его глубинного смысла: революция не пощадила даже младенца Иисуса. «Товарищ» впервые появился в печати в мае 1917 года, раньше поэмы Блока «Двенадцать», когда стихия еще не разбушевалась в полную силу, но есенинское стихотворение куда более безысходно.

Соколы вы мои, соколы,
В плену вы,
В плену!

Столь ласково-проникновенные интонации были свойственны только Есенину.

Из Константинова в июне 1917 года Есенин посыпает письмо в Туркестан Александру Ширяевцу, пытаясь утешить сотоварища по перу после его не вполне удачного посещения петроградской квартиры Блока.

«Бог с ними, этими питерскими литераторами, ругаются они, лгут друг на друга, но все-таки они люди, и очень недурные внутри себя люди, а потому так и развинчены. Об отно-

шениях их к нам судить нечего, они совсем с нами разные, и мне кажется, что сидят гораздо мельче нашей крестьянской купницы. Мы ведь скифы, принявшие глазами Андрея Рублева Византию и писания Козьмы Индикоплова с поверием наших бабок, что земля на трех китах стоит, а они все романцы, брат, все западники. Им нужна Америка, а нам в Жигулях песня да костер Стеньки Разина...

Да, брат, сближение наше с ними невозможno. Ведь даже самый лучший из них – Белинский, говоря о Кольцове, писал “мы”, “самоучка”, “низший слой” и др., а эти еще дурнее.

...С ними нужно не сближаться, а обтесывать, как какую-нибудь плоскую доску, и выводить на ней узоры, какие тебе хочется, таков Блок, таков Городецкий и все и весь их легион...»⁶

(24 июня 1917 г.)

В это время настольными книгами Есенина были Библия и «Слово о полку Игореве». Он часто повторял: «О Русская земля, ты уже за горою!»

Но о чем же поэт молчал? Один его «грех» был хорошо известен новой власти. И при случае ему напоминали, что, дескать, написал верноподданнические стихи. А сколько таких «грехов» он скрыл!

Только в 1966 году выяснилось, что уже после октябрьской победы большевиков, 14 декабря (по старому стилю) 1917-го, Есенин подписал в Царском Селе клятвенное обещание на верность Царю⁷. Ни Государя Императора, ни его семьи в то время в Царском Селе уже не было, но в среде монархически настроенных людей еще теплилась надежда на реставрацию. А характер свершившейся революции, как пишет исследователь П.Ф. Юшин, становился Есенину «все яснее»⁸.

Алексей Ганин и Сергей Есенин (до революции)

Это открытие напугало советских есениноведов, и они тут же поспешили объявить, что речь идет всего лишь о тексте воинской присяги, что и подтвердило научное исследование Центрального государственного архива СССР⁹. Все будто позабыли о дате под документом. Кстати говоря, присягу на верность Керенскому Есенин не принимал, дезертируя из армии.

Так чувства поэта, выраженные в стихотворном послании к царевнам, нашли свое жизненное воплощение в отчаянно мужественном поступке.

Он редко плыл по течению времени. Отступал, уходил в сторону или опережал свое время, пока оно не настигло его поздним вечером в Ленинграде ровно через восемь лет после клятвенного обещания – 27 декабря 1925 года (14 декабря по старому стилю).

О, как он спешил жить, любить и одаривать жизнь стихами!

В августе 1917 года из Петрограда Есенин вместе с Зинаидой Райх (они познакомились в левозеровской редакции) и вологодским поэтом Алексеем Ганиным отправляется в путешествие на Север, на Соловки и дальше – в Мурманск.

В ту пору Алексей Ганин посвящает многие свои стихи Зинаиде Райх, стихи, полные предчувствия неизбежной гибели.

Русалка – зеленые косы,
Не бойся испуганных глаз,
На сером оглохшем утесе
Продли нецелованный час.

Под небом мой радужный пояс
Взвьется с полярных снегов,
И снова, от холода кроясь,
Я лягу у диких холмов,
Шумя, протечет по порогам
Последним потоком слеза,
Корнями врастут мои ноги,
Покроются мхами глаза.
Не вспенится звездное эхо
Над мертвю зыбью пустынь,
И вечно без песен и смеха
Я буду один и один.

Под Вологдой, на родине Алексея Ганина, Есенин и Зинаида Райх повенчались в церкви Кирика и Иулитты. Но, несмотря на рождение дочери Татьяны в мае 1918 года, семейная жизнь во второй раз не складывается.

Осенью 1918-го, в дни красного террора, Есенин работает в Москве над книгой «Ключи Марии», во многомозвучной духовным исканиям царскосельского «Общества возрождения художественной Руси», от которого благоразумные, включая Сергея Городецкого, после революции не только отошли, но даже название вычеркнули из своей памяти.

«Ключи Марии» – одна из самых удивительных работ Есенина, в которой поэт предстает перед нами философом,

Зинаида Райх с дочерью Таней, 1918

постигшим тайны народной жизни, космизм народного сознания.

После гибели Есенина Городецкий сожалел, что «Ключи Марии» не были разбиты при жизни Есенина «каким-нибудь дельным – даже не марксистом, а просто материалистом», тогда творчество Есенина «могло бы взять другое русло»¹¹.

В «Ключах Марии» Есенин писал:

«Все, что рассматривается извне, никогда не рождается в яслях с лучами звезд в глазах и мистическим ореолом над головой. Звезды и круг – знаки той грамоты, которая ведет читающего ее в сад новой жизни и нового просветленного чувствования. Наши исследователи не заглянули в сердце нашего народного творчества. Они не поняли поющего старца:

«Как же мне, старцу :
 Старому, не плакать,
 Как же мне, старому, не рыдать,
 Потерял я книгу золотую
 Во темном бору,
 Уронил я ключ от церкви
 В сине море».
 Отвечает старцу Господь Бог:
 «Ты не плачь, старец, не вздыхай,
 Книгу новую я вытку звездами,
 Золотой ключ волной выплесну».

Этот духовный стих «О Голубиной книге» Есенин мог услышать в детстве в доме своей бабушки Натальи Евтеевны Титовой, где иногда останавливались калики перехожие, или на пути к Радовецкому (Радуницкому) монастырю, куда его брала с собой бабушка, приговаривая: «Иди, иди, ягодка, Бог счастья даст».

Позднее он прочел многие книги Ф.И. Буслаева, «Поэтические воззрения славян на природу» А.Н. Афанасьева и про никся идеями русской мифологической школы. Но, естественно, осмысливая эти научные труды, он оставался поэтом.

«Все наши коньки на крышах, петухи на ставнях, голуби на князьке крыльца, цветы на постельном и тельном белье вместе с полотенцами носят не простой характер узорочья, это великая значная эпопея исходу мира и назначению человека. Конь как в греческой, египетской, римской, так и в русской мифологии есть знак устремления, но только один русский мужик догадался посадить его к себе на крышу, уподобляя свою хату под ним колеснице... “Я еду к тебе, в твои лона и пастища”, – говорит нам мужик, запрокидывая голову конька в небо. Такое отношение к вечности как к родительскому очагу проглядывает и в символе нашего петуха на ставнях... Он говорит всем проходящим мимо избы его через этот символ, что “здесь живет человек, исполняющий долг

жизни по солнцу...". Голубь на князьке крыльца есть знак осенения кротостью... Изображается голубь с распостертыми крыльями. Размахивая крыльями, он как бы хочет влететь в душу того, кто опустил свою стопу на ступень храма-избы, совершающего литургию миру и человеку, и как бы хочет сказать: "Преисполняясь мною, ты постигнешь тайну дома сего", – и действительно, только преисполняясь, можно постичь мудрость этих избянных заповедей, скрытых в искусах орнамента. Если б хоть кто-нибудь у нас понял в России это таинство, которое совершает наш бессловесный мужик, тот с глубокой болью почувствовал бы мерзкую клевету на эту мужичью правду всех наших кустарей и их приспешников. Он бы выгнал их как торгующих из храма, как хулителей на Св. Духа...

Мы заставили жить и молиться вокруг себя почти все предметы...

Древо – жизнь. Каждое утро, встав от сна, мы омываем лицо свое водою. Вода есть символ очищения и крещения во имя нового дня. Вытирая лицо свое о холст с изображением дерева, наш народ немо говорит о том, что... он помнит себя семенем надмирного дерева...»

И поэтому, как пишет Есенин, надо полюбить мир «не простой любовью глаза», а полюбить и познать «самою правдивой тропинкой мудрости, на которой каждый шаг словесного образа делается так же, как узловая завязь самой природы».

Ощущая себя «у смертного изголовья этой мистической песни человека», порвавшего «узловую завязь природы», поэт говорит:

«Искусство нашего времени не знает этой завязи, ибо то, что она жила в Данте, Геббеле, Шекспире и других художниках слова, для представителей его от сегодняшнего дня прошло мертвой тенью. Звериные крикуны, абсолютно безграмотная критика и третичный период идиотического со-

стояния городской массы подменили эту завязь безмозглым лязгом железа Америки и рисовой пудрой на выпитых щеках столичных проституток. Единственным расточительным и неряшливым, но все же хранителем этой тайны была полуразбитая отхожим промыслом и заводами деревня. Мы не будем скрывать, что этот мир крестьянской жизни, который мы посещаем разумом сердца через образы, наши глаза застали, увы, вместе с расцветом на одре смерти. Он умирал, как выплеснутая волной на берег земли рыба. В судорожном бисении он ловил своими жабрами хоть струйку родного ему воздуха, но вместо воздуха в эти жабры впивался песок и, словно гвозди, разрывал ему кровеносные сосуды».

Сквозь умирание и грядущее воскресение народной жизни поэту слышится песня как «ответный перезвон узловой завязи природы с сущностью человека»:

Завила кудри,
Завила русы
Родна сестрица,
На светел месяц
Она глядючи,
Со воды узор
Сонимаючи.

На пути к «свету искусства, – как пишет Есенин, – люди должны научиться читать забытые ими знаки. Должны почувствовать, что очаг их есть та самая колесница, которая увозит пророка Илью в облака. Они должны постичь, что предки их не простыми завитками дали нам фиту и ижицу, они дали их нам, как знаки открывающейся книги, в книге нашей души».

(сентябрь, 1918 г.)

Так в «Ключах Марии» прозвучала надежда на возрождение народного, глубоко христианского миропонимания. Но,

*Открытие памятника Алексею Кольцову.
На трибуне Л. Б. Каменев. За ним Сергей Есенин*

подобно многим, на первых порах Есенин принял антихриста за Христа.

3 ноября 1918 года поэт читает стихи на открытии памятника Алексею Кольцову в Москве, в которых начинают звучать богооборческие нотки, столь характерные для того времени, но в творчестве Есенина они «как звездный шум».

О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
Синими именами
Встает иная степь.

А там, за взгорьем смолым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый,
Такой разбойный я.

Долга, крута дорога,
Несчетны склоны гор;
Но даже с тайной Бога
Веду я тайно спор.

Сшибаю камнем месяц
И на немую дрожь
Бросаю, в небо свесясь,
Из голенища нож.

За мной незримым роем
Идет кольцо других,
И далеко по селам
Звенит их бойкий стих.

Из трав мы вяжем книги,
Слова трясем с двух пол.
И сродник наш, Чапыгин,
Певуч, как снег и дол.

Скройся, сгинь ты, племя
Смердящих снов и дум!
На каменное темя
Несем мы звездный шум.

Стихотворение написано в 1917 году. Мы – это Алексей Ганин, Сергей Есенин, Сергей Клычков, Николай Клюев, Василий Наседкин, Петр Орешин... Им всем предстояло погибнуть. Раскручивалось «красное колесо».

После заключения Брест-Литовского мира, расстрела семьи Романовых и ряда казней правый эсер, студент Леонид Каннегисер 31 августа 1918 года выстрелил в начальника Петроградской ЧК Моисея Урицкого.

Поэт Леонид Каннегисер был близким другом Есенина. В 1915 году он приезжал в Константиново. По воспоминаниям младшей сестры Есенина, она в то время никак не могла выговорить необычное имя Леонид. Это и был Каннегисер.

Леонид Каннегисер. Последняя фотография из Петроградской ЧК, 1918

Из воспоминаний Марка Алданова о Леониде Каннегисере и начале красного террора:

«Конспирация у них была детская – по-детски серьезная и по-детски наивная»¹².

Леонид Каннегисер, как пишет Алданов, приехал к Таврическому дворцу, где разместилась Петроградская ЧК, на велосипеде.

– Товарищ Урицкий принимает? – спросил он швейцара.

– Его Высокопревосходительство еще не прибыли, – ответил старик, обалдевший от новых порядков, как и большая часть прислуги императорских дворцов.

Через несколько минут раздался выстрел у лифта.

Алданов пишет:

«Без фуражки, оставленной на подоконнике, не выпуская из рук револьвера, он выбежал на улицу, вскочил на велосипед и понесся вправо – к Миллионной... Если бы во дворе

(Английского клуба. – *H. C.*) проходные ворота были открыты, убийца еще мог бы спастись».

Что толкнуло Каннегисера на убийство? Алданов полагает:

«Непосредственной причиной его поступка, вероятно, и в самом деле было желание отомстить за погибшего друга (только этим еще и можно объяснить выбор Урицкого). Психологическая же основа была, конечно, очень сложная. Думаю, что состояла она из самых лучших, самых возвышенных чувств. Многое туда входило: и горячая любовь к России, заполняющая его дневники, и ненависть к ее поработителям, и чувство еврея, желавшего перед русским народом, перед историей противопоставить свое имя именам Урицких и Зиновьевых, и дух самопожертвования – все то же “на войне ведь не был”, и „жажда “всеочищающего огня страданья”, – нет, не выдумано поэтами чувство, которое прикрывает эта звонкая риторическая фигура»¹³.

Как свидетельствует Марк Алданов, после убийства Урицкого в Петроградской (Северо-Западной) коммуне, находившейся в ведении Г. Зиновьева, было в одну ночь расстреляно 500 ни в чем не повинных людей.

«На контрреволюционный террор против лиц рабочая революция ответит террором пролетарских масс, направленным против всей буржуазии и ее прислужников», – писал Г. Зиновьев.

Размах террора, по документам того времени, был невообразимо огромен – вплоть до казни малолетних детей. Расстрел шести двенадцатилетних мальчиков в Архангельске – отнюдь не единичный случай¹⁴.

«Устрашение есть могущественное средство политики и международной, и внутренней», – теоретизировал Лев Троцкий в работе «Тerrorизм и коммунизм» (1925 г.), ничуть не исказя марксизма-ленинизма.

Л. Д. Троцкий на митинге

В собрании сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса читаем: «Существует лишь одно средство сократить, упростить и сконцентрировать кровожадную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только одно средство – революционный терроризм»¹⁵. Более того, фундаментальное учение К. Маркса и Ф. Энгельса обосновывало необходимость глобального террора во имя революционного преобразования мира: «Славяне... постоянно служили как раз главным орудием контрреволюции... На сентиментальные фразы о братстве, обращенные к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их первой революционной страстью (...), и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от

опасности. Мы знаем теперь, где сконцентрировались враги революции: в России и славянских областях Австрии, и никакие фразы и указания на неопределенное демократическое будущее этих стран не помешает нам относиться к нашим врагам, как к врагам»¹⁶.

В работе «Тerrorизм и коммунизм» Троцкий отмечает, «что эти меры (терроризм. -- Н. С.) оказались недействительны, этого теперь не скажет никто». А далее следует саркастический вопрос: «Но, может быть, их потребуют считать... «недопустимыми»?»

Настало время ответить и на этот вопрос. Терроризм, одно из проявлений реваншизма, вполне допустим с точки зрения ряда политических течений, а именно: марксизма-ленинизма, сионизма, фашизма. К великому сожалению, на путь реваншизма уже в наши дни вступают некоторые оппоненты этих политических течений, что может привести к новой трагедии.

Не «Россия, кровью умытая», как писал Артем Веселый, а Россия, затопленная кровью, «сумасшедшая, бешеная кровавая муть», – точнее не скажешь о послереволюционной России.

В марте 1921 года, в дни Кронштадтского мятежа, вспыхнувшего вслед за мятежами в Сибири, на Украине и Антоновским мятежом на Тамбовщине, Есенин начинает работу над драматической поэмой «Пугачев», воссоздающей стихию народного восстания, своей образностью восходящей к «Слову о полку Игореве». Он любил читать монолог Хлопуши:

Сумасшедшая, бешеная кровавая муть!
Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам?
Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека.
Я три дня и три ночи искал ваш умет,
Тучи с севера сыпались каменной грудой.
Слава ему! Пусть он даже не Петр!

В окружении имажинистов (слева направо) А. Мариенгоф, С. Есенин, А. Кусиков, В. Шершеневич. Москва, 1920

Чернь его любит за буйство и удаль.
Я три дня и три ночи блуждал по тропам,
В солнце рыл глазами удачу,
Ветер волосы мои, как солому, трепал
И цепами дождя обмолячивал.
Но озлобленное сердце никогда не заблудится,
Эту голову с шеи сшибить нелегко.
Оренбургская заря красношерстной верблюдицей
Рассветное роняла мне в рот молоко.
И холодное корявое вымя сквозь тьму
Прижимал я, как хлеб, к истощенным векам.

Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека.

Волга, Оренбургские степи, где прошел Пугачев, – все это Есенин стремится увидеть своими глазами. И дальше в Азию, Туркестан, где мятежник мог бы укрыться.

О Азия, Азия! Голубая страна,
Обсыпанная солью, песком и известкой.
Там так медленно по небу едет луна,
Поскрипывая колесами, как киргиз с повозкой.
Но зато кто бы знал, как бурливо и гордо
Скачут там шерстожелтые горные реки!
Не с того ли так свищут монгольские орды
Всем тем диким и злым, что сидит в человеке?

В стихии народного бунта Пугачев погибает от предательства. В Ташкенте в кругу знакомых и друзей Есенин читает последний монолог Пугачева.

Где ж ты? Где ж ты, былая мощь?
Хочешь встать – и рукою не можешь двинуться!
Юность, юность! Как майская ночь,
Отзвенела ты черемухой в степной провинции.
Вот всплывает, всплывает синь ночная над Доном,
Тянет мягкою гарью с сухих перелесиц.
Золотою известкой над низеньким домом
Брызжет широкий и теплый месяц.
Где-то хрипло и нехотя кукарекнет петух,
В рваные ноздри пылью чихнет околица,
И все дальше, все дальше, встревоживши сонный луг,
Бежит колокольчик, пока за горой не расколется.
Неужели пришла пора?
Боже мой!
Неужели под душой так же падаешь, как под ношей?
А казалось... казалось еще вчера...
Дорогие мои... дорогие... хор-рошие...

Сергей Есенин, 1919

Поэма «Пугачев» вышла в декабре 1921 года в издательстве «Имажинисты». Она посвящена новому другу Есенина, поэту-имажинисту Анатолию Мариенгофу.

Рюрик Ивнев вспоминал: «Новинки тогда почти ограничивались изданиями имажинистов»¹⁷.

Имажинизм, новое литературное направление, в котором было больше политики, чем литературы, ухватился за славу Есенина. Но уже назревал конфликт.

Вадим Шершеневич, главный теоретик имажинизма, утверждал: «Аритмичность, аграмматичность и бессодержательность – вот три кита поэзии грядущего завтра, которое уже приоткрыло нам свою волосатую грудь. Национальная поэзия – это абсурд, ерунда; признавать национальную поэзию – это то же самое, что признавать поэзию крестьянскую, буржуазную и рабочую. Нет искусства классового, и нет искусства национального... Можно прощать национальные черты поэта (Гоголь), но любить его именно за это – чепуха...

Любовь к родине – это плохая сентиментальность» («Кому я жму руку»¹⁸).

Ответ Есенина: «Вся жизнь наipa есть не что иное, как заполнение большого, чистого полотна рисунками.

Сажая под окошко ветлу или рябину, крестьянин, например, уже делает четкий и строгий рисунок своего быта со всеми зависимостями от климатического стиля. Каждый наш шаг, каждая проведенная борозда есть необходимый штрих в картине нашей жизни...

Северный простолюдин не посадит под свое окно кипариса, ибо знает закон, подсказанный ему причинностью вещей и явлений. Он посадит только то дерево, которое присуще его снегам и ветрам.

Вглядитесь в календарные изречения Великороссии, там всюду строгая согласованность его с вещами и с местом, временем и действием стихий. Все эти “Мары зажги снега, заиграй овражки”, “Авдотьи подмочи порог” и “Федули сестреньки” построены по самому наилучшему приему чувствования своей страны.

У собратьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова, поэтому они так и любят тот диссонанс, который впитали в себя с удушливыми парами шутовского кривляния ради самого кривляния.

У Анатоля Франса есть чудный рассказ об одном акробате, который выделявал вместо обыкновенной молитвы разные фокусы на трапеции перед Богоматерью. Этого чувства у моих собратьев нет. Они ничему не молятся, и нравится им только одно пустое акробатничество, в котором они делают очень много головокружительных прыжков, но которые есть ни больше, ни меньше, как ни на что не направленные выверты.

Но жизнь требует только то, что ей нужно...» («Быт и искусство»).

«Новая этика» имажинизма вполне укладывается в несколько строк Анатолия Мариенгофа. Эта революционная «мораль» предусматривала низвержение христианских понятий, которые так глубоко впитала в себя Россия.

Руки царя Ирода
Нежные, как женщина на заре.
Почему вы, почему не нашли выродка,
Родившегося в Назарее?

.....
Ведь недаром же крестивые муки
Разделил он с двумя разбойниками!..
Ирода нежные руки
Вам простили крохотные покойники.

Или:

Твердь, твердь за вихры зыбим,
Святость хлещем свистящей нагайкой
И хилое тело Христа на дыбе
Вздыбливаем в Чрезвычайке.

Ни один из поэтов, пожалуй, не писал так откровенно во славу массового террора, как имажинист Мариенгоф.

Кровью плюем зазорно
Богу в юродивый взор.
Вот на красном черным:
– Массовый террор!

Несмотря на свое богооборчество, разумеется временное, Есенин даже в поэме «Ионния» (1918) оставался все же по сути своей поэтом христианского миропонимания. Не случайно после ветхозаветных образов, как бы воссоздающих человеческую борьбу с Богом, в поэме звучит песня о втором Пришествии Светлого Иисуса, которое будет «без креста и мук»:

Радуйся, Сионе,
Проливай свой свет!

Обложка сборника «Конница бурь», 1919

Новый в небосклоне
Вызрел Назарет.

Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера – в силе.
Наша правда – в нас!

Небезынтересно отметить, что в конце 1923 года (после товарищеского суда над Есениным¹⁹) эта поэма появилась в еврейской газете в переводе Самуила Галкина. Вскоре, как вспоминает Матвей Ройzman, Есенин получил письмо от некого хасида на древнееврейском языке. Матвею Ройzmanу довелось переводить это, по его словам, юмористическое, шуточное письмо, написанное сатириком Э. Германом (Эмилем Кротким), в котором поэту предлагалось совершить покаяние перед Богом Саваофом в главной хоральной синагоге. После

чего еврейские поэты переведут все стихи Есенина. «Да возликует сердце твое, сын мой, – заканчивал письмо хасид, – да будут преисполнены дни и ночи твои усердными постами и молитвами перед лицом нашего бога, бога единого!» (в переводе Матвея Ройзмана)²⁰.

Такие предложения Мариенгофу даже в шутку никто не делал.

Крайне резко отнесся Есенин к антиблоковскому выступлению имажинистов. *Из воспоминаний Степана Дальнего*:

«На другой день после смерти в клубе поэтов “Домино” на Тверской, 18, московская богема собралась “почтить” память Блока. Выступали Шершеневич, Мариенгоф, Бобров, Аксенов.

Поименованная четверка назвала тему своего выступления “Словом о дохлом поэте” и кощунственно обливала помоями трагически погибшего поэта...

На другой день я искал Есенина, чтобы передать ему о том, как вчера в клубе от имени имажинистов “чили” его покойного друга – Блока. Я нашел его в лавке поэтов на Никитской улице. Есенин дежурил. Рассказав о вчерашнем бе-зобразии, я задал ему такой вопрос:

– Сергей Александрович! Неужели Вы после всего этого не порвете с этой имажинистской...?

– Обязательно порву... Обязательно, ну, честное слово!»²¹

Этот вечер Есенин вновь вспоминает, вернувшись из зарубежной поездки, в Доме ученых, где он выступал с Николаем Клюевым и Алексеем Ганиным.

– Да, я не участвовал в этом вечере и сказал им, моим бывшим друзьям: «Стыдно!»... Как можно осмелиться поднять руку на Блока, на лучшего русского поэта за последние сто лет! (*По воспоминаниям Вл. Пяста*²²).

Недавно мне довелось увидеть один из малоизвестных рисунков Александра Блока. Под рисунком подпись: «Когда я

Яков Блюмкин

умру...» Блок изобразил цепь, которая соединяет страничку его рукописи с крестом. Вспомнились строки:

И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

— Это все о ней, о России, — говорил Блок.

Явлением дикарским и хищническим называл имажинизм Осип Мандельштам²³. В «Ассоциацию Вольнодумцев», учрежденную имажинистами, входил Яков Блюмкин, известный террорист, убийца немецкого посла Мирбаха, принятый Л.Д. Троцким в секретариат Председателя Реввоенсовета Республики. По ряду публикаций, он был начальником его личной охраны. Очевидно, не случайно характеристика Я. Г. Блюмкина, данная ему в показаниях Ф.Э. Дзержинского по «Делу об убийстве немецкого посла», в «Красной книге

ВЧК», изданной в 1920 году, была опущена. При втором изда-
нии, в 1990 году, этот пробел восполнен.

Из показаний Ф.Э. Дзержинского:

«За несколько дней, может быть за неделю, до покушения я получил от Раскольникова и Мандельштама (в Петрограде работает у Луначарского) сведения, что этот тип в разговорах позволяет говорить такие вещи: “Жизнь людей в моих руках, подпишу бумажку – через два часа нет человеческой жизни. Вот у меня сидит гражданин Пусловский, поэт, большая культурная ценность, подпишу ему смертный приговор”, но, если собеседнику нужна эта жизнь, он ее “оставит” и т. д. Когда Мандельштам, возмущенный, запротестовал, Блюмкин стал ему угрожать, что, если он кому-нибудь скажет о нем, он будет мстить всеми силами»²⁴.

По воспоминаниям Георгия Иванова²⁵, у Блюмкина при себе всегда были пачки незаполненных бланков на расстрел. Однажды в присутствии Осипа Эмильевича Блюмкин стал демонстративно заполнять эти бланки. Реакция Мандельштама была мгновенной. Он бросился на кипу смертоносных бумаг. Кто знает, может быть, и это ему засчиталось. Мандельштам говорил, что не устает твердить один прекрасный русский стих:

Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по темницам.

В этих есенинских строках явный намек на Блюмкина.

Но были у Блюмкина и свои пристрастия. Его особой доверенностью и покровительством пользовались имажинисты, к которым благоволил «трибун революции» Троцкий и помогал Л.Б. Каменев, председатель исполкома Московского Совета. О жутковатых литературных вечерах в Кремле на квартире Каменева, которые устраивали глава Московского Совета и его жена Ольга Давыдовна, сестра Троцкого, поведал в своих вос-

Галина Бениславская

поминаниях Владислав Ходасевич²⁶. Там четырнадцатилетний Лютик Каменев, по словам его матери, мальчик на редкость проницательный, подмечал «врагов» с первого взгляда. В тех же воспоминаниях Ходасевич оставил свидетельства и о страшной деятельности Г.Е. Зиновьева в Петрограде.

Влияние Зиновьева в этом городе было столь велико, что даже после того, как он был отозван в Москву в конце 1925 года, его сторонники 7 ноября 1927 года устроили в Ленинграде демонстрацию в поддержку троцкистско-зиновьевского блока.

Из указаний Г. Зиновьева: «Каленым железом прижечь всюду, где есть хотя бы намек на великодержавный шовинизм».

Вряд ли приезды Есенина в Ленинград, своего рода побеги из Москвы, остались незамеченными. Но пока Есенин был среди имажинистов, опекаемых Троцким, он был вне особых подозрений, хотя под наблюдением ЧК находился с 11 января 1920 года, после своего выступления в кафе «Домино», как поэт, «ищущий скандальных выступлений против Советской власти»²⁷.

— Вы думаете, что я вышел читать вам стихи? Нет, я вышел затем, чтобы послать вас к...! Спекулянты и шарлатаны!.. — сказал Есенин на эстраде кафе «Домино»²⁸.

Возможно, эти слова представители правопорядка приняли на свой счет.

Помимо Якова Блюмкина, на литературных вечерах и концертах часто бывала сотрудница ЧК Галина Бениславская. В конце 1920 года в имажинистском кафе «Стойло Пегаса» она познакомилась с Сергеем Есениным и вскоре вошла в круг близких ему людей, вела литературные дела. *По воспоминаниям Ильи Шнейдера:*

«Эта девушка, умная и глубокая, любила Есенина преданно и беззаветно...

Только... женитьба Есенина на внучке Льва Толстого Софье Андреевне Толстой заставила Бениславскую отойти от него...

Галина Бениславская почти через год после смерти поэта — 3 декабря 1926 года — окончила жизнь самоубийством на могиле Есенина...»²⁹

Если только ее не убили, что вполне вероятно. А достоверно только одно: после гибели Есенина Бениславская «механически вышла из партии». И еще осталась *предсмертная записка*, написанная на папиросной коробке.

«3.XII.1926. “Самоубилась” (обратите внимание на кавычки. — H. C.) здесь, хотя и знаю, что после этого еще больше собак будут вешать на Есенина. Но и ему и мне это будет все равно. В этой могиле для меня все самое дорогое, поэтому на последок наплевать на Сосновского и общественное мнение, которое у Сосновских на поводу.

Если финка будет воткнута после выстрела в могилу — значит, даже тогда я не жалела. Если жаль — заброшу ее далеко. 1 осечка»³⁰.

Благодаря этой записке «самоубиенную» похоронили рядом с Есениным. И если бы не дневник Бениславской, который мы еще раскроем, в образ «верной Гали» можно было бы поверить.

Глава 3

«Ваше равенство – обман и ложь...»

7 ноября 1921 года, в четвертую годовщину Октябрьской революции, в Большом театре звучало своеобразное попурри из 6-й симфонии Чайковского, «Славянского марша», «Интернационала» и упраздненного гимна «Боже, царя храни» – музыка для представления Изадоры (Айседоры) Дункан.

Из воспоминаний болгарского летчика Христо Пакова:

«Нам досталось кресло в партере. Вдруг все зрители встали со своих мест и повернулись к расположенной в центре правительственной ложе. Со всех сторон слышалось:

“Ильич... Ильич... Ильич...”

В ложе, всего лишь в нескольких шагах от нас, показался вместе с Дзержинским и его помощником Менжинским весело улыбающийся Ленин. Он приветственно поднял руку, и весь многоярусный зал встретил его нескончаемыми рукоплесканиями.

На авансцену вышел Луначарский. Он кратко рассказал о творчестве всемирно известной балерины Айседоры Дункан и пояснил содержание предстоящего балета. Поднялся занавес. Сцена изображала полушарие Земли. В центре лежал закованный цепями раб. Его роль исполняла сама Айседора. Из оркестра чуть слышно доносились первые аккорды, напоминавшие песню русских бурлаков¹. Под эти звуки балерина мастерски передала страдания измученного оковами раба. Внезапно прозвучала мелодия ненавистного народу гимна “Боже, царя храни...”. В то же мгновение в глубине сцены возник страшный двуглавый орел. Он хотел растерзать раба. Царский гимн гремел все громче. Но раб мужественно сопротивлялся. В каждом движении, каждом жесте и выразительной мимике великой актрисы отражалось все напряжение неравной борьбы. Но вот под бравурные звуки “Марсельезы” рабу удалось, освободив от цепей одну руку, схватить двуглавого орла. И тогда “Марсельезу” сменил величавый мотив “Интернационала”. Раб сбросил остальные цепи. Радостно засияло лицо балерины. Вихрем понеслась она по сцене в ликующем танце Освобождения...

Честно говоря, в то время я неважно разбирался в хореографическом искусстве. К тому же куда чаще, чем на сцену, я смотрел на правительенную ложу. Ведь там – всего-навсего в нескольких метрах от нас – находился Ленин. Ясно видел я его такое проникновенное, выразительное лицо. Передо мной был необыкновенно восприимчивый зритель, чутко откликающийся на все, что происходило на сцене.

На сцене снова Луначарский. Он объявил, что артистка готова повторить заключительную сцену балета, если зрители исполнят вместе с ней “Интернационал”. Публика встретила эту весть с энтузиазмом. И когда Дункан вышла на сцену, все, не ожидая оркестра, стоя запели “Интернационал”. Пел вместе со всеми, кто был в зале, и Владимир Ильич...»²

Изадора Дункан

Илья Шнейдер, организатор «светомузыки», уточняет:
 «Свидетельство Христо Пакова еще раз подчеркивает интерес В.И. Ленина к искусству Айседоры Дункан. Кстати, о детали, характеризующей силу выразительности ее искусства: никакого двуглавого орла на сцене не было, но болгарский летчик увидел его!»³

Осенью 1921 года по всей Москве были расклеены объявления о приеме на платные курсы по адресу Пречистенка, 20, где в бывшем особняке балерины Балашовой, который долгое время был опечатан ВЧК, поселилась Дункан.

По описанию Галинга в «Театральной Москве»: «...Небольшой зал, кругом обтянутый голубоватым холстом. Затянуты и окна, и арка, отделяющая это помещение от остальных комнат. На полу – серый ковер. Сверху зал мягко освещается люстрой, завешенной красным шелком.

С ученицами. Москва, 1921

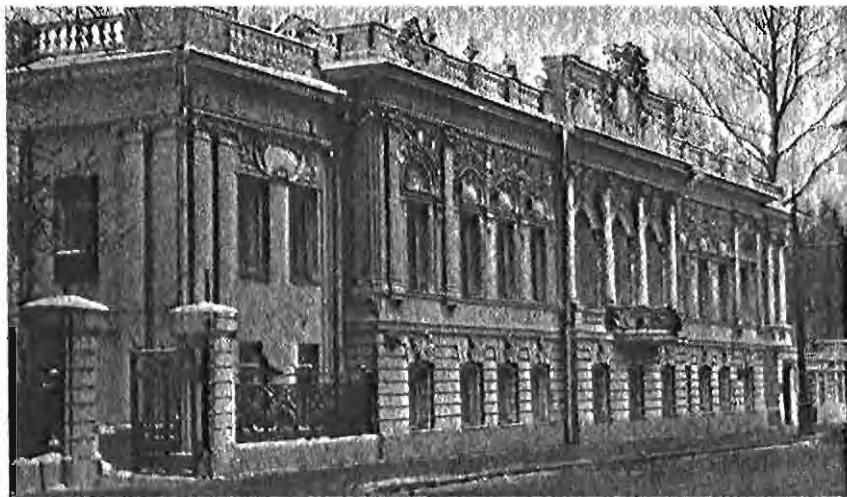
В этом несколько фантастическом освещении двигаются и танцуют какие-то фантастические существа в ярких, красных хитонах.

Свободные и легкие движения, устремленные вверх. Тела, раскрепощенные и преодолевшие связывающую их косность.

Таково было мое первое впечатление, когда, раздвинув тяжелые занавесы, вошел я в зал, где давала урок Ирма Дункан, ученица Дункан.

Все замечания детям она делает тихим голосом на английском или немецком языке. А чаще просто примером показывает, как надо производить движение. Дети привыкли к ней и понимают с пол слова. Если встречаются непонятные выражения, руководительницы, сидящие тут же, переводят их. Переводят так же тихо, вполголоса.

Иначе и нельзя: в этой обстановке громкая речь показалась бы оскорбительной; настроение на уроке – торжественное, сосредоточенное, как в храме.

Особняк на Пречистенке

Все движения, которые Ирма показывает детям, очень простые и естественные. Без всяких изломов и вывертов. Бег, шаг, с различным выбрасыванием ноги.

Главное, чего добивается Ирма, — легкость, свобода движений. Это так понятно и близко детям. Видно, в этом направлении много сделано. Движения их очень гармоничны и закончены. Не чувствуется напряжения.

Дисциплина на уроке очень строгая. Разговоры запрещены. Но какой-либо забитости, страха у детей не чувствуется. Видно, что урок их увлекает. Занятия доставляют им наслаждение...

Дети занимаются два раза в день. По утрам гимнастикой, вечером танцевальными движениями. Утренний урок ведет сотрудница Дункан. Проходятся упражнения для рук, ног, головы, корпуса. Есть силовые упражнения, упражнения на гибкость и лёгкость.

Но и здесь все упражнения исходят из естественных движений.

жений человека. Никакой “красивости” и “изыска” в занятиях я не заметил.

Под конец урока дети становятся в пары и обходят зал с пением “Интернационала”. И под пение уходят в свой интернат»⁴.

В 1922 году выходит и остается почти незамеченной книга стихов Николая Клюева «Четвертый Рим», обращенная к Есенину, словно из далекой Олонецкой губернии Клюев хотел докричаться до своего друга и сопесенника.

Из воспоминаний Владимира Чернявского:

«В Петрозаводске в 1922 году я встретил Клюева, проезжавшего вместе со своим новым другом из Вытегры и подарившего мне свой замечательный “Четвертый Рим” с проклятием цилинду и лаковым башмакам.

С большим сокрушением в первую же минуту нашей беседы на улице он заговорил о Сергее и рассказал мне о его женитьбе на Айседоре Дункан и о том, что вообще “погиб человек” в заразе кафе и раздущенных европ»⁵.

Не хочу быть знаменитым поэтом
В цилиндре и в лаковых башмаках,
Предстану миру в песню одетым'
С медвежьим солнцем в зрачках.

.....

Не хочу цилиндром и башмаками
Затыкать пробоину в барке души!
Цвету я, как луг, избяными коньками,
Улыбкой озер в песнозвонной тиши.
И верен я зыбке плакучей родимой,
Могилушке маминой, лицу гумна;
Зато, как щеглята, летят серафимы
К кормушке моей, где любовь и весна.

На рассвете по улицам Москвы едет пролетка: по Садовым, за Смоленским переулком налево, объезжает вок-

Обложка брошюры «Изадора Дункан»

руг церкви Успения на Могильцах с двумя колокольнями и по Чистому переулку выезжает на Пречистенку к дому 20. В пролетке Сергей Есенин и танцовщица Изадора Дункан.

Они познакомились в мастерской театрального художника-имажиниста Георгия Якулова.

Из воспоминаний Ильи Шнейдера:

«— Он читал мне свои стихи, — говорила мне в тот вечер Айседора, — я ничего не поняла, но я слышу, что это музыка...

Было за полночь. Я спросил Айседору, собирается ли она домой. Гости расходились. Айседора нехотя поднялась с кушетки. Есенин неотступно следовал за ней. Когда мы вышли на Садовую, было уже совсем светло... Я оглянулся: ни одного извозчика. Вдруг вдали задребезжала пролетка, к счастью, свободная. Айседора опустилась на сиденье, будто в экипаж, запряженный цугом. Есенин сел с нею рядом.

— Очень мило, — сказал я. — А где же я сяду?

...Я пристроился на облучке, почти спиной к извозчику. Есенин затих, не выпуская руки Айседоры.

...В то первое утро ни Айседора, ни Есенин не обращали никакого внимания на то, что мы уже в который раз объезжаем церковь. Дремлющий извозчик тоже не замечал этого.

— Эй, отец!.. Ты что, венчаешь нас, что ли? Вокруг церкви, как вокруг аналоя, третий раз едешь.

Есенин встрепенулся и, узнав, в чем дело, радостно рассмеялся:

— Повенчал!..

— Mariage...*

Наконец, извозчик выехал Чистым переулком на Пречистенку и остановился у подъезда нашего особняка.

Айседора и Есенин стояли на тротуаре, но не прощались...

— Илья Илич... — ча-ай?

— Чай, конечно, можно организовать, — сказал я, и мы все вошли в дом.

С появлением Есенина в доме на Пречистенке здесь стали бывать поэты-имажинисты... Анатолий Мариенгоф, (...) Вадим Шершеневич, Рюрик Ивнев, Кусиков, Ваня Старцев... Поэты сложили... частушку:

Ваня ходит неумыт,
А Сережа чистенький,
Потому — Сережа спит
Часто на Пречистенке.

Их было много, этих имажинистов, они вились вокруг Есенина, подобно мошке в солнечном луче... Впрочем, не

* Свадьба (пер. с фр.).

Танцующая Изадора. Рис. А. Волковица, 1920

только имажинисты... Бывал, например, некто Гриша Колобов, которого поэты прозвали “Почем-соль”: он служил инспектором Всероссийской эвакуационной комиссии, имел свой салон-вагон...

Впрочем, имажинисты были еще и предприимчивыми “хозяйчиками”: книжная лавка на Никитской, издательства, гастрольные поездки и кафе “Стойло Пегаса” на Тверской – все эти “доходные предприятия” также входили в программу имажинизма⁶.

А вот как об этом писал сам Есенин:

«Живу я как-то по-бивуачному, без приюта и без пристанища, потому что домой стали ходить и беспокоить разные

бездельники, вплоть до Рукавишникова. Им, видите ли, приятно выпить со мной! Я не знаю даже, как и отделаться от такого головотяпства, а прожигать себя стало совестно и жалко» (Из письма Р.В. Иванову-Разумнику, март 1922⁷).

Илья Шнейдер продолжает:

«Дружил он, кажется, только с одним Мариенгофом. Жили они вместе в одной комнате, рядом с театром Корша, в Богословском переулке. Вместе щеголяли в новеньких блестящих цилиндрах. Впрочем, эксцентричность эта объяснялась весьма прозаически. Очнувшись, уже не помню почему, в Петрограде без шляп, Есенин и Мариенгоф безуспешно обегали магазины. И вдруг обнаружили сиротливо стоящие на пустой полке цилиндры. Один из них Есенин немедленно водрузил себе на голову, а Мариенгофу с его аристократическим профилем и «сам бог велел» носить цилиндр.

Вечерами, когда собирались гости, Есенина обычно просили читать стихи»⁸.

И он читал:

Мир таинственный, мир мой древний,
Ты, как ветер, затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.

Так испуганно в снежную выбелъ
Заметалась звенящая жуть.
Здравствуй ты, моя черная гибель,
Я навстречу к тебе выхожу!

Город, город, ты в схватке жестокой
Окрестил нас на падаль и мразь.
Стынет поле в тоске волоокой,
Телеграфными столбами давясь.

Жилист мускул у дьявольской выи,
И легка ей чугунная гать.
Ну, да что же? Ведь нам не впервые
И расшатываться и пропадать.

Сергей Есенин и Анатолий Мариенгоф, 1919–1921

Пусть для сердца тягуче колка
 Эта песня звериных прав!..^{*}
 ...Так охотники травят волка,
 Зажимая в тиски облав.

.....
 Как и ты — я всегда наготове,
 И хоть слышу победный рожок,
 Но отprobует вражеской крови
 Мой последний, смертельный прыжок.

И пускай я на рыхлую выбель
 Упаду и зароюсь в снегу...
 Все же песню отмщенья за гибель
 Пропоют мне на том берегу.

* Эти две строки цитируются по книге И. Шнейдера «Встречи с Есениным». (В собр. соч. иначе.)

Есенин, Дункан и ее приемная дочь Ирма.
Свадебная фотография (?), 1922

Наблюдения Ильи Шнейдера, который устроился импресарио к Изадоре Дункан, не противоречат воспоминаниям Михаила Бабенчикова, давнего приятеля Есенина.

«В двадцатых годах я увиделся с Есениным уже в Москве, куда мы оба переехали из Петербурга, и, признаюсь, не сразу узнал его. Беспокойный, шумный глава имажинизма, он внешне походил теперь на молодого купчика... В коридорах изда-

тельств и столовке на Арбате Есенин появлялся в сопровождении целой своры досужих прихлебателей и на мой вопрос: "Зачем они тебе?" – неопределенно ответил: "А я знаю?"

...Жил Есенин тогда в особняке на Пречистенке, 20, принадлежавшем когда-то балерине Балашовой... Есенин вышел ко мне, кутаясь в какой-то пестрый халат. Меня поразило его болезненно-испитое лицо, припухшие веки глаз, хриплый голос⁹.

И между ними произошел, видимо, такой разговор:

– Чудно? Пойдем, я тебя еще не так удивлю... Садись, видишь, как живу – по-царски! А там – Дункан. Прихорашивается. Скоро выйдет.

Из соседней комнаты доносятся звуки этюда Скрябина. Там, отражаясь в зеркалах, сидят человек двадцать детей. Стихают звуки рояля. Слышины голоса:

– What is the message of the music? – спрашивает Дункан детей.

– Вас спрашивают, в чем содержание пьесы, – объясняет переводчица.

– Драка! – кричат дети.

– You are quite right. Struggle.

– Совершенно верно. Тема пьесы – борьба.

– Я хочу, чтобы детские руки могли коснуться звезд и обнять мир! – восклицает Дункан.

В полумраке соседней комнаты, где в кирпичной времянке потрескивают поленья, слышен сдавленный голос Есенина:

– Был в деревне. Все рушится... Надо самому быть оттуда, чтобы понять... Конец всему...

Ему в этот вечер неудержимо хотелось говорить, и, вероятно, он в таких случаях рассказывал больше, чем знакомые смели запомнить. В доме все уже спали.

– Шумит, как в мельнице, сам не пойму. Пьян, что ли? Или так просто... Хочешь, провожу? Только скорее.. А то еще,

чего доброго, Айседора проснется. Ты ее, брат, не знаешь! Пристала, липнет, как патока... А знаешь, она баба добрая... Дунька... Чудная только какая-то. Не пойму ее.

И уже на улице, на углу Пречистенского бульвара:

- Скоро в Америку уезжаю. Баста. Или не слыхал?
- Навсегда?
- Разве я могу...

В Изадоре Дункан Есенин, вероятно, видел и прославленную актрису, и красивую женщину, которая была, увы, намного старше его, и женщину в красном на белом снегу, несуразно кричащую: «I am red, red!»*

В 1904 году, когда Дункан семь дней блистала на петербургской сцене, он был девятилетним крестьянским мальчиком. Через семнадцать лет (это разница в их возрасте) она приехала в холодную, голодную советскую Россию и встретила его. Теперь ему было двадцать шесть лет¹⁰.

Самые безжалостные строки о великой танцовщице оставил поэт Владислав Ходасевич. Они написаны в эмиграции в 1927 году вскоре после гибели Изадоры Дункан, и даже жанр некролога их не смягчил.

«Какая странная судьба: Дункан хотела быть разрушительницей классического балета – но вызвала только его оживление. Восприняв декаданский яд, классический балет переработал его в себе и от этого только помолодел, обновился и укрепился. Сама же Дункан роковым образом старела. И не только как женщина и танцовщица (это бы еще не беда). Главное на нее надвигалось не от старения, а от устарения. Ко времени войны в Европе уже торжествовал самою Дункан подкрепленный враг – русский классический балет. “Чистый дунканизм”, опошлившись

---

* Я красная, красная! (Пер. с англ.)

Дункан. Рис. О. Родена

и наскучив, перебрался в мюзик-холлы и кафе-шантаны. Сама Дункан могла в лучшем случае разнообразить свой репертуар... В советской России она ничего не смыслила, как все иностранцы. Она кинулась туда в поисках второй славы и второй молодости. С этой минуты ее артистическая судьба, которая могла быть трагической, стала смешной и противной...

Луначарский забил в литавры. Но в публике отзыва не было. Не потому, чтобы голодающей и холодающей Москве не было дела до танцев. Напротив, художественный интерес был очень силен. Но Дункан была «изжита», не нужна. Ее давно переросли. Луначарский же думал – не доросли.

Время было военное. Луначарский, не видя возможностей “привить” Дункан, решил ее декретировать. Не доросла интеллигенция, не дорос театр – тем хуже для них. Босоножество было объявлено пролетарским искусством, искусств-

вом будущего. Бедняга не знал, что это искусство прошлого. Пошла чепуха.

...Дункан насаждала эллинизм, растила на советских снегах Фелкритовы нежные розы. В городе ее учениц не без двоякого основания звали проститутками, а все заведение в целом – крепостным балетом Луначарского.

Дело не шло. Эллинизм не прививалось. Решили, что хитро поступала буржуазия, когда обучала балетному искусству сызмала. Стали в контингент проституток “вливать молодняк”. Голод-заморышей, подобранных под заборами да в сугробах, полураздетых, полуобутых, несчастных девочек и мальчиков из зловонных, нетопленных советских приютов стали гонять в “институт” Дункан. Кто не работает на Луначарского, тот не ест супа из гнилой воблы...

Она не только мучила голодных детей. Она сделалась одной из самых дорогостоящих и бесшабашных комиссарш, каких знала российская революция. Получала бесчисленные “оклады” деньгами и натурою за какие-то художественно-административные синекуры и за театральные выступления (нередко – перед пустыми залами). Ей предоставили великолепный особняк, отнятый у балерины Балашовой. Из кремлевских складов везли ей награбленные в магазинах меха, шелка, духи, вина, всякую всячину. Оторопелые большевики искренне думали, что Дункан заложит какие-то основы какого-то необыкновенного, красивого “нового быта”: тут же, среди сугробов, разобранных домов, коптилок, печурок, портянок, валенок, голодных животов, солдатских шинелей, пишущих машинок и конских трупов начнется “освобождение тела”, забьют фонтаны небывалого, ослепительного искусства. Но фонтаны не забили. Роскошь Дункан, ее попойки, ее романы, ее дом, с утра до вечера и с вечера до утра набитый комиссарами, имажинистами, кокαιнистами, пьяными актерами и пьяными чекистами,

Дункан. Шарж А.Ш., 1922

— все это мозолило глаза обнищалой и обозленной Москве. Ее звали “Дунька советская”.

Понимала ли она, что делает? Я уверен, что нет. Россия, революция, народ, голод — все это были вещи, которых не знала и которыми просто не интересовалась эта прелестная птица. Что ее здесь “признали”, “оценили”, что “само правительство” прислушивается к ее “мнениям” (как теперь — к мнениям г. Дюамеля) — вот это она знала. Что живет в краденом, одевается в крашеное и питается крашеным — не осознавала. Тогда она была еще богата. Могла платить. Но зачем (да и удобно ли?) платить за то, что этот симпатичный русский народ кладет к ее ногам, как дань восторга и поклонения¹¹.

В сарказме поэта, вынужденного эмигранта, разумеется, есть доля правды, хотя существует и другой образ актрисы, созданный Огюстом Роденом в иную эпоху. Она была из тех людей, которые, по словам Ходасевича, делали «ту эпоху».

И поэт добавляет: «Это не всякому по плечу – делать свою эпоху». Но там, где ему виделось ее падение, она ощущала взлет. Свои выступления в России она объясняла как попытку вырваться из тисков коммерческого искусства, чтобы создать Великую Школу танца для воспитания гармоничного человека. Ее давний романтизм заботливые комиссары и чекисты вплели в коммунистические идеи.

Готовясь к отъезду в Европу и Америку, Изадора Дункан давала последние концерты. 30 процентов сбора – голодающим Поволжью. В 1921 году Россию, вызвавшую зерно и муку в годы мирного труда миллиардами пудов, постиг невообразимый голод.

Из Воззвания Патриарха Тихона «К народам мира и к православному человеку»:

«Величайшее бедствие поразило Россию.

Пажити и нивы целых областей ее, бывших ранее житницей страны и уделявших избытки другим народам, сожжены солнцем. Жилища обездели и селения превратились в кладбища непогребенных мертвцов. Кто еще в силах, бежит из этого царства ужаса и смерти без оглядки, повсюду покидая родные очаги и землю. Ужасы неисчислимы. Уже и сейчас страдания голодающих и больных не поддаются описанию, и многие миллионы людей обречены на смерть от голода и моря...»¹²

К тебе, Православная Русь, первое слово Мое:

Во имя и ради Христа зовет тебя устами моими Святая Церковь на подвиг братской самоотверженной любви. Спеши на помочь бедствующим с руками, исполненными даров милосердия, с сердцем, полным любви и желания спасти гибнущего брата...»¹²

(Лето 1921 г.)

Голод в Поволжье. 1921

Из документов того времени: письмо товарищу Молотову от Ленина для членов Политбюро. Строго секретно.

«...Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи, трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо, во всяком случае, будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насилиственного сопротивления советскому декрету...

Чем большее число представителей реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше.

Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»¹³.

(19 марта 1922 г.)

Свое свидетельство о голоде и крестьянских мятежах Сергей Есенин оставил в драматической поэме «Пугачев», о которой Николай Клюев сказал, что это – свист калмыцкой стрелы без истории, языка и быта, но нужней и желаннее «Бориса Годунова».

Нет, это не август, когда осыпаются овсы,
Когда ветер по полям их колотит дубинкой грубой.
Мертвые, мертвые, посмотрите, кругом мертвецы,
Вон они хоочут, выплевывая сгнившие зубы.
Сорок тысяч нас было, сорок тысяч,
И все сорок тысяч за Волгой легли, как один.
Даже дождь так не смог бы траву иль солому высечь,
Как осыпали саблями головы наши они.
Что это? Как это? Куда мы бежим?
Сколько здесь нас в живых осталось?
От горящих деревень бьющий лапами в небо дым
Расстилает по земле наш позор и усталость.
Лучше б было погибнуть нам там и лечь,
Где кружит воронье беспокойным зловещим свадьбищем,
Чем струить эти пальцы пятерками пылающих свеч,
Чем нести это тело с гробами надежд, как кладбище!

1921

После окончания драматической поэмы «Пугачев» Есенин начинает работу над «Страной негодяев». Во время поездки по Соединенным Штатам Америки поэт расширяет свой замысел, но пьеса остается незаконченной. Ее содержание, несомненно, было хорошо знакомо Л.Д. Троцкому, который держал поэта в поле своего зрения с помощью Якова Блюмкина.

В неоконченной предсмертной поэме «Страна негодяев», как странное наваждение, появляется поезд с комиссарами с

приисков на Уральской линии железной дороги, которую охраняет комиссар Чекистов (Лейбман), «гражданин из Веймара», прибывший в Россию, по его словам, «укрощать дураков и зверей». Как, наконец, было замечено, его прототип – «трибун революции» Лев (Лейба) Троцкий, живший в эмиграции в городе Веймаре¹⁴. Рассуждая о России, Чекистов поучает:

А народ ваш сидит, бездельник,
И не хочет себе ж помочь.
Нет бездарней и лицемерней,
Чем ваш русский равнинный мужик!
Коль живет он в Рязанской губернии,
Так о Тульской не хочет тужить.
То ли дело Европа?
Там тебе не вот эти хаты,
Которым, как глупым курам,
Головы нужно давно под топор...

Одна из основополагающих идей Троцкого, которую не поддержали, по его словам, эпигоны, обюрократившиеся, омешавшиеся соратники по партии, – это мировая революция до победного конца, призванная установить единый для всех миропорядок¹⁵. В свой «мексиканский» период Троцкий, осуществляя эту идею, внесет раскол в Народный фронт Испании (троцкистский путь в Каталонии), что фактически предопределит победу Франко, как пишет испанский публицист Хуан Кобо в статье «Убийца Троцкого: плач или жертва?»¹⁶.

Но пока в «отсталой России», вводя новый миропорядок, Троцкий призывал к созданию из крестьянства «трудовых армий» (прообраз Кампучии), в которых бывший «красный командир станет нашим красным мастером», а «красный директор – красным командиром полка». И трудно себе представить, что прозревшего поэта могли с Богом отпустить в его мир, подлежащий уничтожению.

В сцене «Ссора из-за фонаря» Номах (его прототип, по признанию поэта, Махно) говорит:

Неужели ты не видишь? Не поймешь,
Что такого равенства не надо?
Ваше равенство – обман и ложь.
Старая гнусавая шарманка
Этот мир идейных дел и слов.
Для глупцов – хорошая приманка,
Подлецам – порядочный улов.
Дай фонарь!

Поэты сами предсказывают свою судьбу. Сергей Есенин писал:

И меня по ветряному свею,
По тому ль песку,
Поведут с веревкою на шее
Полюбить тоску.

1915

Есть у поэта и другие строки:

Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.

Весной и солнцем на лугу
Обвита желтая дорога,
И та, чье имя берегу,
Меня прогонит от порога.

И вновь вернуся в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,
В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь.

1916

После гибели поэта А. Крученых писал о том, что перед Есениным было два пути: «быть повешенным либо повеситься»¹⁷. Как видим, и первый исход представлялся вероятным.

Из серии «Все о Есенине», 1926

В 1926–1927 годах из-под пера А. Крученых, в унисон со «Злыми заметками» Н. Бухарина, вышли одна за другой книги, названия которых говорят сами за себя: «Черная тайна Есенина», «Лики Есенина от херувима до хулигана», «На борьбу с хулиганством в литературе», «Н. Бухарин против Есенина» и т. п. Поразительна одна из обложек: изображен череп, в одну глазницу которого целится железное перо-штык, в другую – пистолет.

Долго еще продолжалось поношение поэта – вплоть до наших дней¹⁸. Стихи Есенина, полные сострадания ко всем живущим на земле, ко всем, не исключая людей «падших», стихи, воссоздающие многоголосье эпохи, до сих пор нередко трактуются искаженно, при этом иногда даже предпринимаются попытки «уличить» поэта в его любви к России. При некоторых попытках «анализа» жизни и

творчества поэта дело доходит и до фантасмагории. Один бойкий журналист попытался, образно говоря, поставить памятник Льву Троцкому на могиле поэта на том простом основании, что фамилия «Председателя Реввоенсовета Республики» встречается в стихах Есенина, да и сам «трибун революции» с пристальным вниманием относился к Сергею Есенину.

«Мир тебе, друг мой! Прости, что не писал тебе эти годы, и то, что пишу так мало и сейчас. Душа моя устала и смущена от самого себя и происходящего. Нет тех знаков, которыми бы можно было передать все, чем мыслю и отчего болею. А о тебе я всегда помню, всегда во мне ты присутствуешь»¹⁹.

Эту записку с оказией Есенин послал в Вытегру Николаю Клюеву, узнав о том, что Клюев его давно разыскивает. *И получил ответ-исповедь.*

«Облил я слезами твоё письмо и гостинцы, припадал к ним лицом своим, вдыхал их запах, стараясь угадать тебя, теперешнего. Кожа гремучей змеи на тебе, но она, я верую, до весны, до апреля урочного.

Человек, которого я послал к тебе с весточкой, (...) повелел мне не плакать о тебе, а лишь молиться. К удивлению моему, как о много возлюбившем...

Семь покрывал выткала Матерь-жизнь для тебя, чтобы ты был не показным, а заветным. Камень драгоценный душа твоя, выкуп за красоту и правду родимого народа, змейный колым за Невесту-песню.

Страшная клятва на тебе, смертный зарок! Ты обреченный на заклание за Россию, за Ерусалим, сошедший с неба. Молюсь лицу твоему невещественному.

Много слез пролито мною за эти годы. Много ран на мне святых и грехом смердящих, много потерян невозвратных, но тебя потерять – отдать Мариенгофу, как сноп васильковый,

Николай Клюев. С портрета В. Щербакова

как душу сусека, жаворонковой межи, правды нашей, милый,
страшно, а уж про боль да про скорбь говорить нечего...

Коленъка мне говорит, что ты теперь непопырь с
глазами, выполосканными во всех щелоках, что на тебе боб-
ровая шуба, что ты ёшь за обедом мясо, пьешь настоящий
чай и публично водку, что шатия вокруг тебя – моллюски,
прилипшие к килю корабля (в тропических морях они облеп-
ляют днище корабля в таком множестве, что топят самый ко-
рабль)...

Какая ужасная повесть! А где же рязанские васильки, де-
вушка в синей поддевке с выстроганным ветром бадожком? Где
образ Одигитрии-путеводительницы, который реял над золотой
твоей головкой, который так ясно зрим был “в то время”?

Но мир, мир тебе, брат мой прекрасный! Мир духу, крови
и костям твоим!

Ты действительно победил пиджачных бесов, а не убежал от них, как я, — трепещущий за чистоту риз своих.

...Порывая с нами, Советская власть порывает с самым нежным, с самым глубоким в народе. Нам с тобой нужно принять это как знамение — ибо лев и голубь не простят власти греха ее. Лев и голубь — знаки наши — мы с тобой в львиного-лубинности. Не согрешай же, милый, в песне проклятиями, их никто не слышит...

Я целые месяцы сижу на хлебе напополам с соломой, запивая его кипятком, бессчетные ночи плачу один-одинешенек и прошу Бога только о непостыдной и мирной смерти...

Каждому свой путь. И гибель!..

Покрываю поцелуями твою “Трерядницу” и “Пугачева”...

Брат мой, пишу тебе самые чистые слова, на какие способно сердце мое...

Радуйся, возлюбленный, красоте своей, радуйся, обретший жемчужину родного слова, радуйся закланию своему за мать-ковригу. Будь спокоен и счастлив.

*Твой брат и сопесенник*²⁰

Ранним утром 10 мая 1922 года с Ходынского аэродрома Сергей Есенин вместе с женой, знаменитой танцовщицей Изадорой Дункан, вылетел на аэроплане «Фоккер» в Кенингсберг.

Мужчины были одеты в специальные воздухоплавательные костюмы, которые превращали их в «нечто вроде водолазов».

Глава 4

«Вот она — мировая биржа!..»

Четыре месяца путешествовали Есенин с Изадорой Дункан по Европе. «Перед Америкой мне Европа показалась ста- ринной усадьбой», — писал Есенин в «Железном Миргороде». В Берлине в квартире А.Н. Толстого они встретились с Горь- ким и потом гуляли в Луна-парке, где Есенин спросил:

— Вы думаете, мои стихи — нужны? И вообще искусство, то есть поэзия — нужна?

На что Горький собрался было остроумно ответить:

— Луна-парк забавно живет и без Шиллера.

Но Есенин и не ждал ответа на свой вопрос. На огромной террасе ресторана, глядя вдаль, где на фоне черных туч в све- те бенгальских огней шла женщина по канату, натянутому через пруд, что было «почти красиво»¹, он сказал:

— Все хотят как страшнее. Впрочем, я люблю цирк.

Берлин

Из Дюссельдорфа Есенин послал письмо М.М. Литвинову, зам. наркома иностранных дел.

«Уважаемый т. Литвинов! Будьте добры, если можете, то сделайте так, чтоб мы выбрались из Германии и попали в Гаагу.

Обещаю держать себя корректно и в публичных местах “Интернационал” не петь»².

(Дюссельдорф, 29 июня 1922 г.)

А через день Есенин отправил письмо домой старому приятелю Саше Сахарову, в котором писал: «В страшной моде господин доллар, на искусство начхать – самое высшее музик-холл. Я даже книг не захотел издавать здесь, несмотря на дешевизну бумаги и переводов. Никому здесь это не нужно...

Если рынок книжный – Европа, а критик – Львов-Рогачевский, то глупо же ведь писать стихи им в угоду и по их вкусу.

На улице города

Здесь все выглажено, вылизано и причесано так же почти, как голова Мариенгофа...

Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод и людоедство, зато у нас есть душа, которую здесь за ненадобностью сдали в аренду под смердяковщину»³.

(Дюссельдорф, 1 июля 1922 г.)

Так в Европе Есенин начал ощущать, что искусство во всем мире попадает в тиски коммерции и поэзия почти никому не нужна – ее заменяет то, что сегодня мы называем масовой культурой. На пути в Америку в лучших отелях Европы Есенин уже мечтает о возвращении домой, в разоренную Россию, где поэт, как ни странно, еще нужен.

Во время прогулки по ночной Венеции в гондоле, скользящей по черной сверкающей глади лагуны, Есенин вспоминает свое детство, удивительные лица людей и самое прекрас-

На берегу Адриатического моря. Венеция, пляж Лидо, авг. 1922

ное лицо из всех, которые он видел в своей жизни, лицо юной монахини в православном монастыре. Он говорит о живых и мертвых словах, о всегда живом языке простых людей, крестьян, странников и воров, поет народные песни, но после аплодисментов стихает и меняет тему разговора (*по воспоминаниям переводчицы Лолы Кинел⁴*).

В Венеции в гостинице «Лидо» на берегу Адриатического моря, по тем же воспоминаниям, Есенин однажды читал стихи Пушкина, а потом сказал, обращаясь к Изадоре:

— Большевики запретили употреблять слово «Бог» в печати, ты знаешь.

Лола Кинел перевела слова Есенина и ответ Изадоры:

— Но большевики правы. Нет Бога. Старо. Глупо.

Венеция, пляж Лидо

— Эх, Изадора! Ведь все от Бога. Поэзия и даже твои танцы, — сказал Есенин.

Изадора возражала:

— Нет, нет, мои боги — Красота и Любовь. Других нет. Откуда ты знаешь, что есть Бог? Греки это поняли давно. Люди придумывают богов себе на радость. Других богов нет. Не существует ничего сверх того, что мы знаем, изобретаем или воображаем. Весь ад на земле. И весь рай.

В это мгновение Изадора, как пишет Лола Кинел, прекрасная и яростная, была сама похожа на Кариатиду. И вдруг она простерла руки и, указывая на кровать, сказала:

— Вот Бог!

На серии фотографий, снятых на пляже Адриатического моря, у Есенина грустное и усталое лицо. Поездка по Европе

На балконе отеля

затягивалась; в России шел суд над эсерами за разжигание крестьянских мятежей; он был в преддверии новых странствий. Из Венеции 10 августа Есенин послал письмо шестнадцатилетней сестре Кате.

«Завтра из Венеции еду в Рим, а потом экспрессом в Париж. Послал тебе три письма, и никакого ответа.

Вот что, госпожа хорошая: во-первых, Шура пусть этот год будет дома, а ты поезжай учиться. Я тебе буду высыпать пайки, ибо денег послать очень трудно... Сам же я в сентябре заливаюсь в Америку и вернусь через год...

Живи и гляди в оба. Все, что бы ты ни сделала плохого, будет исключительно плохо для тебя; если я узнаю, как приеду, что ты пила табачный настой, как однажды, или еще что, то оторву тебе голову или отдам в прачки. Того ты будешь достойна. Ты только должна учиться, учиться и читать. Язык

держи за зубами. На все, исключительно на все, когда тебя будут выпытывать, отвечай “не знаю”...

Обо мне, о семье, о жизни семьи, о всем и о всем, что очень интересно знать моим врагам, – отмалчивайся, помни, что моя сила и мой вес – благополучие твое и Шуры⁵.

(Венеция, 10 августа 1922 г.)

24 сентября Дункан и Есенин отплыли из Гавра в Америку на гигантском пароходе «Париж», где, по словам очевидца, разместился целый город: улицы с ярко освещенными витринами магазинов, и типография, и танцевальные залы, и бойня (рестораны должны иметь в пути свежее мясо), и футбольные поля, и теннисные площадки, и даже самолет для желающих попасть в Нью-Йорк на 24 часа раньше⁶.

Свое путешествие через Атлантический океан в Америку Есенин описал в очерке «Железный Миргород»:

«Если взять это с точки зрения океана, то все-таки и этоничтожно, особенно тогда, когда в водяных провалах эта громадина качается своей тушей, как поскользнувшийся... (Простите, что у меня нет образа для сравнения; я хотел сказать – как слон, но это превосходит слона приблизительно в 10 тысяч раз. Эта громадина сама – образ. Образ без всякого подобия. Вот тогда я очень ясно почувствовал, что проповедуемый мною и моими друзьями “имажинизм” иссякаем. Почекувствовал, что дело не в сравнениях, а в самом органическом.) Но если взглянуть на это с точки зрения того, на что способен человек, то можно развести руками и сказать: “Милый, да что ты наделал? Как тебе?.. Да как же это?.. Да как же это?..”»

Мне страшно показался смешным и нелепым тот мир, в котором я жил раньше.

Вспомнил про “дым отечества”, нашу деревню, где чуть ли не у каждого мужика в избе спит телок на соломе или сви-

нья с порослями, вспомнил после германских и бельгийских шоссе наши непролазные дороги и стал ругать всех цепляющихся за “Русь”, как за грязь и вшивость. С этого момента я разлюбил нищую Россию.

...С такими мыслями я ехал в страну Колумба. Ехал океаном шесть дней, проводя жизнь среди ресторанный и отыкающей в фокстроте публики».

Однако поэта, уже было готового, по его признанию, принять идеи «Летописи» Горького о никчемности вечной, раздирающей душу на российских полях, песни грязных, больных и искалеченных людей про «Лазаря», ждало на магистралях Нового Света еще большее разочарование.

На шестой день в полдень перед глазами поэта предстала панорама Нью-Йорка: здания, заслоняющие горизонт, громаднейшие железобетонные арки, небо в свинице от дымящихся фабричных труб. «Дым навевает что-то таинственное, — пишет Есенин в “Железном Миргороде”, — кажется, что за этими зданиями происходит что-то такое великое и громадное, что дух захватывает».

И поэт восклицает:

«Мать честная! До чего бездарны поэмы Маяковского об Америке. Разве можно выразить эту железную и гранитную мощь словами?! Это поэма без слов».

И тут случается непредвиденное:

«В сутолоке сходящих подходим к какому-то важному субъекту, который осматривает документы... Оказывается, что Вашингтон получил сведения о нас, что мы едем как большевистские агитаторы. Завтра на Элис-Аленд⁷... Могут отослать обратно, но могут и посадить...»

— Бедная, старая девушка, ты поставлена здесь для курьеза! — говорит Есенин, обращаясь к статуе Свободы при появлении полицейских и журналистов.

Газеты пестрили заголовками: «Свадебное путешествие душ задержано в доках США», «Полет души балерины в Россию стоит ей гражданства и права на землю».

Поэт не без иронии вспоминает: «Нам принесли около 20 газет с нашими портретами и огромными статьями о нас. Говорилось в них немного об Айседоре Дункан, о том, что я поэт, но больше всего о моих ботинках и о том, что у меня прекрасное сложение для легкой атлетики и что я наверняка был бы лучшим спортсменом в Америке».

При всем своем неприятии коммерческого духа индустриальной культуры Есенин хорошо запомнил и Бродвей, и Бруклинский мост, высота которого над землей равна высоте 20-этажных домов, и чужого в этом городе индейца в море электрических афиш.

Он пишет: «На наших улицах слишком темно, чтобы понять, что такое электрический свет Бродвея. Мы привыкли жить под светом луны, жечь свечи перед иконами, но отнюдь не пред человеком.

Америка внутри себя не верит в Бога...

Обиженным на жестокость русской революции культурникам не мешало бы взглянуть на историю страны, которая так высоко взметнула знамя индустриальной культуры.

...Гайавату заразили сифилисом, опоили и загнали догнивать частью на болота Флориды, частью в снега Канады.

Но и все же, если взглянуть на ту беспощадную мощь железобетона, на повисший между двумя городами Бруклинский мост... все же никому не будет жаль, что дикий Гайавата уже не охотится здесь за оленем.

Индеец никогда бы не сделал на своем материке того, что сделал “белый дьявол”...

В Америке

Сейчас Гайавата этнографический киноартист...»

Перед внимательным, цепким взглядом Есенина проходит быт штатов, мелькают равнины с небольшими лесами, города, похожие на европейские, селения негров, большие стройки, американский полисмен и опять Нью-Йорк.

Поэт отмечает: «Нью-Йорк и Чикаго есть не что иное, как достижения в производственном искусстве. Чем дальше вглубь, к Калифорнии, впечатление громоздкости исчезает: перед глазами бегут равнины с жиценькими лесами и (увы, страшно похоже на Россию!) маленькие деревянные селения негров. Города становятся похожими на европейские, с той лишь разницей, что если в Европе чисто, то в Америке все взрыто и навалено как попало, как бывает при постройках. Страна все строит и строит...

Владычество доллара съело в них все стремления к каким-либо сложным вопросам. Американец всецело погружается в "Business" и остального знать не желает...

Со стороны внешнего впечатления в Америке есть замечательные курьезы. Так, например, американский полисмен одет под русского городового, только с другими кантами.

Этот курьез объясняется, вероятно, тем, что мануфактурная промышленность сосредоточилась главным образом в руках эмигрантов из России. Наши сородичи, видно, из тоски по родине, нарядили полисмена в знакомый им вид формы...

Свет иногда бывает страшен. Море огня с Бродвея освещает в Нью-Йорке толпы продажных и беспринципных журналистов. У нас таких и на порог не пускают, несмотря на то, что мы живем чуть ли не при керосиновых лампах, а зачастую и совсем без огня.

Сила железобетона, громада зданий стеснили мозг американца и сузили его зрение...

Европа курит и бросает, Америка подбирает окурки, но из этих окурков растет что-то грандиозное».

Из письма Анатолию Мариенгофу:

«Милый мой Толя! Как рад я, что ты не со мной здесь в Америке...

Изадора прекраснейшая женщина, но врет не хуже Ваньки. Все ее банки и замки, о которых она пела нам в России, — вздор. Сидим без копеечки, ждем, когда соберем на дорогу и обратно в Москву.

Лучше всего, что я видел в этом мире, это все-таки Москва. В чикагские "сто тысяч улиц" можно загонять только свиней. На то там, вероятно, и лучшая бойня в мире.

О себе скажу (хотя ты все думаешь, что я говорю для потомства): что я впрямь не знаю, как быть и чем жить теперь.

Раньше подогревало то при всех российских лишениях, что вот, мол, “заграница”, а теперь, как увидел, молю Бога не умереть душой и любовью к моему искусству. Никому оно не нужно, значение его для всех – как значение Изы Кремер, только с тою разницей, что Изя Кремер жить может на свое пение, а тут хоть помирай с голоду.

Я понимаю теперь, очень понимаю кричащих о производственном искусстве.

В этом есть отход от ненужного. И правда, на кой черт людям нужна эта душа, которую у нас в России на пуды меряют...

Конечно, во всех своих движениях я столь же смешон для многих, как француз или голландец на нашей территории...

Боже мой, лучше бы есть глазами дым, плакать от него, но только не здесь, не здесь...

Поклонись всем, кто был мне дорог и кто хоть немного любил меня...

Если сестре моей худо живется, то помоги как-нибудь ей. В апреле я обязательно буду на своей земле, тогда сочтемся⁸.

(Нью-Йорк, 12 ноября 1922 г.)

Вспоминая эти письма Есенина, Мариенгоф писал в своем «Романе без вранья»:

«Не чуждо нам было и гениальное мракобесие Василия Васильевича Розанова, уверяющего, что счастливую и великую родину любить не великкая вещь и что любить мы ее должны, когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно, именно когда наша “мать” пьяна, лжет и вся запуталась в грехе... Но и это еще не последнее: когда она наконец умрет и, “обглоданная евреями”, будет являть одни кости – тот будет “русский”, кто будет плакать около этого остова, никому не нужного и всеми плюнутого...

Есенин был достаточно умен, чтобы, попав в Европу, осознать всю старомодность и ветхую проношенность таких убеждений, – и недостаточно тверд и решителен, чтобы отказаться от них, чтобы найти новый внутренний мир»⁹.

Пребывание Есенина с Изадорой Дункан в Америке закончилось скандалом в доме поэта Мани-Лейба, куда Есенин был приглашен почитать стихи. Обратимся к воспоминаниям Вениамина Левина¹⁰. В 1917–1918 годах он работал в левоэсеровских изданиях «Дело народа» и «Знамя труда», где широко печатался Есенин. В 1922 году он, как и многие, в связи с процессом над эсерами, оказался в эмиграции. В Америке встретился с Есениным и Дункан.

Вениамин Левин вспоминал:

«Где-то чувствовались вокруг них люди, которым нужно было втянуть в грязную политическую борьбу и сделать их орудием своих страстей... Что Есенин им не подходил, это они понимали, но он уже имел огромное имя в литературе, а вместе с Дункан он уже представлял символ связи России и Америки в период после русской революции – им это лишь и нужно использовать. Но Есенин не дался. И они это запомнили...

Все собрались посмотреть на танцовщицу Изадору и ее мужа – поэта русской революции... Есенин сразу почувствовал, что попал на зрелице. Его не смутила богемная обстановка... Собрались выходцы из России, большей частью из Литвы и Польши, рабочие, как-то связанные интересами с литературой...»

По углам шептались:

- Старуха-то, старуха-то ревнует!..
- ...Подлейте ему, подлейте еще...

Есенин прочел монолог Хлопуши из «Пугачева», Мани-Лейб – свои переводы стихотворений Есенина на идиш.

В отеле

А потом Есенин начал читать первую сцену «Страны негодяев»: разговор комиссара Чекистова и добровольца Замарашкина. И возникли люди на белом полотне жизни, далекая Россия. Прочтем эту сцену без купюр по списку, хранящемуся в *ИМЛИ*!¹¹

На карауле

Снежная чаща. Железнодорожная будка Уральской линии. Чекистов, охраняющий линию, ходит с одного конца в другой.

Чекистов

Ну и ночь! Что за ночь!
Черт бы взял эту ночь
С б... холодом,
И такой темнотой,
С тем, что нужно без устали

Бельма перить.

.....
Стой!

Кто идет?

Отвечай!..

А не то

Мой наган размозжит твой череп!

Стой, холера тебе в живот.

З а м а р а ш к и н

Тише...тише...

Легче бранись, Чекистов!

От ругательств твоих

Даже у будки краснеют стены.

И с чего это, брат мой,

Ты так неистов?

Это ж... я... Замарашкин...

Иду на смену...

Ч е к и с т о в

Черт с тобой, что ты Замарашкин!

Я ведь не собака,

Чтоб слышать носом.

З а м а р а ш к и н

Ох, и зол же ты, брат мой!..

Аж до печенок страшно...

Я уверен, что ты страдаешь

Кровавым поносом...

Ч е к и с т о в

Ну конечно, страдаю!..

От этой проклятой селедки

Может вконец развалиться брюхо.

О!

Если б теперь... рюмку водки...
Я бы даже не выпил...
А так...
Понюхал...

.....

Знаешь? Когда эту селедку берешь за хвост,
То думаешь,
Что вся она набита рисом...
Разломаешь,
Глядь:
Черви... Черви...
Жирные белые черви...
Дьявол нас, знать, занес
К этой грязной мордве
И вонючим черемисам!

З а м а р а ш к и н

Что ж делать,
Когда выпал такой нам год?
Скверный год! Отвратительный год!
Это еще ничёго...
Там... За Самарой... Я слышал...
Люди едят друг друга...
Такой выпал нам год!
Скверный год!
Отвратительный год!
И к тому же еще чертова выюга.

Ч е к и с т о в

Мать твою в эт-твою!
Ветер, как сумасшедший мельник,
Крутит жерновами облаков
День и ночь...
День и ночь...
А народ ваш сидит, бездельник,
И не хочет себе ж помочь.
Нет бездарней и лицемерней,
Чем ваш русский равнинный мужик!

Коль живет он в Рязанской губернии,
 Так о Тульской не хочет тужить.
 То ли дело Европа?
 Там тебе не вот эти хаты,
 Которым, как глупым курам,
 Головы нужно давно под топор...

З а м а р а ш к и н

Слушай, Чекистов!..
 С каких это пор
 Ты стал иностранец?
 Я знаю, что ты – настоящий жид,
 Ругаешься ты, как ярославский вор.
 Фамилия твоя Лейбман,
 И черт с тобой, что ты жил
 За границей...
 Все равно в Могилеве твой дом.

Ч е к и с т о в

Ха-ха! Ты обозвал меня жидом.
 Нет, Замарашкин!
 Я гражданин из Веймара
 И приехал сюда не как еврей,
 А как обладающий даром
 Укрощать дураков и зверей.
 Я ругаюсь и буду упорно
 Проклинать вас хоть тысячи лет,
 Потому что...
 Потому что хочу в уборную,
 А уборных в России нет.
 Странный и смешной вы народ!
 Жили весь век свой нищими
 И строили храмы божие...
 Да я б их давным-давно
 Перестроил в места отхожие.
 Ха-ха!
 Что скажешь, Замарашкин?
 Ну?

Или тебе обидно,
Что ругают твою страну?
Бедный! Бедный Замарашкин...

З а м а р а ш к и н

Черт-те что ты городишь, Чекистов!

Ч е к и с т о в

Мне нравится околёсина.
Видишь ли... я в жизни
Был бедней церковного мыши
И голодал вместо хлеба камни.
Но у меня была душа,
Которая хотела быть Гамлетом.
Глупая душа, Замарашкин!
Ха-ха!
А когда я немного подрос,
Я увидел...

Слышатся чьи-то шаги.

Тише... Помолчи, голубчик...
Кажется... кто-то... кажется...
Черт бы взял этого мерзавца Номаха
И всю эту банду повстанцев!
Я уверен, что нынче ночью
Ты заснешь, как плаха,
А он опять остановит поезд
И разграбит станцию.

З а м а р а ш к и н

Я думаю, этой ночью он не придет.
Нынче от холода в воздухе
Дохли птицы.
Для конницы нынче
Дорога скользка, как лед,
А с пехотой прийти
Он и сам побоится.

Нет! этой ночью он не придет!
Будь спокоен, Чекистов!
Это просто с мороза проскрипело дерево...

Ч е к и с т о в

Хорошо! Я спокоен. Сейчас уйду.
Продрог до костей от волчьей стужи.
А в казарме сегодня,
Как на беду,
Из прогнившей картошки
Холодный ужин.
Эх ты, Гамлет, Гамлет!
Ха-ха, Замарашкин!..
Прощай!
Карауль в оба!..

З а м а р а ш к и н

Хорошего аппетита!
Спокойной ночи!

Ч е к и с т о в

Мать твою в эт-твою!

(Уходит.)

За окном мела пурга. Небоскребы Нью-Йорка давили поэта. Кто-то настойчиво шептал:

– Подлейте ему, подлейте еще...

Вокруг смеялись. Изадора готовилась к танцу.

Вениамин Левин заметил:

«Есенин был в мрачном настроении... И огромная неожиданная толпа, которая пришла глазеть на них, и невозможность высказать все, что хотелось...»

Нарастала неизбежность взрыва.

– Распните меня! Распните меня! – кричал Есенин.

На следующий день в американских газетах появились статьи, в которых, по словам В. Левина, «все было как будто правдой и в то же время неправдой».

«Изадора теряет американское гражданство» – сообщили в «Толедо Блейд» (1 марта).

Вениамин Левин писал:

«Стало ясно, что в частном доме поэта Мани-Лейба на “вечеринке поэтов” присутствовали представители печати...

Этот газетный скандал имел свои последствия. Концертные выступления Дункан по Америке стали невозможны...

Я предложил Есенину, чтоб он написал мне своей рукой тот отрывок о Чекистове и Замарашкине, который он читал в Бронксе и который, по моему мнению, и вызвал обвинения в “антисемитизме”. Я объяснил ему, что на всякий случай я буду третьим лицом, с документом в руках опровергну этот просто невежественный выпад, основанный на незнании языка и духа его...¹²

Провожающих было всего несколько человек. Изадора жаловалась, что никто даже цветов не прислал».

Незадолго до отъезда из Америки Есенин отправил письмо Мани-Лейбу в Бронкс.

«Милый, милый Монилейб!

Вчера днем Вы заходили ко мне в отель, мы говорили о чем-то, но о чем – я забыл, потому что к вечеру со мной повторился припадок...

Что я могу сделать, мой милый Монилейб, дорогой мой Монилейб! Душа моя в этом невинна, а пробудившийся сегодня разум повергает меня в горькие слезы, хороший мой Монилейб! Уговорите свою жену, чтоб она не злилась на меня. Пусть постарается понять и простить. Я прошу у Вас хоть немного ко мне жалости. Любящий вас всех

Ваш С. Есенин.

Передайте Гребневу все лучшие чувства к нему. Все ведь мы поэты-братья. Душа у нас одна, но по-разному она бывает больна у каждого из нас. Не думайте, что я такой маленький, чтобы мог кого-нибудь оскорбить: Как получите письмо, передайте всем мою просьбу простить меня»¹³.

(Нью-Йорк; конец января 1923 г.)

В очерке «Железный Миргород» Есенин вспомнил Мани-Лейба как поэта с крупным талантом.

«Для русского уха и глаза вообще Америка, а главным образом Нью-Йорк, — немного с кровью Одессы и западных областей. Нью-Йорк на 30 процентов еврейский город. Евреев главным образом загнала туда нужда скитальчества из-за погромов. В Нью-Йорке они осели довольноочно и имеют свою жаргонную культуру, которая ширится все больше и больше. У них есть свои поэты, свои прозаики и свои театры. От лица их литературы мы имеем несколько имен мировой величины. В поэзии сейчас на мировой рынок выдвигается с весьма крупным талантом Мани-Лейб.

Мани-Лейб — уроженец Черниговской губернии. Россию он оставил лет 20 назад. Сейчас ему 38. Он тяжко пробивал себе дорогу в жизни сапожным ремеслом и лишь в последние годы получил возможность существовать на оплату за свое искусство.

Переводами на жаргон он ознакомил американских евреев с русской поэзией от Пушкина до наших дней и тщательно выделяет молодых жаргонистов с довольно красивыми талантами от периода Гофштейна до Маркиша. Здесь есть стержни и есть культура».

Возвращение в Россию было долгим: через Шербур, Париж, Берлин, Ригу.

Пересекая Атлантический океан, с борта парохода «Джордж Вашингтон» Есенин послал письмо поэту Алекс-

сандру Кусикову в Берлин с единственным желанием выплеснуть правду.

«Сандро, Сандро! Тоска смертная, невыносимая. Чую себя здесь чужим и ненужным, а как вспомню про Россию, и вспомню, что там ждет меня, так и возвращаться не хочется. Если бы я был один, если б не было сестер, то плонул бы на все и уехал бы в Африку или еще куда-нибудь.

Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть. Надоело мне это б... снисходительное отношение власть имущих, а еще тощнее переносить подхалимство своей же братии к ним. Не могу, ей-богу, не могу! Хоть караул кричи или бери нож да становись на большую дорогу.

Ведь и раньше, когда мы к ним приходили, они даже стула не предлагали нам присесть. А теперь – теперь злое уныние находит на меня...

Перестаю понимать, к какой революции я принадлежал. Вижу только одно, что ни к февральской, ни к октябрьской. По-видимому, в нас скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь...

Атлантический океан, 7 февраля 1923 г.»¹⁴

Интересуясь высказываниями Есенина за границей, Троцкий писал:

«Есенин не только моложе, но и гибче, пластичнее, открытие влияниям и возможностям. Уже и мужицкая подоплека его не та, что у Клюева: у Есенина нет клюевской солидности, угрюмой и напыщенной степенности...

Воротится он не тем, что уехал. Не будем загадывать, сам расскажет»¹⁵.

И Есенин рассказывал в драматической поэме «Страна негодяев».

Рассветов вспоминает Америку:

Вместо наших глухих раздолий,
 Там, на каждой почти полосе,
 Перерезано рельсами поле
 С цепью каменных рек – шоссе.
 И по каменным рекам без пыли,
 И по рельсам без стона шпал
 И экспрессы и автомобили
 От разбега в бензинном мыле
 Мчат, секундой считая доллар,
 Места нет здесь мечтам и химерам,
 Отшумела тех лет пора.
 Все курьеры, курьеры, курьеры,
 Маклера, маклера, маклера.
 От еврея и до китайца
 Проходимец и джентельмен,
 Все в единой граffe считаются
 Однаково – business men,
 На цилиндры, шапо и кепи
 Дождик акций свистит и льет.
 Вот где вам мировые цепи,
 Вот где вам мировое жулье.
 Если хочешь здесь душу выржать,
 То сочтут: или глуп, или пьян.
 Вот она – мировая биржа!
 Вот они – подлецы всех стран.

Ч а р и н

Да, Рассветов! но все же, однако,
 Ведь и золота мы хотим.
 И у нас биржевая клоака
 Расстилает свой едкий дым.
 Никому ведь не станет в новинки,
 Что в кремлевские буфера
 Уцепились когтями с Ильинки
 Маклера, маклера, маклера...
 И в ответ партийной команде,
 За налоги на крестьянский труд,
 По стране свищет банда на банде,
 Волю власти считая за кнут.
 И кого упрекнуть нам можно?
 Кто сумеет закрыть окно,

Чтоб не видеть, как свора острожная
 И крестьянство так любят Махно?
 Потому что мы очень строги,
 А на строгость ту зол народ,
 У нас портят железные дороги,
 Гибнут озими, падает скот.
 Люди с голоду бросились в бегство,
 Кто в Сибирь, а кто в Туркестан,
 И оскалилось людоедство
 На сплошной недород у крестьян.
 Их озлобили наши поборы,
 И, считая весь мир за бедлам,
 Они думают, что мы воры
 Иль поблажку даем ворам.
 Потому им и любы бандиты,
 Что всосали в себя их гнев.
 Нужно прямо сказать, открыто,
 Что республика наша – bluff,
 Мы не лучшее, друг мой, дермо.

11 марта 1923 года в Берлине в Доме германского аэроклуба состоялся концерт-бал по случаю годовщины существования объединения российских студентов в Германии, в котором приняли участие С. Есенин, А. Толстой, М. Андреева и А. Кусиков. *Из воспоминаний Романа Гуля, писателя первой русской эмиграции:*

«...Мы вышли втроем из Дома Немецких Летчиков. Было часов пять утра. Фонари уже не горели. Берлин был коричнев. Где-то в полях, вероятно, уже рассвело. Мы шли медленно. Алексеев держал Есенина за руку. Но на воздухе он быстро трезвел, шел тверже и вдруг пробормотал:

– Не поеду я в Москву... не поеду туда, пока Россией правит Лейба Бронштейн...

– Да что ты, Сережа? Ты что – антисемит? – проговорил Алексеев.

И вдруг Есенин остановился. И с какой-то невероятной злобой, просто с яростью закричал на Алексеева:

— Я — антисемит?! Дурак ты, вот что! Да я тебя, белого, вместе с каким-нибудь евреем зарезать могу... и зарежу... понимаешь ты это? А Лейба Бронштейн, это совсем другое, он правит Россией, а не он должен ей править... Дурак ты, ничего ты этого не понимаешь...

— Дочь люблю... она хорошая... И Россию люблю... все люблю... она моя, как дети... и революцию люблю, очень люблю революцию, а вот ты, Алексеев, ничего ты во всем этом не понимаешь... ничего... ни хрена...»¹⁶

Возвращаясь на родину и, очевидно, вспоминая свои недавние выступления, поэт писал:

«Ах, какое поганое время, когда Кусиков и тот стал грозить мне, что меня не впустят в Россию»¹⁷.

Та же тревога звучит в строках, которые полностью не опубликовались:

Зашти меня, влага нежная,
Май мой синий, июнь голубой.
Одолели нас люди заезжие,
А своих непускают домой.

Знаю, если не в далях чугунных,
Кров чужой и сумы на плечах,
Только жаль тех дурашливых юных,
Что сгубили себя сгоряча.

Жаль, что кто-то нас смог рассеять
И ничья не понятна вина.
Ты Расея моя, Расея,
Азиатская сторона¹⁸.

1923

Такие выходки Есенина, как пение «Интернационала» в кругу белоэмигрантов или размахивание красным флагом из окна концертного зала, где танцевала Дункан, — все это не меняло положения, поскольку воспринималось зоркими

чекистами как фрондерство и буффонада скучающего поэта. То, что Есенин при всем своем неприятии буржуазности никак не тянет на «большевистского агитатора», поняли даже падкие на сенсацию репортеры.

К концу зарубежной поездки благодаря небескорыстным стараниям Изадоры Дункан за ним утвердилась сомнительная слава безумного поэта. Полагая, что семейные ссоры публике не интересны, прославленная актриса в многочисленных интервью в Америке и в Европе слепила модный образ ужасного дитя, *enfant terrible*. В такой игре была и некоторая доля pragmatизма: упрощалась процедура получения визы из Германии во Францию (с «эпилептиком» лучше не связываться), бурные семейные ссоры выглядели более загадочно. Но главное, ей так хотелось верить, что «больной» в ней нуждается. И когда он сказал, что по возвращении домой с ней расстанется, она не поверила.

Глава 5

«Россия! Ты понимаешь – Россия!»

«Он был счастлив, что вернулся домой, в Россию. Радовался всему, как ребенок. Трогал руками дома, деревья... Уверял, что все, даже небо и луна, другие, чем там, у них. Рассказывал, как ему трудно было за границей.

И вот, наконец, он все-таки удрал! Он – в Москве.

Целый месяц мы встречались ежедневно. Очень много бродили по Москве, ездили за город и там подолгу гуляли. Была ранняя золотая осень. Под ногами шуршали желтые листья...» – вспоминала актриса Августа Миклашевская.

Они часто виделись в имажинистском кафе «Стойло Пегаса», и Августе Миклашевской все непонятнее становилась дружба Есенина с Мариенгофом. Она заметила, что «друзей»

Актриса Августа Миклашевская

устраивают легендарные скандалы Есенина, ведь эти скандалы «привлекали любопытных в кафе и увеличивали доходы»¹.

На московских улицах Есенину начало казаться, что он слышит, как растут небоскребы.

Выбирая из двух зол: красная Россия или буржуазный Запад, куда эмигрировали многие писатели, он выбрал, как дитя русского народа, родину. От неприятия Запада его отчаянная попытка принять существующую Россию. Так появились стихи «Русь советская», «Стансы» и другие после «Москвы кабацкой». Какая угодно, но Русь с ее неисчерпаемой глубиной, которую он умел слушать.

К тому же нельзя забывать, что некоторые стихи Есенина печатались с купюрами, что лишало их многомерности, полифонии. Так упрощался образ Ленина при изъятии строк:

Ученый бунтовщик, он в кепи,
Вскормленный духом чуждых стран,

С лицом киргиз-кайсыцкой степи
Глядит, как русский хулиган...
(поэма «Гуляй-поле»)

Остались в вариантах и такие строки:

Прядите, дни, свою былую пряжу,
Живой души не перестроить ввек.
Знать, потому
И с Марксом я не слажу,
Что он чужой мне,
Скучный человек.

(«Метель»)

И все же «двойственность» в печать проскальзывала, как подметил это проницательный Троцкий, с которым Есенин был лично знаком благодаря стараниям вездесущего Блюмкина. Так, например, даже «Песнь о великом походе» Есенину удалось сделать многомерной. Частушки звучат с двух сторон, одна другой хлеще:

Пароход идет
Мимо пристани.
Будем рыбу кормить
Коммунистами.

А с другой стороны – «Яблочко»:

Куда ты котишься?
В Вечека попадешь –
Не воротишься.

Да, повсюду цвет кумачовый. Но бродит тень Петра по городу и «грозно хмурится». И совсем неожиданный ракурс в конце поэмы:

В берег бьет вода
Пенной индевью...
Корабли плывут
Будто в Индию...

Россия неистребима. Это то новое чувство, с которым поэт жил, вернувшись домой после того, как, по его словам, облек тель весь мир. Как точно определил Троцкий, он стал другим.

О чём поэт и трибун революции говорили в Кремле в августе 1923 года, в подробностях мы никогда не узнаем. Видимо, трибун предпринял последнюю попытку образумить непокорного поэта и даже предложил крупную сумму денег на издательские нужды. Если только Есенин не преувеличивает все это в письме к Изадоре Дункан, написанном 20 августа, пытаясь под благовидным предлогом вырваться из общества прославленной танцовщицы.

О готовности Троцкого дать Есенину на определенных условиях деньги для издания крестьянского журнала рассказывает в своих воспоминаниях (очевидно, со слов Блюмкина или по слухам) Матвей Ройzman и тут же замечает, что Есенин отказался прямо в кабинете, к неудовольствию Блюмкина, организатора встречи.

Так или иначе, но за этой кремлевской беседой последовали события, которые круто изменили отношение к Есенину со стороны власть имущих и прежде всего Троцкого, о чём свидетельствуют документы Секретного отдела ГПУ. Пружины сжималась.

Недавно мне довелось познакомиться с вдовой поэта Ивана Приблудного, младшего друга Есенина, Натальей Петровной (урожденной Зиновьевой). Она рассказала мне о своих встречах с Есениным. Первая счастливая – в Высшем Литературно-художественном институте, созданном В. Брюсовым, где Есенин читал стихи в сентябре 1923 года, вскоре после возвращения из зарубежной поездки. В программе литературного вечера: Маяковский, Асеев, Пастернак, Безыменский, Александровский, Шенгели. Но студенты ждали Есенина и встретили поэта овацией. Есенин легким движением вскочил на стол, стоящий в

углу эстрады, и начал читать стихи, которые позднее им были объединены в цикл «Москва кабацкая». Вслед за Есениным на тот же стол вскочил приземистый, угловатый Иван Приблудный и прочел «О чернобровая Украина». Иван Приблудный был студентом этого института вплоть до его закрытия после смерти Валерия Брюсова в 1924 году.

Наталья Петровна запомнила рассказ Приблудного о том, как Есенин поранил руку и попал в Шереметьевскую больницу. По словам Приблудного, поздно вечером Есенин шел с Марцеллом Рабиновичем по улице, поскользнулся и упал на стеклянное покрытие перед подвальным окном. Уже после гибели поэта возникли домыслы, что у него была попытка к самоубийству, из-за чего он якобы и попал в Шереметьевскую больницу.

Отец Наташи Зиновьевой Петр Михайлович Зиновьев, врач-психиатр, работал в клинике 1-го Московского государственного университета. 26 ноября 1925 года он принял в клинику Сергея Есенина. Когда Наташа поинтересовалась, как чувствует себя Есенин, отец сказал:

— Ведь он не лечится, а просто отдыхает.

Среди студентов ВЛХИ была и Тася Блюмкина. У нее в гостях во время встречи Нового года (1924) Иван Приблудный и Наташа Зиновьева, разглядывая семейный фотоальбом, обратили внимание на серию фотографий: Петроград 1918 года. Сергей Есенин с Зинаидой Райх, а рядом Яков Блюмкин и Тася.

— Вы думаете, Зинаиду Райх убили за Мейерхольда? — спрашиваю я.

— За Мейерхольда могли расстрелять или посадить в лагерь, как меня сослали за Ивана, — говорит Наталья Петровна, — Зинаида Райх собиралась написать воспоминания о Есенине.

Я прошу Наталью Петровну рассказать о похоронах Есенина, и она достает свои записи двадцатилетней давности. Во многом они совпадают с опубликованными мемуарами очевидцев, но есть и неожиданные подробности. Как известно,

Всеволод Мейерхольд на фоне портрета Зинаиды Райх

прощание было в Доме печати, где висел благодаря стараниям друзей поэта транспарант: «Здесь покончилось тело великого русского национального поэта». Может быть, кому-нибудь вспомнилось: именно здесь, в Доме печати, двумя годами раньше проходил товарищеский суд над поэтом. На похороны народу собралось много, хотя некоторые принципиально не пошли. Например, Юрий Олеша, Лев Кассиль, Валентин Катаев.

Гроб трижды обнесли вокруг памятника Пушкину и двинулись в сторону Ваганьковского кладбища. По дороге остановились у Камерного театра, раскрылись двери, заиграла траурная музыка.

Как справедливо заметил А. Мариенгоф, «Есенин — другой день после смерти догнал славу».

Над могилой кричали:

— Прощай, Сережа!

— До свиданья!

Мейерхольд, как запомнилось Наташе Зиновьевой, держал на руках маленького Костю, сына Есенина. У мальчика была снята шапочка, ветер раздувал волосики, а Мейерхольд приглаживал их губами. Старшего сына поэта Юру Наталья Петровна на похоронах не запомнила.

— Я как-то прочла в газетах, что он стал летчиком, погиб в авиакатастрофе, — говорит Наталья Петровна.

— Судя по последним публикациям, он был расстрелян².

Отрываясь от своих записей, Наталья Петровна говорит:

— На похоронах Есенина я была как-то вся в себе. На людей-то и не смотрела. Только крик Зинаиды Райх в ушах стоит: «Сережа! Ведь никто ничего не знает...»

А мемуары написать Райх не успела.

Уже на первом чтении стихов Есенина в кругу имажинистов в Москве вскоре после его возвращения из-за границы присутствовал Я. Блюмкин. В «Орден имажинистов» он вполне вписывался. По воспоминаниям И. Старцева, выслушав стихи из «Москвы кабацкой», Блюмкин начал протестовать, «обвиняя Есенина в упадочности»³. Поэт резко возражал. Видимо, и в этот раз в стихах Есенина проскользнули мысли, которые он иногда высказывал в беседах и тут же «топил в вине». А может быть, он прочитал еще и отрывки из поэмы «Страна негодяев», как читал их в Америке?

Друг Есенина Владимир Чернявский вспоминал:

«Чем больше он пил, тем чернее и горше говорил о том, что все, во что он верил, идет на убыль, что его “есенинская” революция еще не пришла, что он совсем один. И опять, как в юности, но уже болезненно сжимались его кулаки, угрожавшие невидимым врагам и миру, который он облетел за один год и узнал “лучше, чем все”. И тут в необузданном вихре, в путанице понятий закружилось только одно ясно повторяющееся слово:

– Россия! Ты понимаешь – Россия!

В этом потоке жалоб и требований был и невероятный национализм (огромная любовь Есенина к России часто трактувалась как национализм. – *H. C.*), и полная растерянность под гнетом всего пережитого и виденного, и поддержанная вином донкихотская гордость, и мальчишеское желание драться, но уже не стихами, а вот этой рукой... С кем? Едва ли он мог на это ответить, и никто его не спрашивал...

Это, видимо, и было то, что прощали одному Есенину...»⁴

Но, очевидно, любое терпение имеет конец. Поэзия Есенина наполнялась огромной социальной силой и становилась опасной.

10 декабря 1923 года, в день, когда предполагалось отметить 10-летие литературной деятельности Сергея Есенина, в Доме печати при активном участии Л.С. Сосновского, партийного публициста, сторонника Троцкого, одного из организаторов расстрела царской семьи, состоялся товарищеский суд над Сергеем Есениным, Алексеем Ганиным, Сергеем Клычковым, Петром Орешиным («дело четырех»). Поэтам вменялось в вину «антисоциальное, хулиганское, черносотенное поведение» на основании заявления одного «случайного» посетителя кафе, где поэты обсуждали план создания крестьянского журнала (20 ноября). Товарищескому суду предшествовал арест писателей и статья Л.С. Сосновского в «Рабочей газете» 22 ноября.

По свидетельству поэта Саши Красного, Есенин в те дни говорил: «Меня хотят уничтожить»⁵. Старейший писатель недавно на страницах печати отметил, что дело было «пустое», а травлю развернули большую, и Есенин как поэт-прорицатель все понял. Александр Давыдович Брянский (он же Саша Красный) пообещал рассказать, но уже в своей новой книге, за что, с его точки зрения, мог быть убит Есенин, да жизни не хватило. А мы вернемся к публикации Льва Сосновского,

Сергей Есенин, 1922–1923

которая послужила сигналом к травле (недаром он упоминается в предсмертной записке Г. Бениславской), и рассмотрим архивные документы.

Статья под названием «Испорченный праздник» (20 ноября Всероссийский союз поэтов праздновал свое пятилетие) написана в духе фельетона. Эта литературная форма как нельзя лучше подходила для цели представить перебранку в пивной Есенина и его сотоварищей по перу с явным провокатором М. Родкиным как «антисемитское выступление» Есенина, Ганина, Клычкова, Орешина и по возможности вскрыть контрреволюционную, антибольшевистскую подоплеку разговора, который вели между собой поэты, недобрым словом поминая новую власть и особенно, как показал Родкин, Троцкого и Каменева.

Кульминационный момент фельетона – телефонный звонок Есенина из отделения милиции Демьяну Бедному с

просьбой о заступничестве. По утверждению Сосновского, возможно, со слов Бедного, Есенин говорил «подчеркнуто развязно, фамильярно». И Сосновский фельетонными красками выписывает диалог Бедного с Есениным, который заканчивается словами Есенина: «...один жид четырех русских в милицию привел». Сосновскому не до шуток, в его руках материал для глобальных обобщений с политическими выводами. Обещая, что «о дальнейших последствиях этой истории читающая публика узнает в свое время», он тут же к слову и планирует эти последствия:

«Лично меня саморазоблачение наших поэтических “попутчиков” очень мало поразило. Я думаю, что если поскрестить еще кое-кого из “попутчиков”, то под советской шкурой обнаружится далеко не советское естество. Очень интересно узнать, какие же литературные двери откроются перед этими советскими альфонсиками после их выхода из милиции и как велико долготерпение тех, кто с “попутчиками” этого сорта безусловно возится и стремится их переделать...»

Естественно, «очень интересно» и даже важно узнать, кто же теперь решится печатать Есенина, Ганина, Орешина, Клычкова и других “попутчиков”, которым с новой властью, как оказалось, не по пути.

В тот же день предупреждение прозвучало и со страниц «Рабочей Москвы». В заметке «Что у трезвого “попутчика” на уме...» откровенно говорится: «Мы получили удовольствие узнать подлинные мысли четырех “попутчиков”. При этом сообщается, «что у трезвого попутчика на уме, то у пьяных Есениных и Орешиных на языке». А далее предлагается рабочим и «особливо пролетарским поэтам» сделать соответствующие выводы, а редакциям, «страницы коих укращаются великолепными произведениями вышеназванных юбиляров», решить этот вопрос самим. Не обходится и без ерничества: «Мы подсказывать им не будем».

Оказавшись у закрытых дверей редакций, поэты потребовали в «Открытом письме» со страниц «Правды» приостановить публикацию домыслов «до разбора этого дела третийским судом». Однако под видом информации обработка общественного мнения прессой продолжалась. Так, 5 декабря газета «Известия» в статье «Их было четверо. Что было в пивной» сообщает:

«Их четверо: Есенин, Орешин, Клычков и Ганин. Если не все четверо, то во всяком случае Есенин и Орешин являются крупными именами в современной литературе.

И все эти четверо были участниками истории, которая, по их словам, “выеденного яйца не стоит”. Сидели в пивной, пили пиво; двое из них (по их же словам) лезли с кулаками друг на друга, а между прочим вели антисемитские разговоры. Последнее утверждают свидетели происшедшего. По словам же участников инцидента, они “просто обозвали какого-то типа жидовской мордой”. Отправленные в милицию, поэты через Есенина обратились по телефону к Демьянину Бедному с просьбой о содействии. Демьянин Бедный решительно отказал в этом. А на другой день сообщение об этом случае было помещено в московских газетах, причем в “Рабочей газете” был напечатан на эту тему фельетон Сосновского.

Таково начало “повести о четырех поэтах”. А продолжение было 2 декабря в 6 часов вечера в помещении Союза писателей на собрании представителей различных литературных организаций и московской печати. Собрание было создано “для выяснения отношения товарищей к поступку названных поэтов”. На этом собрании и давали свои объяснения четыре поэта.

Первым выступил Сергей Есенин. Миловидное пухлое лицо. Розовые губы. Как-то не верится, что этот юноша – талантливый автор некоторых, выражаясь мягко, “странных” произведений. Еще менее вяжутся с наружностью его показания:

– Сидели в пивной, пили, разговаривали об издании журнала... Хотели идти к Троцкому и Каменеву просить денег... А какой-то тип подслушивает. Я и говорю: “Дай ему пивом в ухо”. Он меня называет русским хамом, а я сказал ему, что он жидовская морда.

Следом за ним выступает Орешин. Добродушная симпатичная внешность, и говорит искренне, просто, видимо подавленный всем происшедшим:

– Действительно, пили, между собой чуть не подрались, антисемитские разговоры не вели, а жидовской мордой какого-то подслушивающего типа действительно обозвали.

И почти с отчаянием в голосе добавляет:

– Как все это произошло, не знаю, а теперь нас бойкотируют, отовсюду нам возвращают наши произведения, денег нам не платят, и жить нам нечем!

В таком же роде дают объяснения Клычков и Ганин. И все заявляют, что их оклеветали, что “инцидент пустяшный”, “раздутый”...

И все же надо отдать должное бдительности провокатора Родкина и обвинителя Сосновского. В 1924 году Алексей Ганин напишет тезисы «Мир и свободный труд народам», в которых охарактеризует РКП как «секту изуверов», ведущую великую страну к погибели. Большевистскую диктатуру он воспринял как осуществление геноцида по отношению ко всем народам за исключением еврейского, еще не предвидя, что запущенный маховик репрессий будет вертеться, набирая обороты и не делая никаких исключений.

А пока войдем в зал Дома печати, где идет товарищеский суд над поэтами. Выступает общественный обвинитель тов. Сосновский:

«Этот мелкий как будто случай на самом деле показывает, что мы имеем дело с весьма опасной для общества болезнью.

Как опытный врач по одному злокачественному прыщику определяет опасную болезнь, которая требует удаления больного, во избежание заражения других, так и мы по одному случаю в пивной должны установить наличие гнилых, недостойных советского гражданина явлений в нашей литературе. Эта гниль тем более опасна, что носителями ее являются сотрудники наших журналов и газет...

Дело “четырех поэтов” вскрыло нам язву, которую нужно раз и навсегда вылечить или отсечь» («Рабочая Москва», 1923, 12 декабря).

В статье «Суд над четырьмя поэтами», опубликованной в «Правде» 12 декабря под инициалами Б.П., сообщалось:

«...тov. Сосновский указал, что в инциденте с поэтами он усматривает доказательство того, что в современных литературных кругах по-прежнему господствуют “купринские нравы”, унаследованные от эпохи “Вены”. Суд должен произнести веское слово для осуждения этой разнозданности и антисемитизма, хотя бы последний и не носит погромного характера».

Наиболее здравомыслящие и мужественные писатели пытались предотвратить расправу. Процесс затянулся до трех часов ночи. В той же статье в «Правде» отмечалось:

«Поэтов защищал тов. Вяч. Полонский. Он доказывал, что Сосновский преувеличивает значение этого эпизода, сущность которого заключается в пьяном дебоше. Подсудимых можно судить только за пьянство и дебош, а обвинение в антисемитизме как недоказанное должно быть снято».

Из отчета о товарищеском суде по материалам «Известий» за 12 декабря:

«...Львов-Рогачевский отмечал, что в произведениях обвиняемых можно отметить не только отсутствие антисемитизма, но даже любовь к еврейскому народу. Писатель А. Эфрос указывал, что с поэтами Орешиным и Клычковым он встречался ежедневно в течение нескольких лет и не заметил с их

стороны никаких антисемитских выпадов, хотя как еврей он был бы к ним особенно чуток. Такое же показание дал писатель Андрей Соболь».

Решение товарищеского суда по тем временам было довольно мягким, по принципу, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Прочтем этот документ. «Постановление суда по делу четырех поэтов»:

«Товарищеский суд в составе К.П. Новицкого, П.М. Керженцева, А.Я. Аросева, Н.К. Иванова-Гармена, В. Нарбута, В.Ф. Плетнева, Ив. Касаткина, рассмотрев на открытом заседании своем 10 декабря 1923 г. имеющиеся материалы по делу поэтов С. Есенина, П. Орешина, С. Клычкова и А. Ганина, выслушав показания свидетелей и объяснения сторон, признал:

1) что поведение поэтов Есенина, Орешина, Клычкова и Ганина в пивной носило характер антиобщественного дебоша, давшего повод сидевшему рядом с ними гражданину Родкину толковать этот скандал как антисемитское выступление,

2) что на улице и в милиции поэты Есенин, Орешин, Клычков и Ганин, будучи в состоянии опьянения, позволили себе выходки антисемитского характера.

Ввиду этого товарищеский суд постановляет: объявить поэтам Есенину, Орешину, Клычкову и Ганину общественное порицание.

Обсудив вопрос о помещении в № 264 “Рабочей газеты” статьи “Испорченный праздник”, суд находит, что тов. Сосновский изложил инцидент с четырьмя поэтами на основании недостаточных данных и не имел права использовать этот случай для нападок на некоторые из существующих группировок.

Суд считает, что инцидент с 4-мя поэтами ликвидируется настоящим постановлением товарищеского суда и не должен

служить аргументом для сведения литературных счетов, и поэты Есенин, Орешин, Клычков и Ганин, ставшие в советские ряды в тяжелейший период революции, должны иметь полную возможность по-прежнему продолжать свою литературную работу.

Означенный приговор вынесен судом единогласно» («Правда», 1923, 16 декабря).

Но уже через два дня после публикации этого приговора газета «Рабочая Москва» задалась вопросом «Прав ли суд?». Решение товарищеского суда – выразить поэтам общественное порицание, но разрешить продолжить литературную деятельность, а также указать Л.С. Сосновскому на недостаточную обоснованность его позиции – рассматривалось печатью как слишком мягкое в отношении поэтов. В «Рабочей Москве», в других газетах из номера в номер стали публиковать «письма рабочих» с требованиями возбудить против них уголовное дело, сурово наказать, исключить из рядов советской литературы.

Подобного рода публикации начинались, как правило, с откровений: «Я – рабкор, только учусь писать». Но тем не менее: «Сосновский прав, суд – неправ», «Поэтов под народный суд!», «Им нет места в нашей семье» и т. д.

Рабкоры не могли не знать, что Декрет «О борьбе с антисемитизмом», принятый в 1918 году, через неделю после расстрела царской семьи, предусматривал для «виновных» либо лагерь особого назначения, либо высшую меру наказания. Не менее осведомлены относительно возможностей, которые открывал декрет, были и пролетарский поэт Демьян Бедный, и партийный публицист Лев Сосновский, действующий, как заметил Есенин, в угоду «вождям пролетариата».

Уголовный кодекс, принятый в 1922 году, не предусматривал столь суровой кары в мирное время, но вместе с тем поощрял «охоту на ведьм».

В кругу друзей. (Слева направо) С. Клычков, И. Приблудный, С. Есенин, Н. Богословский. Москва, май, 1924

Так, разжигая самые низменные инстинкты реваншистского толка, новая власть отрабатывала изощренный механизм принуждения и запугивания. И один из первых экспериментов по внедрению этого механизма был проведен в наиболее независимой писательской среде.

Есенин ответил статьей «Россияне», которую ему не довелось закончить. Он писал:

«Не было омерзительнее и паскуднее времени в литературной жизни, чем время, в которое мы живем. Тяжелое за эти годы состояние государства в международной схватке за свою независимость случайными обстоятельствами выдвинуло на арену литературы революционных фельдфебелей, которые имеют заслуги перед пролетариатом, но ничуть не перед искусством.

Выработав себе точку зрения общего фронта, где всякий туман может казаться для близоруких глаз за опасное войско,

эти типы развили и укрепили в литературе пришибеевские нравы.

— Рр-а-сходись, — мол, так твою, так-то. Где это написано, чтоб собирались по вечерам и песни пели?

Некоторые типы, находясь в такой блаженной одури и упоенные тем, что на скотном дворе и хавронья сходит за царицу, дошли до того, что и впрямь стали отстаивать точку зрения скотного двора.

Сие относится к тому типу, который часто подписывается фамилией Сосновский.

Маленький, картофельный журналистик, пользуясь поблажками милостивых вождей пролетариата и имеющий столь же близкое отношение к литературе, как звезда небесная к подошве его сапога, трубит почти около семи лет все об одном и том же, что русская современная литература контрреволюционна и что личности попутчиков подлежат весьма большому сомнению. Частенько ему, как Видоку Фиглярину, удается натолкнуться на тот или иной факт, компрометирующий некоторые личности, но где же он нашел хоть один факт, компрометирующий т[ак] называемых попутчиков? Все, что он вскрывает, он вскрывает о тех писателях, которые не имеют ничего общего с попутчиками.

В чем, собственно, дело? А дело, видимо, в том, что, признанный на скотном дворе талантливым журналистом, он этого признания никак не может добиться в писательской и поэтической среде, где на него смотрят хуже, чем на Пришибеева.

Уже давно стало явным фактом, как бы ни хвалил и ни рекомендовал Троцкий разных Безымянских, что пролетарскому искусству грош цена, за исключением Герасимова, Александровского, Кириллова и некоторых других, но и этих, кажется, “заехали”, как выражается Борис Волин, еще более кретинистый, чем Сосновский.

Бездарнейшая группа мелких интриганов и репортерских карьеристов выдвинула журнал, который наз[ывается] «На посту»⁶.

Эти строки написаны вскоре после товарищеского суда, вероятно, в больнице на Большой Полянке, где Есенин находился с 17 декабря 1923 года до конца января 1924-го. В это время, а точнее с 26 ноября 1923 года, он разыскивался Народным судом Краснопресненского района, который, как мне недавно удалось установить в архивах КГБ, получал инструкции в отношении Есенина из Секретного отдела ОГПУ. И видимо, пребывание в больнице для нервнобольных было для поэта в известной мере спасительным.

Прочтем эти документы.

Секретно

Помощнику прокурора Краснопресненского района
1 участка

СО ОГПУ просит прислать копию постановления суда по делу поэта Есенина Сергея Александровича, материал на кое-го был Вам направлен 30/1-24 г. 46 отд. мил. за № 156. Обвиняется по ст.ст. 88, 57 и 176 Угол. код. Если дело в суде не слушалось, то таковую копию пришлите после слушания дела.

нач. 7 отд. СО ОГПУ Славотинский,

16 II-24

№ 241452

Народный суд Краснопресненского района отчитывается перед Секретным отделом ОГПУ.

В ОГПУ

Народный суд сообщает, что дело гр. Есенина было назначено к слушанию 28 февраля с/г., но вследствие его болезни и нахождения в Шереметьевской больнице дело снято с очереди и будет назначено к слушанию в срочном порядке по выходе его из больницы⁷.

Nar. судья Комиссаров

Как видно из перечня статей Уголовного кодекса, поэту вменялись в вину публичное оскорблечение отдельных представителей власти при исполнении ими своих служебных обязанностей, контрреволюционные действия и хулиганство. Особо сурово карались контрреволюционные действия – вплоть до высшей меры.

Но что же произошло в действительности? Неужели вся эта травля только из-за перебранки с провокатором в пивной? Что стоит за всей этой газетной шумихой, товарищеским судом и повестками в Народный суд? Ответ на все эти вопросы следует искать в «Деле № 2037», которое было закрыто 9 мая 1927 года в связи с тем, что двоих из обвиняемых «в живых нет» (архив КГБ). Передо мной папка «Дело № 2037», заведенное на С.А. Есенина, А.А. Ганина, С.А. Клычкова, П.В. Орешина, обвиняемых «в ведении антисемитской агитации, направленной к возбуждению национальной розни, т.е. в преступном действии, предусмотренном ст. 83 Уголовного кодекса»⁸.

Свидетель Родкин Марк Вениаминович, 39 лет от роду, комендант, ответственный контролер, настаивает на чрезвычайной важности своих показаний, подчеркивая, что он не стал бы обращать внимание просто на оскорблений.

Из его показаний: «Но когда они (поэты. – Н. С.) с неслыханной наглостью и цинизмом позволили себе оскорбить вождей русской революции, я понял, что это такие интеллигенты и “литераторы”, которые сознательно стараются при удобном случае дискредитировать и подорвать авторитет советской власти и ее вождей, и я решил об этом сообщить в отделение милиции для привлечения их к ответственности».

Как видно из материалов «Дела», поэты вели разговор о причастности Троцкого и Каменева к черной бирже.

Родкин донес: «...говорили о том, что в существовании черной биржи виноваты те же жиды-биржевики, которых поддерживают “их Троцкий и Каменев”...»

Одна из последних фотографий В.И. Ленина, август, 1923

Из протокола допроса Сергея Есенина (в записи милиционера Адарова): «...во время разговора про литературу поминали частично т. т. Троцкого и Каменева, говорили относительно их только с хорошей стороны, то, что они-то нас и поддерживают. О евреях в разговоре поминали только, что они в русской литературе не хозяева и понимают в таковой в тысячу раз хуже, чем в черной бирже, где большой процент евреев обитает как специалисты».

Эти показания на товарищеском суде и в печати не обсуждались. Поэтам предстоял суд, и освободили их временно под расписку о невыезде.

Отголоски этих событий в драматической поэме «Страна негодяев».

ХНГ
Никому ведь не станет в новинки,
Что в кремлевские буфера

Уцепились когтями с Ильинки
Маклера, маклера, маклера...

Более подробно черную биржу на Ильинке живописует Матвей Ройzman в своей книге «Все, что помню о Есенине», естественно, не упоминая «кремлевские буфера» и их связь с валютным миром:

«Правительство ставило на ноги советский червонец, а банда валютчиков все еще кружилась на Ильинском бульваре вокруг памятника-часовни павшим воинам Плевны, взвинчивая цены на доллары, стерлинги, царские золотые десятирублевки, подставляя ножку нашему червонцу и ловко зарабатывая на хлебном займе. В народившихся как грибы после дождяочных ресторанах и кабаре процветали дивы с крошками собачками, обезьянками, а нэпачи, растратчики, спекулянты купали их в золоте, – фигурально, а реально, как когда-то замоскворецкие купчины, – в наполненных шампанским ваннах. Открывались клубы, где играли в рулетку, и крупье с прилизанными волосами, с пробритыми проборами, восседали, как боги, и громким голосом четко объявляли: “Игра сделана! Ставок больше нет!” В те дни возвращались с фронтов гражданской войны истинные сыны республики – бойцы и командиры, своей грудью отстоявшие родину от четырнадцати держав. Эти достойные люди с презрением смотрели на круговорот жадных людышек, перед которыми маячил мираж обогащения»⁹.

А Есенин писал:

Пустая забава,
Одни разговоры.
Ну что же,
Ну что же вы взяли взамен?
Пришли те же жулики,
Те же воры
И законом революции
Всех взяли в плен¹⁰.

И он был пленным, только не простым, а из тех, с которыми приходится долго возиться. Именно поэтому для него было что-то и пострашнее суда.

Но давайте все же вернемся к дате закрытия «Дела № 2037». В том же 1927 году вышла книжка Василия Наседкина, зятя поэта, «Последний год Есенина». В ней есть одна загадочная строка, которую автор оставил без каких бы то ни было объяснений, словно швырнул во тьму. Иные исследователи ее подняли и приняли за чистую монету. «Идеальным, законченным типом человека Есенин считал Троцкого». Но если сопоставить это заверение с материалами «Дела № 2037» и с обстоятельствами травли поэтов, то станет очевидным, что одной строкой Василий Наседкин (и не он первый) попытался откупиться и вырваться из тисков времени, которое требовало все новых и новых жертв на алтарь революции.

По многим воспоминаниям проходит версия, что у Есенина в последние годы жизни появилось «что-то вроде мании преследования». Под этим углом зрения Рюрик Ивнев описывает свою встречу с Есениным в больнице на Полянке.

Рюрик Ивнев пишет:

«Во время разговора мы сидели у окна. Вдруг Есенин перебил меня на полуслове и, перейдя на шепот, как-то странно оглядываясь по сторонам, сказал:

– Перейдем отсюда скорей. Здесь опасно, понимаешь? Мы здесь слишком на виду, у окна...

Я удивленно посмотрел на Есенина, ничего не понимая. Он, не замечая моего изумленного взгляда, отвел меня в другой угол комнаты, подальше от окна.

– Ну вот, – сказал он, сразу повеселев, – здесь мы в полной безопасности.

– Но какая же может быть опасность? – спросил я.

— О, ты еще всего не знаешь. У меня столько врагов. Увидели бы в окно и запустили бы камнем. Ну и в тебя могли бы попасть. А я не хочу, чтобы ты из-за меня пострадал.

Теперь я уже понял, что у него что-то вроде мании преследования, и перевел разговор на другую тему¹¹.

Есенин заговорил о журнале, который он собирался издавать, отказавшись печататься в «Гостинице для путешествующих в прекрасном».

— Пусть Мариенгоф там распоряжается как хочет. Я ни одной страницы стихов туда не дам. А ты... ты как хочешь, я тебя не неволю.

И потом уже в конце разговора Есенин сокрушенно сказал:

— Все-таки сколько у меня врагов! И что им от меня надо? Откуда берется эта злоба? Ну, скажи, разве я такой человек, которого надо ненавидеть?

Рюрик Ивнев как мог успокаивал Есенина и все боялся, как бы он опять не потерял «душевное равновесие и не заговорил о «врагах», которые его окружают». По признанием Рюрика Ивнева, опубликованным еще в 1921 году, Есенин всегда возбуждал в нем «самые разнообразные чувства». Тяжкий разговор в больнице Есенин по своему обыкновению свел к шутке.

«Есенин так любил шутить и балагурить», — вспоминал Рюрик Ивнев. При этом иной раз его язык «резал, как бритва», а улыбка все сглаживала.

После разрыва с Мариенгофом Есенин рассказал юному Эрлиху такую притчу:

«Жили-были два друга. Один талантливый, а другой — нет. Один писал стихи, а другой — (непечатное). Теперь скажи сам, можно их на одну доску ставить? Нет! Отсюда мораль: не гляди на цилиндр, а гляди под цилиндр!»¹²

«Эпоха Есенина и Мариенгофа» назывался этот союз. Видимо, для Есенина это стало звучать как «Эпоха Моцарта и

С сестрой Катей на Пречистенском бульваре. Москва, 1925

Сальери». Незадолго до гибели он дописал своего «Черного человека», оторвав его от себя. Однако критик А. Воронский (примыкавший в 1925–1928 годах к троцкистской оппозиции) в статье «Об отошедшем», предпосланной первому тому «Собрания стихотворений» Есенина (М.–Л., 1926), настаивал, что эта поэма – «уже материал для психиатра и клиники».

После разрыва с имажинистами Есенин не захотел оставаться жить в общей квартире в Богословском переулке, дом 5, куда поэта уже в наши дни пытались вернуть, ставя вопрос об организации здесь музея Есенина, по существу на квартире, где «правил бал» Мариенгоф с Блюмкиным и незримо присутствовал Троцкий. Но поэт сам определил свое место в литературе.

В октябре 1923 года он обратился в ЦК РКП(б) с просьбой предоставить возможность группе поэтов и писателей, вышедших из недр трудового крестьянства, самостоятельно издавать свои книги. Под письмом подписи инициативной группы: Петр Орешин, Сергей Клычков, Сергей Есенин, А. Чапыгин, Николай Клюев, П. Радимов, Пимен Карпов, Александр Ширяевец, Ив. Касаткин¹³.

Группа имажинистов «в доселе известном составе» объявлялась Есениным со страниц «Правды» распущенной (31 августа 1924). Это последнее заявление Сергея Есенина.

Через несколько дней, 3 сентября, он выехал на Кавказ. На заявление, опубликованное в «Правде», последовал ответ:

«Хотя С. Есенин и был одним из подписавших первую декларацию имажинистов, но он никогда не являлся идеологом имажинизма, свидетельством чему является отсутствие у Есенина хотя бы одной теоретической статьи. Есенин примыкал к нашей идеологии, поскольку она ему была удобна, и мы никогда в нем, вечно отказывавшемся от своего слова, не были уверены, как в своем соратнике. После известного всем инцидента, завершившегося судом ЦБ журналистов¹⁴ над Есениным и К°, у группы наметилось внутреннее расхождение с Есениным, и она принуждена была отмежеваться от него, что и сделала, передав письмо заведующему лит. отделом “Известий” Б.В. Гиммельфарбу 15 мая с/г. Есенин в нашем представлении безнадежно болен психически и физически, и это единственное оправдание его поступков» («Новый зритель», 1924, № 35).

Вездесущий Яков Блюмкин

В Баку Есенин остановился в гостинице «Новая Европа», где столкнулся с вездесущим Блюмкиным, прибывшим в город в пульмановском вагоне для инспекции войск¹⁵.

Они были знакомы давно, с 1918 года по левоэсеровским кругам, потом по «Ордену имажинистов», который Есенин решился самовольно распустить...

Блюмкин схватился за пистолет... Это факт, который тут же попытались истолковать как обычную сцену ревности в бакинском ресторане.

На этот раз Есенину удалось скрыться в Тифлисе, где он написал:

Издревле русский наш Парнас
Тянуло к незнакомым странам,
И больше всех лишь ты, Кавказ,
Звенел загадочным туманом.

.....

А ныне я в твою безгладь
Пришел, не ведая причины:

Родной ли прах здесь обрыдатель
Иль подсмотреть свой час кончины!

Мне все равно! Я полон дум
О них, ушедших и великих.
Их исцелял гортанный шум
Твоих долин и речек диких.

Они бежали от врагов
И от друзей сюда бежали,
Чтоб только слышать звон шагов
Да видеть гор глухие дали.

И я от тех же зол и бед
Бежал, навек простясь с богемой,
Зане созрел во мне поэт
С большой эпической темой...

Он предчувствовал гибель. Он подглядел свой час кончины.

Друг мой, друг мой, прозревшие вежды
Закрывает одна лишь смерть.

Такова цена прозрения во все времена. И он, как истинный поэт, не мог об этом не знать, тем более что ощущал себя в плотно сжимающихся тисках.

30 марта 1925-го, через два года после товарищеского суда, был расстрелян ближайший друг, единомышленник Есенина Алексей Ганин. К его «Делу» приобщены тезисы «Мир и свободный труд – народам», написанные в 1924 году. Этот документ дает исчерпывающий ответ на вопрос, что было предметом их сокровенных разговоров.

«1. При существующей государственной системе в России, Россия – это могущественное государство, обладающее неизбывными естественными богатствами и творческими силами народа, – вот уже несколько лет находится в состоянии смертельной агонии.

Н. Клюев, С. Есенин, Вс. Иванов, 1924

Ясный дух русского народа предательски умерщвлен. Святыни его растоптаны, богатства его разграблены. Всякий, кто не потерял еще голову и сохранил человеческую совесть, с ужасом ведет счет великим бедствиям и страданиям народа в целом.

Каждый, кто бы ни был, ясно начинает осознавать, что так больше нельзя. Каждый мельчайший факт повседневной жизни красноречивее всяких воззваний. Всех и каждого он убеждает в том, что если не предпринять какие-то меры, то России как государству грозит окончательная смерть, а русскому народу неслыханная нищета, экономическое рабство и вырождение (Смотрите госбюджет России последних лет. Отчеты государственных предприятий. Заработка плата рабочих и служащих. Бюджет крестьян. Соотношение цен на

фабрикаты и сельскохозяйственные продукты. Соотношение максимума заработка и прожиточного минимума трудового населения, сопоставим данные довоенного и настоящего времени в области народного просвещения, в области здравоохранения, общественной взаимопомощи. Высчитаем коэффициент налогов и доходов населения и, наконец, сопоставим данные довоенной и современной нашей внешней торговли, чтобы убедиться в том, что Россия стоит накануне гибели, а многомиллионное население коренной России обречено на рабскую нищету и вырождение).

Но как это случилось, что Россия с тем, чтобы ей беспрепятственно на общее благо создать духовные и материальные ценности, обливавшаяся потом и кровью, Россия, на протяжении столетий великими трудами и подвигами дедов и прапатров завоевавшая себе славу и независимость среди народов земного шара, ныне по милости пройдох и авантюристов повергена в прах и бесславие, превратилась в колонию всех паразитов и жуликов, тайно и явно распредающих наше великое достояние.

2. Вполне отвечая за свои слова перед судом всех честно мыслящих людей и перед судом истории, мы категорически утверждаем, что в лице господствующей в России РКП мы имеем не столько политическую партию, сколько воинствующую секту изверов-человеконенавистников, напоминающую если не по форме своих ритуалов, то по сути своей этики и губительной деятельности средневековые секты сатаниилов и дьяволопоклонников. За всеми словами о коммунизме, о свободе, о равенстве и братстве народов таятся смерть и разрушения, разрушения и смерть...»¹⁶

Тезисы заканчиваются призывом вести борьбу с марксистским мировоззрением, которое представляет немалый соблазн во всем мире, путем «повседневного систематического разоблачения», а также путем объединения всех разроз-

ненных сил в единую партию, способную повести народ к возрождению Великой России.

Естественно, и в стихах Алексей Ганин не изменил своим взглядам.

В предсмертной антибольшевистской поэме «Былинное поле», которую Ганин решился включить в свой поэтический сборник 1925 года, поэт написал картину беспощадного, под корень раскрестьянивания России.

Вихри, нагрянувшие из-за моря, требуют, чтобы «лапотники им молились».

Гей, берегись!
Много ты задумал – не рано ли?
Кости да погосты – приданое...

В «красную волю» поэт не верит:

Знает поганая мелочь секрет:
силу мирскую не свалит гора,
да тля незаметно гору подточит...
Знает поганая и другой секрет:
в думах мужичьих просторно, как в поле,
гуляй, кому надо,
что хочешь, топчи,
только про счастье мужичье шепчи,
да жалобней вякай про горькую долю.
Будут покорны тогда силачи,
красные речи замажутся сажей,
сами друг другу могилы укажут,
и сами себе панихиду споют...

И как пророчество звучат строки:

...грозу да напасть не столетьем считать,
да в минуте грозы – на столетье беды...

Он проходил по сфабрикованному делу о «русской фашистской организации». В тюрьме, согласно медицинской

Пимен Карпов в 50-е годы

экспертизе, поэт сошел с ума, что не помешало привести приговор в исполнение.

Сохранилось стихотворение на смерть Алексея Ганина, написанное Пименом Карповым:

Ты был прикован к приполярной глыбе,
Как Прометей, растоптанный в снегах,
Рванулся ты за грань и встретил гибель.
И рвал твоё живое сердце ад.

За то, что в сердце поднял ты, как знамя,
Божественный огонь – родной язык,
За то, что и в застенке это пламя
Пылало под придушенный твой крик!

От света замурованный дневного,
В когтях железных погибая сам,
Ты сознавал, что племени родного
Нельзя отдать на растерзанье псам.

И ты к себе на помощь звал светила,
Чтоб звездами душителя убить,

Чтобы в России дьявольская сила
Мужицкую не доконала выть.

Все кончено! Мучитель, мозг твой выпив,
Пораздробив твои суставы все,
Тебя в зубчатом скрежете и скрипте
Живого разорвал на колесе!

И он, подъяв раздвоенное жало,
Как знамя, над душою бытия,
Посеял смерть. Ему рукоплескала
Продажных душ продажная семья.

Но за пределом бытия к Мессии —
К Душе Души взывал ты ночь и день.
И стала по растерзанной России
Бродить твоя растерзанная тень.

Нет, не напрасно ты огонь свой плавил,
Поэт-великомученик! Твою
В застенке замурованную славу
Потомки воскресят в родном краю¹⁷.

«Добрый ангел Есенина», как ее иногда называют, Галина Бениславская решила, судя по ее «Воспоминаниям»¹⁸, что теперь-то, наконец, Ганин уже не будет плохо влиять на Сергея.

Последний раз Есенина с Ганиным арестовали вместе в январе 1924 года в кафе «Домино», как только Есенин вышел из больницы на Большой Полянке, где он укрывался от преследований. А потом вновь больницы: Щереметьевская, Кремлевская, — авторский вечер в концертном зале им. Ф. Лассаля в Ленинграде, похороны близкого друга поэта Александра Ширяевца в Москве на Ваганьковском кладбище и новый побег в Ленинград, ведь с 21 июня его опять разыскивают, чтобы арестовать. И только долгое пребывание на Кавказе с 3 сентября 1924 года по 1 марта 1925-го, несмотря на стычку с Блюмкиным, неожиданно оказалось спаситель-

С. Есенин и И. Приблудный в окружении членов «Ордена воинствующих имажинистов». Вл. Ричиотти, С. Погоцкий (стоят); Г. Шмерельсон и В. Эрлих (сидят). Ленинград, апрель, 1924

ным: его не подверстали к «Делу» Ганина, которому вменялась в вину контрреволюционная деятельность с августа 1924 года.

Вернувшись с Кавказа, Есенин не пробыл в Москве и месяца. 27 марта, в день, когда Ганину вынесли приговор, он выехал в Баку. Кто успел предупредить Есенина? Возможно, Галина Бениславская, связанная с ВЧК. В то время она еще пыталась вызволять Есенина: его роман с Соней Толстой только начинался (они познакомились 5 марта), и все его литературные дела вела она, Галина Бениславская, терпеливо снося его невнимание к ней и вместе с тем не теряя надежд. Правда, у нее уже появился новый интересный знакомый, сын Троцкого Лев Седов.

А Есенин метался по стране, зная, что в любой момент его могут либо арестовать, либо убить из-за угла, последнее казалось даже более вероятным. Его взгляды, так же как мысли Алексея Ганина, были хорошо известны власти имущим. Да разве поэт может их скрыть?

Вот как Матвей Ройзман описывает свою случайную встречу в кафе «Стойло Пегаса» с одним из сотоварищей Алексея Ганина поэтом Владимиром Галановым:

«Смотря на меня серыми, покрасневшими глазами, он вдруг сказал:

- Вы относитесь ко мне враждебно.
- Я вас совсем не знаю, – ответил я. – Вы, как и ваш брат, художник?¹⁹
- Нет! Я – поэт! Но должен вас предупредить: скоро я отдам за вас жизнь.
- За меня?
- Не только за вас, и за других.
- Я что-то не понимаю вас.
- Скоро все поймете...

...Каково же было мое удивление, когда летом 1924 года я узнал, что не только брат Чекрыгина, но и вся компания, одно время сидевшая с Сергеем за столиком, арестована в связи с раскрытием заговора “Белого центра” и выслана на Соловки»²⁰.

В заключении по следственному «Делу № 28980» рядом с именем Алексея Ганина стоят имена его давних друзей-единомышленников, которые пока оставались на свободе. Сотрудники 7-го отдела СО ОГПУ отметили:

«После нашумевшего процесса четырех поэтов – Ганина, Есенина, Орешина, Клычкова, обвинявшихся в антисемитской агитации, Ганин, как один из проходивших по этому делу, в кругах националистически настроенной интеллигентции приобретает авторитет русофила».

А далее следует предложение о вынесении «в силу некоторых причин» внесудебного приговора по «Делу № 28980». Почти все были расстреляны.

От внесудебного приговора до внесудебной расправы – один шаг. И Есенин это знал, но ему казалось, что еще можно ускользнуть. Играя на «двойственности», многогранности, заложенной в основе любой пьесы с большим количеством действующих лиц, он продолжал читать отрывки из «Страны негодяев», во многом созвучные более прямолинейному стихотворению Пимена Карпова «История дурака», написанному в том же 1925 году.

I

Когда с непроходимых улиц,
С полей глаза Руси взметнулись,
Была тобой, дурák, она
На поруганье предана.

II

Ты страшен. В пику всем Европам!
Став людоедом, эфиопом, –
На царство впер ты сгоряча
Над палачами палача.
Глупцы с тобой «Ура» орали,
Чекисты с русских скальпы драли,
Из скальпов завели «экспорт», –
Того не разберет сам черт!
В кровавом раже идиотском
Ты куролесил с Лейбой Троцким.
А сколько этот шкур дерет –
Сам черт того не разберет!
Но все же толковал ты с жаром:
«При Лейбе буду... лейб-гусаром!»
Увы! – Остался ни при чем:
«Ильич» разбит параличом.
А Лейба вылетел «в отставку»!

С чекистами устроив давку
И сто очков вперед им дав,
Кавказский вынырнул удав...²¹

Теперь с твердой уверенностью можно сказать, что поэты есенинского круга не видели для себя спасения вне спасения России и вместе с ней взошли на Голгофу.

Николай Клюев, Сергей Клычков, Алексей Ганин, Пимен Карпов, Павел Радимов, Петр Орешин, Александр Ширяевец, Василий Наседкин, Павел Васильев, Иван Приблудный...

«Раскрестьянивание» России сопровождалось уничтожением церквей.

В газете «Правда» с 12 апреля по 23 мая 1925 года (в одиннадцати номерах) печатался «Новый завет без изъяна Евангелиста Демьяна», который, к чести русской литературы, не остался без ответа. Появилось «Послание к Евангелисту Демьяну». Передаваемое из рук в руки, оно дошло до наших дней.

Нет, ты, Демьян, Христа не оскорбил,
Ты не задел Его своим пером нимало.
Разбойник был, Иуда был, –
Тебя лишь только не хватало.

Ты сгустки крови у креста
Копнул ноздрей, как толстый боров,
Ты только хрюкнул на Христа,
Ефим Лакеевич Придворов²².

В январе 1990 года я получила письмо: «Мне 77 лет, учился я в середине 20-х в школе на Пречистенке (ныне Кропотинской, в здании, где сейчас пребывает Ленинский РК КПСС), находившейся напротив дома, в котором располагалась балетная школа “босоножек” Айседоры Дункан и ее сестры Ирмы. Видели мы с товарищами по школе около этого дома и С. Есенина. Это удваивало наш интерес к поэту, о котором много слышали в классах... В эти годы, в 25 или в 26, по ру-

кам пошло у нас произведение (“самиздатовское” по нынешним определениям), которое считалось есенинским. Был это “Ответ Евангелисту Демьяну Бедному”.

Написано оно было блестяще, в есенинской манере и его слогом...

Однако в условиях 20-х лет произведение считалось “крамольным”. Хранить его боялись. Не сохранилось оно, естественно, и у меня.

Среди нас, мальчишек, был разговор, что сестра Есенина, ее, кажется, звали Екатериной, отвергала авторство покойного брата, боясь гонений. Но мы этому никогда не верили...»

Порейков Сергей Владимирович

Сестра поэта Екатерина Александровна действительно на страницах «Правды» (4 апреля 1926 г.) заявила, что «Послание Демьяну Бедному» не принадлежит Есенину. Но так написать мог только Сергей Есенин или поэт из его круга. Безусловно, не Алексей Ганин: он расстрелян 30 марта 1925 года.

Роль Демьяна Бедного в товарищеском суде над Сергеем Есениным, Алексеем Ганиным, Сергеем Клычковым и Петром Орешиным крайне неприглядна: телефонную шутку Есенина он сделал предметом всеобщего обсуждения. У Сергея Есенина были все основания продолжить полемику в стихотворной форме со свойственной ему иронией, легкостью пера и отчаянной смелостью.

Однако все было куда трагичнее, чем поначалу могло показаться, и он уже видел, какой механизм террора запущен, и как вслед за товарищеским судом следует расстрел. Особенно жестоко и целенаправленно карались патриотические настроения, причем в любых кругах и во все годы новой власти, которая именовала себя советской.

В 1992 году получив возможность прикоснуться к архивам КГБ, где хранится «Дело» и моего деда Ивана Сидорина,

металловеда, сподвижника авиаконструктора Андрея Туполова, я была поражена неожиданным открытием. Ведущие ученые страны были подвергнуты к сfabрикованному еще в 20-е годы «Делу о русской фашистской партии». А руководителем этой мифической организации был объявлен религиозный философ Иван Ильин, высланный из страны в 1922 году. С работами этого великого русского мыслителя мы только начинаем знакомиться. Но есть ли гарантии, что механизм, однажды запущенный, не попытаются перестроить, т. е. запустить в действие на новый, более цивилизованный манер?

Призрак коммунизма ушел восьмьми, оставив на отвоеванном пространстве нечто более изворотливое и смышеное, то, что Есенин провидел в «Стране негодяев». А за роскошь сказать правду, даже для многих очевидную, но, увы, всегда «несвоевременную», – только одна цена: человеческая жизнь. И это прекрасно выразил в одном из своих писем *Максим Горький*. 13 января 1926 года он писал Валентине Ходасевич: «Есенина, разумеется, жалко, до судорог жалко, до отчаяния, но я всегда, т. е. давно уже думал, что или его убьют, или он сам себя уничтожит. Слишком “несвоевременна” была голубая, горестная, избитая душа его»²³. В этом же письме Максим Горький жалеет и Андрея Соболя, который на товарищеском суде осмелился выступить в защиту Есенина, а потом нес гроб с телом поэта: И его, как видится Горькому, поджидает смерть (предсказание скоро сбылось). Из письма М. Горького: «А когда я прочитал, что в числе прочих гроб Есенина нес Соболь, – подумал, грешный, как бы и Соболь не удавился, но этот, конечно, по другим мотивам...»

Вина Андрея Соболя, которого нашли с простреленной головой на скамейке у памятника Достоевскому, заключалась, видимо, в том, что он выразил и словом, и жестом свое сострадание к тем, кто «осуждены на погибель», ведь именно такое определение подыскал им еще в 1923 году партийный

публицист Георгий Устинов, будущий свидетель трагедии в «Англете».

Мягко говоря, негативное отношение к поэтам есенинского круга появилось и даже получило свое теоретическое оформление задолго до сталинских репрессий. Об этом, в частности, свидетельствует опубликованное в «Известиях ЦК КПСС» письмо А.М. Горького к видному политическому деятелю Н.И. Бухарину от 13 июля 1925 года:

«Надо бы, дорогой товарищ, Вам или Троцкому указать писателям-рабочим на тот факт, что рядом с их работой уже возникает работа писателей-крестьян и что здесь возможен, — даже, пожалуй, неизбежен конфликт двух “направлений”. Всякая “цензура” тут была бы лишь вредна и лишь заострила бы идеологию мужиков-поклонников и деревенелюбов, но критика — и нещадная (курсив мой. — Н. С.) — этой идеологии должна быть дана теперь же.

Талантливый, трогательный плач Есенина о деревенском рае — не та лирика, которой требует время и его задачи, огромность которых невообразима»²⁴.

Интерес к Есенину в частных письмах, внимание к самобытной прозе Сергея Клычкова, столь несвоевременной, смелой, что прекрасно понимал и точно выразил Горький в письме Клычкову (31 марта 1925), — все это не помешало родоначальнику социалистического реализма занять жесткую позицию по отношению к чужеродной ему «крестьянской» литературе, которая видела в прошлом России отнюдь не «темное царство». В письме к Бухарину Горький советует приглядеться к «мужиковствующим» литераторам, особенно к их «возрождающемуся сентиментализму народничества», столь ярко выраженному в «Сахарном немце» поэта Клычкова и в гекзаметрах Радимова «Деревня», а также предупреждает, что город и деревня будут стоять «лоб в лоб». К превосходным методам руководства Горький относит «ум-

Плакаты и журналы 20-х годов

ный подзатыльник, который толкнет вперед наше словесное искусство», видимо не предполагая, какой размах может получить эта метафора.

Не ради умаления больших имен, а ради исторической справедливости мы должны знать правду. Ведь были и те, кто пытался противостоять диктатуре победителей. В старину их называли бы мучениками и страстотерпцами, а ныне и вспомнить боятся, как боялись не так уж и давно печатать Есенина.

Но что же заставило Горького направить Бухарину из солнечной Италии такое письмо? Можно было бы предположить, что по иронии судьбы в те роковые дни Есенин сам вслед за Клычковым напомнил Горькому о своем существовании, ведь 3 июля он написал Горькому письмо в Сорренто. Нет, эти строчки Горький прочел уже после гибели поэта. Что-то, возможно интуиция, удержало Есенина от отправки этого письма.

«Дорогой Алексей Максимович!

Помню Вас с последнего раза в Берлине. Думал о Вас часто и много.

В словах, и особенно письменных, можно сказать лишь очень малое. Письма не искусство и не творчество.

Я все читал, что Вы присылали Воронскому.

Скажу Вам только одно, что вся Советская Россия всегда думает о Вас, где Вы и как Ваше здоровье. Оно нам очень дорого.

Посылаю Вам все стихи, которые написал за последнее время.

И шлю привет от своей жены, которую Вы знали еще девочкой по Ясной Поляне.

Желаю Вам много здоровья, сообщаю, что все мы следим и чутко прислушиваемся к каждому Вашему слову.

Любящий Вас

Сергей Есенин»²⁵.

Очевидно, все это написано не без тайной надежды на приглашение в гости. Буквально на следующий день Петр Чагин, второй секретарь ЦК КП Азербайджана, редактор газеты «Бакинский рабочий», направил письмо в ЦК РКП(б) с просьбой «устроить поездку Есенину за границу на лечение». А недели через две они вместе с Есениным поехали на дачу в Малаховку, где проводил свой отпуск полпред РСФСР в Иране Б.З. Шумяцкий, для разговора о возможной поездке Есенина в Иран. И видимо, не тяга к путешествиям, а простое желание уцелеть владело Есениным в те дни. После расстрела Алексея Ганина у него не оставалось иллюзий.

Однако вместо далекой Персии в конце июля 1925 года он опять очутился в Баку – на этот раз вместе с Соней Толстой – и занялся переизданием сборника стихотворений «Персидские мотивы». Это все, что Чагин смог для него сделать, не считая отдыха на даче в Мардакянах.

Его возвращение в Москву 6 сентября оказалось роковым. Над ним опять нависла угроза ареста и суда, но на этот раз дело принимало самый крутой оборот. Его потянуло домой.

В последний раз Есенин побывал в Константинове в сентябре 1925 года. Это было его последнее свидание с детством, юностью, с Русью уходящей – о чём он уже успел написать в поэме «Анна Снегина»:

Приехали.
Дом с мезонином
Немного присел на фасад.
Волнующе пахнет жасмином
Плетневый его палисад.

Многие строки поэмы звучат как прощание. Они о расставании и о спасительных вехах, по которым можно отыскать путника.

«Скажите,
Вам больно, Анна,
За ваш хуторской разор?
Но как-то печально и странно
Она опустила свой взор.

.....
«Смотрите...
Уже светает.
Заря как пожар на снегу...
Мне что-то напоминает...
Но что?..
Я понять не могу...
Ах!.. Да...
Это было в детстве...
Другой... Не осенний рассвет...
Мы с вами сидели вместе...
Нам по шестнадцать лет...»

.....
Под вечер они уехали.

Сергей Есенин, 1925

Куда?
Я не знаю куда.
В равнине, проложенной вехами,
Дорогу найдешь без труда.

Сколько следов затерялось на той бескрайней равнине!
Казалось, навечно. И вот спустя шестьдесят с лишним лет
отыскалась еще одна веха. Имя автора «Послания к Еванге-

листву Демьяну (Бедному)» – Николай Горбачев, поэт, журналист (архив ОГПУ «Дело № 39327»). Его сослали в Нарым. За «есенинские» стихи. И здесь можно было бы поставить точку. Но в 1999 году в журнале «Нева» (№ 10) появилась статья Михаила Эльзона «Взыскующая тень». Он приобрел в антикварном магазине «На Литейном» «Послание Евангелисту» с подписью Есенина, что подтверждено экспертизой. Остается выяснить, по какой причине Н. Горбачев взял вину на себя.

А сам Есенин в трудные минуты старался не оставлять «лишнего». *Анна Изряднова вспоминала*, как в сентябре 1925 года в 8 утра он пришел с большим белым свертком и попросил немедленно сжечь.

«Повела его на кухню, затопила плиту. И вот он в своем сером костюме, в шляпе стоит около плиты с кочергой в руке и тщательно смотрит, как бы чего не осталось несожженным. Когда все сжег, успокоился, стал чай пить и мирно разговаривать»²⁶.

В последний раз она видела его незадолго до рокового отъезда в Ленинград. Он зашел проститься. А на вопрос «Почему?» ответил, что приходится «смыться». Жаловался на плохое самочувствие, говорил о том, как ему плохо и трудно, просил беречь сына. Сказал: «Наверное, умру».

Глава 6

«Меня хотят убить...»

Вспоминая свою встречу с Есениным в кафе на углу Рождественки «незадолго до развязки», Николай Асеев писал: «Он стал оглядываться подозрительно и жутко. И наклоняясь через стол ко мне, зашептал о том, что за ним следят, что ему одному нельзя оставаться ни минуты, ну да он-де тоже не промах – и, ударяя себя по карману, начал уверять, что у него всегда с собой “собачка”, что он живым в руки не дастся и т. д.»¹ (браунинг фигурирует и в других мемуарах).

Как известно, незадолго до гибели Есенин приходил мириться ко многим своим знакомым. Почему? Ответ следует искать у проницательного Асеева:

«Его беспокойная ласковость ко всем была как бы защищенной от неожиданного удара, от враждебного размаха».

Издатель и литературный критик Александр Воронский в 1926 году писал: «Несомненно, он болел манией преследования. Он боялся одиночества. И еще: передают – и это проверено, – что в гостинице “Англетер”, перед своей смертью, он боялся оставаться один в номере. По вечерам и ночью, прежде чем зайти в номер, он подолгу оставался и одиноко сидел в вестибюле. Но лучше об этом не думать, ибо кто знает, что скрывалось у Есенина за манией преследования и что это была за болезнь»².

Но сохранились документы, которые после гибели поэта поступили в музей С. Есенина при Московском отделении Всероссийского союза поэтов. Они-то и проливают свет на так называемую болезнь (ныне – в фондах ИМЛИ). Последний раз Есенин лег в клинику 26 ноября 1925 года, когда на него было заведено «Дело по обвинению С. Есенина по статье 176 Уголовного кодекса 1925 XI.6–1926 I.12». Из протокола допроса С.А. Есенина:

«6-го сентября по заявлению Дип Курьера Рога я на поезде из Баку (Серпухов – Москва) будто бы оскорбил его площадной бранью. В этот день я был пьян. Сей гражданин пустил по моему адресу ряд колкостей и сделал мне замечание на то, что я пьян. Я ему ответил теми же колкостями. Гр. Левита я не видел и считаю, что его показания относятся не ко мне. Агент ГПУ видел меня, просил меня неходить в ресторан, я дал слово и не ходил»³.

Однако показаний А. Рога и Ю. Левитаказалось достаточно, чтобы возбудить против Есенина судебное преследование по статье 176 Уголовного кодекса⁴, и, несмотря на заступничество А.В. Луначарского и Ильи Вардина, «Дело» было прекращено только после смерти Есенина. 12 ноября 1925 года, за полтора месяца до трагической ночи в «Интернационале», Илья Вардин писал Народному судье Сокольнического района, Лубянского отделения т. Липкину:

«В ближайшее время Есенин будет помещен в одну из лечебниц. Присоединяясь целиком к мнению А.В. Луначарского, со своей стороны подчеркиваю, что антисоветские круги, и прежде всего эмиграция, в полной мере используют суд над Есениным в своих политических целях»⁵.

21 декабря Есенин самовольно покинул клинику, через день побывал в Госиздате, попросил выслать гранки первого тома собрания стихотворений в Ленинград и вечерним поездом выехал из Москвы.

Когда Есенин в последний раз спускался по ступеням дома в Троицком переулке, где была закончена поэма «Черный человек», возможно, ему слышались звуки «Реквиема». Последняя поэма Есенина, по признанию поэта, связана с «Моцартом и Сальери» Пушкина.

Мне день и ночь покоя не дает
Мой черный человек. За мною всюду
Как тень он гонится. Вот и теперь
Мне кажется, он с нами сам-третей
Сидит, —

говорят пушкинский Моцарт.

Есенин восклицает:

Черный человек
Водит пальцем по мерзкой книге
И, гнусавя надо мной,
Как над усопшим монах,
Читает мне жизнь
Какого-то прохвоста и забулдыги,
Нагоняя на душу тоску и страх...

О ком это? О поэте со слов его недругов и антиподов, которые слагают о нем свою «мерзкую книгу», свою легенду, свою притчу навыворот. Их крохотная «правда», бунт против творца, сокрытие убийства – все это зыбко, будто тень.

Ведь именно таким он и увидел их в своем предсмертном сне – поэме «Черный человек».

Удивительное совпадение: те, кто цепляются за официальную версию о самоубийстве поэта, ратовали и за устройство мемориальных комнат в Большом Строченовском переулке по проекту, который можно было бы назвать «Есенин в Зазеркалье». Во всю стену зеркало, а на нем наклеенный Есенин в полный рост (уже европеец!). Перед ним за стеклом комнатка с иконой, где он жил со своим отцом, приехав из деревни в Москву. Под потолком что-то вроде сеновала. Проект одобрен есениноведами из Института мировой литературы. Как хорошо, что в России проекты чаще всего остаются неосуществленными! Музей получился уютным благодаря есенинской комнатке и вместе с тем мистическим из-за обилия зеркал. А зеркало – это окно в потусторонний мир.

Вспоминается:

«Черный человек!
Ты прескверный гость.
Эта слава давно
Про тебя разносится».
Я взбешен, разъярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...
.....
...Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И разбитое зеркало...

«Убил в себе хулигана, чтоб сохранить в себе поэта» – слова А.В. Луначарского на вечере памяти Есенина⁶. А ведь это

*Эта фотография стояла на круглом столике
в комнате Софьи Толстой*

звучит как оправдание убийства. Или разбитая переносица на посмертных фотографиях – случайность? А может быть, среди убийц был кто-то неплохо знакомый с его творчеством?

Слово – сгусток колоссальной энергии. Ирландская пословица гласит: сон сбывается так, как он истолковывается. Поэт как толкователь своих снов – самый беззащитный человек.

Настало время снять ярмо самоубийцы с Есенина.

Голубая да веселая страна.
Честь моя за песню продана –

печатали по первому варианту. Но поэт исправил строку, как правил путь своих исканий:

Жизнь моя за песню отдана⁷.

В тот последний приезд Есенина в Ленинград во время одного веселого застолья, *по воспоминаниям Льва Рубинштей-*

на (из книги «На рассвете и на закате»), неожиданно появился какой-то странный угрюмый человек, видимо из Москвы, окликнув Есенина: «Где, Сергей, бросил ты якорь? На твою и на наши головы!»⁸ – он начал с вызовом читать «Черного человека». Но далеко не всегда Есенина можно было вывести из себя. И тогда незнакомец спросил: «Сережи тут нет?» Но сколько он ни пересмешничал, ни ерничал, поэт не отвечал.

Балагуря, Есенин уже успел в те дни нещадно обидеть своего давнего друга и учителя Николая Клюева: задул лампаду у иконы, где Клюев молился о нем, от удали задул, для смеха, потом просил прощения и все читал и читал «Черного человека»:

Где-то плачет
Ночная зловещая птица,
Деревянные всадники
Сеют копытливый стук.
Вот опять этот черный садится...

И приходили, и садились, и читали его же стихи...

Сестра поэта, Екатерина Александровна, рассказывала, что к Есенину часто в кафе и на улице цеплялись какие-то странные люди, которых милиция после проверки документов тут же отпускала, а на Есенина неоднократно заводились дела по обвинению в «хулиганстве»⁹. Очевидно, образ бунтаря и хулигана, создаваемый Есениным в литературе, умело использовался в жизни его недругами. И, видимо, не случайно за день до гибели в гостинице «Интернационал»-«Англер» поэт пел песню Антоновского мятежа на Тамбовщине, крестьянского мятежа.

Что-то солнышко не светит,
Над головушкой туман.
То ли пуля в сердце метит,
То ли близок трибунал.
Ах, доля-неволя,
Глухая тюрьма.

Одна из последних фотографий

Долина, осина,
Могила темна.
На заре каркает ворона,
Коммунист! взводи курок!
В час последний похоронят,
Укокошат под шумок.
Ах, доля-неволя,
Глухая тюрьма.
Долина, осина,
Могила темна.

Вот отчего, как вспоминает В. Эрлих (ленинградский поэт-имажинист), «разговоры были одни и те же: квартира, журнал, смерть». Оставалась слабая надежда вырваться из плотно сжимающегося кольца тьмы.

Из тех же воспоминаний: «Господи! Я тебе в сотый раз говорю, что меня хотят убить! Я как зверь чувствую это!»¹⁰ – крик Есенина, который мы долго не смели расслышать.

В показаниях свидетелей (в частности, Эрлиха) эти слова поэта отсутствуют, а в многочисленных мемуарах всегда трактуются как мания преследования.

Видимо, на «болезнь» было списано и другое поразительное обстоятельство: после гибели Есенина в его бумагах не были обнаружены страницы романа, над которыми поэт работал и, более того, собирался, по словам Е. Устиновой, как раз в те дни прочитать друзьям.

Потом в его поведении она припомнила и такую странность, как приказ портье никого к нему не пускать, «чтобы из Москвы не могли за ним следить».

И еще ей запомнилось, как он сказал им, что он *Божья дудка*¹¹.

Они-то, «ближайшие друзья», и сберегли так называемую предсмертную записку, написанную кровью. Теперь она хранится и даже подновляется в Пушкинском Доме (Институт русской литературы Академии наук). Экспертиза не проводилась шестьдесят шесть лет. И только недавно специалисты пришли к заключению, что эти строки, видимо, действительно написаны Есениным двумя каплями крови. Они всем хорошо знакомы.

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
Не грусти и не печаль бровей, –
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

Но это отнюдь не предсмертная записка, это стихотворение. Известны и другие случаи, когда Есенин писал стихи кровью, желая подчеркнуть значимость сказанного или при

отсутствии чернил. И в этом весь поэт с его открытой миру душой и неизбежностью воплотить нахлынувшие чувства в строки любой ценой.

Так, *Нина Табидзе в своих воспоминаниях «Золотая монета»* пишет:

«Когда вышла книга Есенина “Русь советская”, он подарил ее мне, сделав на ней своей кровью надпись: “Люби меня и голубые роги”. К сожалению, эту книгу украли у меня. Еще до того, как он поселился у нас, он пришел как-то часов в двенадцать ночи и принес Тициану стихотворение “Поэтам Грузии”. Он сказал, что у него не было чернил и он писал их кровью»¹².

Это как раз те факты, о которых стараются не вспоминать, поскольку они противоречат официальной версии: «Покончил жизнь самоубийством, оставив предсмертную записку, написанную кровью». При этом даже не обращают внимания на то, что стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...» написано на мотив известных есенинских строк «До свиданья, пери, до свиданья...» и представляет из себя неожиданный симбиоз с другим стихотворением из того же цикла любовной лирики, по-восточному затейливой, легкой, о незадачливом влюбленном:

Но, горя ревнивою отвагой,
Будет вслух настыривать до дома:
«Ну и что ж, помру себе бродягой,
На земле и это нам знакомо».

Неужели прощальные строки могут быть созвучны этому легкому посвисту из «Персидских мотивов»? Или поэт и не думал прощаться с жизнью, хотя стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...», судя по мемуарам, записано при особых обстоятельствах? И последний немаловажный вопрос: но кто же свидетели?

Свои свидетельства и мемуары о последних днях Есенина оставили: Георгий Устинов, партийный публицист, автор кни-

ги «Трибун революции» о Троцком, его жена Елизавета Устинова, давние знакомые поэта, в те роковые дни соседи Есенина по гостинице, Вольф Эрлих, ленинградский поэт, член «Ордена воинствующих имажинистов». Познакомился с Есениным в 1924 году, выполняя поручения поэта по издательским делам. Как недавно стало известно, сотрудник органов¹³. Если верить их воспоминаниям, они были ближайшими друзьями поэта.

Согласно этим воспоминаниям¹⁴, утром 27 декабря Есенин кричал, что его хотели взорвать. Истопник забыл налить в колонку воду, мог произойти взрыв. Устинова пыталась успокоить поэта, сказав, что колонка просто бы расплавилась, но Есенину этот довод казался неубедительным. Тогда-то он и передал Эрлиху, по свидетельству Устиновой и самого Эрлиха, это стихотворение, написанное кровью, возмущаясь, что в гостинице нет чернил. В стихотворении – предошущение смерти, но в нем нет ни малейшего намека на мысль о самоубийстве. Как ни странно, но Эрлих до поры до времени об этом стихотворении, написанном кровью, забыл и не прочитал его ни днем, ни вечером, когда, не пригласив Есенина с собой, отправился в гости к секретарю Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов Михаилу Фроману, где собирались Борис Лавренев, Павел Лукницкий, Ида Напельбаум и другие – почти весь литературный Ленинград¹⁵. Там он и остался ночевать, снискав себе алиби. По его словам, он был последним, кто видел Есенина. Эрлих с полдороги вернулся в номер к Есенину, где вроде бы забыл портфель. Поэт сидел за письменным столом над рукописями в накинутой на плечи шубе, поскольку в гостинице было прохладно (так что известные домыслы о раскаленной батарее, которая якобы оставила ожог на лице поэта, явно несостоятельны¹⁶). Со дня на день должна была прийти верстка первого тома собрания стихотворений, которую Есенин с нетерпением ждал. Собирались внести правку.

Софья Виноградская вспоминала: «Издание полного собрания сильно занимало его. Он заранее предвкушал удовольствие щупать первый том своих стихов и говорил:

— Вот в России почти все поэты умирали, не увидев полного издания своих сочинений. А я вот увижу свое собрание. Ведь увижу!

Он говорил это, пощевеливая большим и указательным пальцами, словно перелистывая страницы своих сочинений. А вся фигура и лицо его, озаренные, выражали какое-то притаенное-радостное ожидание¹⁷.

Обратимся к свидетельским показаниям, данным утром 28 декабря 1925 года Вольфом Эрлихом и другими¹⁸.

На имя Эрлиха 27 декабря по просьбе Есенина была оформлена М. Фроманом доверенность на получение гонорара в 640 рублей. Деньги пришли из Москвы на адрес Эрлиха.

Эти деньги утром 28 декабря Эрлих, по его свидетельству, так и не получил, поскольку документ был без гербовой печати. И тогда он пошел в гостиницу «Интернационал» к Есенину. Там вместе с Устиновой пришлось вызвать управляющего гостиницей Василия Назарова, чтобы открыть отмычкой, по свидетельству Устиновой (или запасным ключом, по свидетельству Эрлиха), дверь пятого номера. Управляющий (он был сотрудником ОГПУ) «открыл замок с большим усилием, так как ключ торчал с внутренней стороны» (это из его свидетельства) и тут же поспешил удалиться, не проявив естественного любопытства. Его догнали...

Остались строки поэта Василия Князева, который провел ночь в морге Обуховской больницы у тела Есенина:

В маленькой мертвецкой у окна
Золотая голова на плахе.
Полоса на шее не видна —
Только кровь чернеет на рубахе¹⁹.

После трагедии. Номер 5 гостиницы «Интернационал» («Англетер»), утро 28 декабря 1925. Фото М. Наппельбаума (негатив сохранился).

*На ковре и тумбе (в углу) различимы следы крови,
что подтверждает экспертиза*

На страницах советской и зарубежной эмигрантской печати мгновенно утвердилась версия «самоубийство». Репортеры даже не ждали результатов следствия. Но были и другие публикации.

Эмигрантская газета «Слово», выходящая в Риге, 5 января сообщила об убийстве Есенина. Через Ригу Есенин вернулся домой из зарубежной поездки. Из Риги был дипкурьер А. Рога, который потребовал суда над Есениным. Других упоминаний о Риге в биографии Есенина нет.

По-разному был воспринят и тут же забыт некролог на смерть Есенина, написанный Борисом Лавреневым. В свое время М. Горький умолял прислать ему эту статью. Вот

строки, о которых предпочитали не вспоминать более шестидесяти лет.

«Есенин был захвачен в прочную мертвую петлю. Никогда не бывший имажинистом, чуждый дегенеративным извергам, он был объявлен вождем школы, родившейся на пороге лупанария и кабака, и на его спасительном плоту всплыли литературные шантажисты, которые не брезговали ничем... Дегенеративные от рождения, нося в себе духовный сифилис, тление городских притонов, они оказались более выносливыми и благополучно существуют до сих пор, а Есенина сегодня уже нет... Я знаю, что перед этой раскрытой могилой будет сказано много сладких слов и будут писаться "дружеские" воспоминания. Я их писать не буду. Мы разошлись с Сергеем в 18 году – слишком разно легли наши дороги. Но я любил этого казненного дегенератами мальчика искренно и болезненно... И мой нравственный долг предписывает мне сказать раз в жизни обнаженную правду и назвать палачей и убийц – палачами и убийцами, черная кровь которых не смоет кровяного пятна на рубашке замученного поэта» (Ленинград, «Красная газета», 1925 г., 30 декабря, вечерний выпуск).

Фраза в некрологе: «Может быть, в последнюю минуту прояснения ему вспомнилось "рязанское небо" и осознанная невозможность вернуться к нему заставила измученного оборвать "непутевую жизнь"» – выглядит как редакционная вставка, настолько она не согласуется со всем контекстом статьи и со словами о кровяном пятне на рубашке замученного поэта. Да и начинается эта фраза с предположения «может быть». 28 декабря Борис Лавренев был в «Интернационале» – «Англете» и видел мертвого Есенина, а накануне поздно вечером он столкнулся у Михаила Фромана с вездесущим имажинистом Вовой Эрлихом.

Обвинение задело имажинистов, что называется, за живое, и они... потребовали третейского суда, который, естес-

твенно, закончился ничем, как это явствует из дневника П.Н. Лукницкого²⁰.

Из воспоминаний Сергея Городецкого:

«В страстной статье в “Красной газете” Б. Лавренев обрушился на тогдашнюю компанию Есенина, на имажинистов... Это не совсем верная концепция и даже совсем неверная... Имажинизм был для Есенина своеобразным университетом, который он сам себе строил. Он хотел быть европейцем...»

Это была его революция, его освобождение... Когда я, не понимая его дружбы с Мариенгофом, спросил его о причине ее, он ответил: "...как ты не понимаешь, что мне нужна тень". Но на самом деле в быту он был тенью денди Мариенгофа, он копировал его и очень легко усвоил еще до европейской поездки всю несложную премудрость внешнего дендизма... Есенинский цилиндр потому и был страшнее жупела для Клюева, что этот цилиндр был символом ухода Есенина из деревенщины в мировую славу»²¹.

Другой точки зрения придерживался независимый Владислав Ходасевич.

Из рецензии В. Ходасевича «Цыганская власть» на книгу воспоминаний Анатолия Мариенгофа «Роман без вранья»:

«...“вся имажинистская школа” тем отчасти и поддержала себя в литературном отношении, что примазалась к тому же Есенину: точнее – затащила к себе Есенина, как затаскивают богатого парня в кабак, чтобы за его счет кутнуть... истинный герой книги – не Есенин, а та банда, которой он был окружен, и тот фон, тот общий порядок, при котором эта банда могла жить и работать»²².

Из воспоминаний пролетарского поэта Николая Полетаева:

«Влияние же имажинистов было для Есенина в некоторой степени благоприятно. В среде их, хотя на время, он сделался атеистом»²³.

В полузацетой книге «Почерк и личность» Д.М. Зуева-Инсарова, графолога-чекиста 20-х годов, дается «показательный» анализ личности Сергея Есенина. Из этого анализа следует заключить, что поэт страдал «мнительностью», «боязнью смерти» и что для него был характерен «распад личности». Эта работа была заказана графологу-чекисту за несколько дней до гибели поэта редактором кооперативного издательства «Современная Россия» Н. Савкиным, который располагал автографами поэта разных лет. «Что это все значит? Зачем это Савкину?» – спрашивает на страницах «Комсомольской правды» в 1990 году ученый А.С. Меликсяян, предполагая, что «Англетеर» стал ловушкой для поэта²⁴. С этим вопросом Александр Сергеевич еще до публикации своей статьи о полузацетой книге обратился и ко мне.

Я стала искать упоминания о Н. Савкине в разных изданиях. Оказывается, Николай Петрович Савкин – поэт-имажинист, ответственный редактор «Гостиницы для путешествующих в прекрасном», где Есенин в 1924 году отказался печататься. В письме к сестре из Тифлиса после стычки в Баку с Блюмкиным Есенин спрашивает:

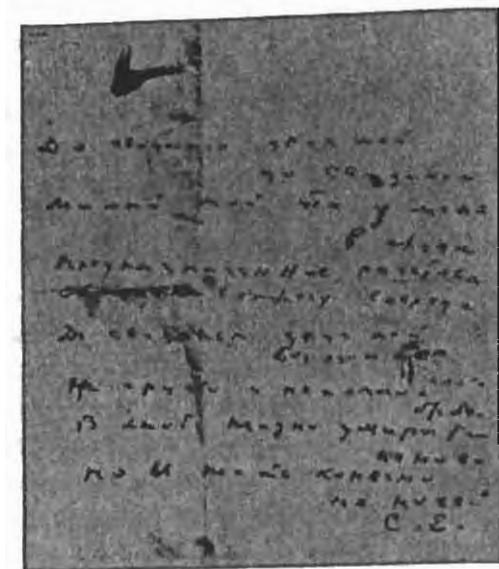
«Что нового? Как чувствуют себя и как ведут Мариенгоф с Ивневым?»

И далее:

«Передай Савкину, что этих бездарностей я не боюсь, что бы они ни делали. Мышиными зубами горы не подточишь»²⁵
Под письмом дата – 17/IX-24 г.

Известно, что Савкин в ноябре 1925 года заходил с Есениным к Устиновым в «Англетеर». Это был предпоследний приезд Есенина в Ленинград на несколько дней.

Несомненно одно, убийственная характеристика на Есенина, заказанная графологу-чекисту членом имажинистского

Автограф последнего (?) стихотворения

объединения за несколько дней до гибели поэта, сыграла отведенную ей роль в создании образа поэта-самоубийцы.

Нельзя не обратить внимания и на тот факт, что за несколько дней до гибели Есенина в ОГПУ изучали его почерк, а потом появилась по представлению Вольфа Эрлиха так называемая предсмертная записка. И как тут не вспомнить, что помимо Зуева-Инсарова были и другие специалисты по почерку, например Яков Блюмкин? Он сумел подделать не только подпись секретаря Дзержинского, чтобы проникнуть к немецкому послу Мирбаху, но даже ухитрился написать в мае 1925 года на Лубянке предсмертное письмо Бориса Савинкова (по данным А.И. Солженицына²⁶). Это письмо долгое время считалось подлинным и в кругу близайших друзей убитого. Еще проще было подделать почерк Есенина по многочисленным автографам. Но, повторяю, в любом слу-

чае это – стихотворение, которое выдали за предсмертную записку, чтобы казнь в «Интернационале» представить как самоубийство.

В день похорон Есенина *один из компаний «близко знавших поэта»*, Э. Герман, любитель мистификаций, предполагаемый автор уже упомянутого «письма хасида», опубликовал хлесткие, злые строки, которые многим пришлись по сердцу, включая и некоторых современных биографов поэта:

«Жизнь Есенина материала для трагедии не давала. Ему везло. Любимый, рано признанный, он легко, как свое тело, нес тяжелеющую с каждым днем славу. Но трагедия нужна была Есенину как стимул для творчества. Он ее сочинил. Биографию Есенина писать нет надобности. Он сам написал ее стихами, и написал так убедительно, что поверил в нее...

У Пушкина был Дантес. У Есенина Дантеса не было. Он сам нанес себе удар. Кого винить? На кого сердиться? На тебя, Сережа? На любимых не сердятся»²⁷.

Вот так. Убил себя, поскольку нужна была трагедия как стимул для творчества. И сам во всем виноват, Сережа, доигрался. «С кем?» – хотелось бы спросить у тех, кто сегодня с упоением цитирует эти строки «близкого знакомого» и приводит их в доказательство официальной версии о самоубийстве.

Но почему же Э. Герман (он же Эмиль Кроткий) написал такую загадочную фразу: «На любимых не сердятся»? А ведь это намек на строки из есенинской «Метели»:

Себе, любимому,
Чужой я человек.

Далее читаем:

И первого
Меня повесить нужно,
Скрестив мне руки за спиной
За то, что песней

Хриплой и недужной
Мешал я спать
Стране родной.

Так вот о каком есенинском «пожелании» напомнил нам один из его «доброжелателей». А есениноведы откликнулись и решили этот «компромат» подверстать к «Делу о самоубийстве С.А. Есенина» да поплотнее его закрыть.

Возможен ли следственный эксперимент? «Англетер» взорван в 1987-м, и установить многие детали уже довольно сложно. Многое упущено, и не только из-за халатности, но и страха перед версией, утвердившейся – в прямом смысле этого слова – на крови. Кто же мог оформить убийство как самоубийство? Ведь для этого надо было обладать властью не меньшей, чем была у ВЧК-ОГПУ.

Гибель поэта требовалось объяснить. И прежде всего на уровне правительства. И «блестательный» Троцкий справился с этой трудной задачей блестательно. Он написал яркую речь, пышную, как венки бумажных цветов.

«Мы потеряли Есенина – такого прекрасного поэта, такого свежего, такого настоящего. И как трагически потеряли! Он ушел сам, кровью попрощавшись с необозначенным другом, – может быть, со всеми нами. Поразительны по нежности и мягкости эти последние строки. Он ушел из жизни без крикливой обиды, без позы протesta, – не хлопнув дверью, а тихо призакрыв ее рукою, из которой сочилась кровь. В этом жесте поэтический и человеческий образ Есенина вспыхнул незабываемым прощальным светом.

...Поэт погиб потому, что был несрoden революции. Но во имя будущего она навсегда усыновит его (читай: приспособит. – Н. С.).

К смерти Есенин тянулся почти с первых годов творчества, сознавая внутреннюю свою незащищенность. В одной из последних песен Есенин прощается с цветами:

Л.Д. Троцкий

Ну, что ж, любимые, — ну что ж!
Я видел вас и видел землю,
И эту гробовую дрожь,
Как ласку новую, приемлю. (Ошибки в цитате. — Н. С.)

Только теперь, после 27-го декабря, можем мы все, мало знаяшие или совсем не знаяшие поэта, до конца оценить интимную искренность есенинской лирики, где каждая почти строка написана кровью пораненных жил. Тем остree — горечь утраты. Но и не выходя из личного круга, Есенин находил меланхолическое и трогательное утешение в предчувствии своего ухода из жизни...

И в нашем сознании скорбь острая и совсем еще свежая умеряется мыслью, что этот прекрасный и неподдельный поэт по-своему отразил эпоху и обогатил ее песнями, по-новому сказав и о любви, и о синем небе, упавшем в реку, о месяце, который ягненком пасется в небесах, и о цветке неповторимом — о себе самом.

Пусть же в чествовании памяти поэта не будет ничего упадочного и расслабляющего. Пружина, заложенная в нашу эпоху, неизмеримо могущественнее личной пружины, заложенной в каждого из нас. Спираль истории развернется до конца. Не противиться ей должно, а помогать сознательными усилиями мысли и воли. Будем готовить будущее. Будем завоевывать для каждого и каждой право на хлеб и право на песню (отсюда название книги В. Эрлиха о Есенине. – Н. С.).

Умер поэт. Да здравствует поэзия! Сорвалось в обрыв незащищенное человеческое дитя! Да здравствует творческая жизнь, в которую до последней минуты вплетал драгоценные нити поэзии Сергей Есенин»²⁸.

Где, на каких фресках или полотнах мы уже видели их вдвоем – палач обнимает свою жертву, а после казни произносит прочувственную речь? Притча ли это Набокова «Приглашение на казнь» или наша российская быль, о которой с ужасом поведал Борис Лавренев в некрологе на смерть Сергея Есенина «Казненный дегенератами», где речь идет об имажинистах, которых опекали, как известно, Лев Троцкий и его сподвижник Яков Блюмкин?

Да, «трибун революции» все объяснил и подписал приговор:

«Поэт погиб потому, что был несрoden революции... Умер поэт. Да здравствует поэзия!»

Позволительно спросить: какая? Свято место пусто не бывает. Откроем сборники того времени, что, к сожалению, мы делаем так редко.

Россия

Цыц! Пропадай, старая!
Не мешай, старуха, достраивать!
Сгинь от греха – пролетария.
К Иверской себя успокаивать...

Не мashi своим белым кокошником,
Не звони от Ивана Великого,
На заре мы тебя укошили,
На заре свое горе размыкаем.

А. Ясный (1925)

Пей, товарищ Орлов,
Председатель Чека.
Пусть нахмурилось небо,
Тревогу тая, –
Эти звезды разбиты
Ударом штыка,
Эта ночь беспощадна,
Как подпись твоя.

Михаил Светлов (1927)

Я предлагаю Минина расплавить,
Пожарского. Зачем им пьедестал?
Довольно нам двух лавочников славить,
Их за прилавками Октябрь застал.
Случайно им мы не свернули шею,
Я знаю, это было бы подстать.
Подумаешь, они спасли Родину!
А может, было лучше не спасать?

Джек Алтаузен (конец 20-х годов)

Оглянешься – а кругом враги;
Руки протянешь – нет друзей;
Но если он (век. – Н. С.) скажет: «Солги!» – солги.
Но если он скажет «Убей» – убей.

Эдуард Багрицкий (1930)

Я знаю: он снился тебе – забияка,
Повисший в петле над открытым окном, –

обращаясь к Павлу Васильеву, писал Михаил Голодный.

И далее:

Ох, поздно ж, пташечка, ты запела.
Что мы порешили – не перерешить.
Смотри, как бы кошка тебя не съела,
Смотри, как бы нам тебя не придушить.

(1936)

Георгий Есенин с бабушкой Татьяной Федоровной

Павел Васильев, младший из поэтов есенинского круга, приговорен к расстрелу 15 июля 1937 года. Ему было двадцать семь лет. Многие страницы в его «Деле № 11245» не сохранились. Как свидетельствуют современники, он прошел сквозь пытки Лефортовской тюрьмы²⁹. Вслед за ним были расстреляны почти все поэты есенинского круга.

Иван Приблудный расстрелян 13 августа 1937 года вместе с сыном Есенина Георгием.

Сергей Клычков – 8 октября 1937 года в Сергиев день (осенний).

Николай Клюев – 23 октября; в день своего рождения.

Василий Наседкин – 15 марта 1938 года.

Петр Орешин – 15 марта 1938 года.

Возникает естественный вопрос: неужели даже родные и близкие, стоявшие у гроба Есенина, поверили в самоубийс-

тво? Обратимся к *свидетельству Екатерины Александровны*, сестры поэта, которое не вошло в ее мемуары, но, доверенное дочери, недавно стало широко известно³⁰. Со стороны семьи хлопоты о похоронах взял на себя Василий Наседкин, муж Екатерины Александровны. Первое, что он сказал дома: «На самоубийство непохоже. Такое впечатление, что мозги вылезли на лоб». Тем не менее «споров вокруг смерти поэта» не было, да и не могло быть. Все хорошо помнили о расстрелах без суда и следствия на месте «преступления» и о массовых казнях «для примера».

Осталась фотография: сестра поэта Екатерина Александровна, а рядом Галина Бениславская и Вольф Эрлих, «друзья поэта». От Натальи Васильевны, дочери Екатерины Александровны, я недавно узнала, что сестра поэта, глядя на эту фотографию, где рядом с нею Бениславская и Эрлих, говорила, что они затащили ее к фотографу вскоре после гибели Сергея. И действительно, она на этой фотографии как под конвоем. По словам Натальи Васильевны, ее мама догадывалась об убийстве и ей было жутко в обществе «друзей поэта». Только дочери Екатерина Александровна назвала их имена: Бениславская, Эрлих (оба сотрудники органов, как теперь стало известно), и ее стала мучить тревога, что она погубила свою дочь³¹.

Екатерину Александровну надо понять: брат убит, муж расстрелян, она сама провела несколько лет жизни в заключении.

Когда однажды Наталью Васильевну как племянницу Сергея Есенина пригласили на выступление в Политехнический институт, она предупредила, что расскажет многое – выступление отменили. Но если сегодня мы наконец не осмелимся заглянуть в начало трагедии, мы останемся на уровне полуправды.

В 1990 году в печати промелькнуло *свидетельство младшей сестры поэта Александры Александровны*, записанное

женихом будущего. Её
брат Георгий, оби-
занный матерью
и её любовником, в
результате этого
развода остался с
одной стороны на
холмской стороне
Харькова, а с другой
жил в Запорожье.

Сестра Есенина
Валентина Бенислав-
ская (урождённая Аксенова)
— одна из первых
женщины-активисток
из группы харьков-
ских рабочих, бор-
ющихся за права
рабочих. В 1920 году
она вышла замуж
за Сергея Наседкина.

Галина Бениславская

ее дочерью³². На первый взгляд оно касается обстоятельств смерти Галины Бениславской. Но вместе с тем проливает свет и на гибель Есенина. Татьяна Флор-Есенина пишет: «Мать не была согласна с теми, кто считал, что Бениславская покончила с собой лишь из-за “неразделенной любви”. Безусловно, разлад с Есениным, его смерть и то, что она не смогла проститься с Сергеем Александровичем (о телеграмме Эрлиха: “Сообщите Наседкиным Сергей умер” она узнала в глухой тверской деревне, где поправляла своё здоровье), усугубили ее психическое состояние, неврастенией Бениславская страдала с детства. Однако, по мнению сестры поэта, последними каплями, переполнившими нервную систему Гали, были все

и комитеты пост-
советской литерату-
ры и культуры, а также
литературные газеты.
Они обвиняли её в том,
что она хотела убить
Александра Наседкина.
Из-за этого Галина
Бениславская

была вынуждена
погасить свою стра-
сть к Есенину и вы-
йти замуж за Сергея
Наседкина. И

таким образом

же несостоявшийся брак с сыном Троцкого и раздел есенинского наследия, в котором она оказалась ни при чем».

Итак, новое имя в преддверии гибели поэта: Лев Седов, сын Троцкого.

А теперь откроем *дневник Галины Бениславской*³³. Видимо, в издательстве «Ардис», опубликовавшем эти записи, ошиблись, предполагая, что «Л» следует расшифровать как Лев Повицкий, который, как известно, был близким знакомым Есенина до конца жизни поэта. Они особенно подружились в 1924–1925 годах во время пребывания Есенина в Батуме, где в то время жил Лев Повицкий.

Есенин, никогда и ни к кому не ревновавший Галину Бениславскую, был ошеломлен ее связью с неким «Л», которому Галина Бениславская многое могла рассказать и рассказала, как явствует из ее дневника.

«1925 год.

.....
...Это последняя глава первой части. Авось, на этом моя романтика кончится. Пора уж.

Сергей – хам. При всем его богатстве – хам. Под внешней выложенной манерностью, под внешним благородством живет хам. А ведь с него больше спрашивается, нежели с какого-либо простого смертного. Если бы он ушел просто, без этого хамства, то не была бы разбита во мне вера в него. А теперь – чем он для меня отличается от Приблудного? – такое же ничтожество, так же атрофировано элементарное чувство порядочности: вообще он это искусно скрывает, но тут, в гневе, у него прорвалось.

...Всегдашнее – “я, как женщина, ему не нравлюсь” и т. п... Я очень рада встрече с Л. Это единственный, кто дал мне почувствовать радость; и не только физически, радость быть любимой. Ведь Покровский – это только самообман. Мне нужен был самообман, я внушала себе и всему, что я должна

была скрывать от Сергея, я могла дать волю с Покровским, и только Л/ев/ был настоящим.

...Сергёю трудно было не взбеситься, и не в силах был он оборвать это красиво, конечно, то грубое, что в нем всегда было, все это всплыло... Этой зимой я поняла, что если Сергея я люблю больше всего, больше, чем самое себя, то все же к Л. у меня не только страсть. Боже мой, ведь Сергей должен был верить мне и хоть немного дорожить мной...

А Л/ев/ не имел никаких причин верить мне, было все, за что он мог только плохо относиться ко мне, и он все же ничем не оскорбил меня. Там, где меньше всего ожидала, — там нашла. Ведь с Л. я могла быть сама собой, настоящей, не ломая себя. Ведь мало не лгать, только тогда хорошо, когда можно говорить всю правду прямо. Л. я могла говорить. Я вот сейчас вспоминаю и мне приятно и хорошо — здесь я была правдивой до конца. И даже гордость Л. не помешала этому. «Спасибо, спасибо», — хотелось сказать ему тогда, в последнюю встречу».

Видимо, благодарить все же должен был Лев Седов. А вот еще одна запись.

«16.11./25/...

Ну, да всяк сам свою судьбу заслуживает. Так же, как и я своей дуростью и глупым самопожертвованием заслужила. И я не знаю, отчего у меня злость на него — оттого, что я обманулась в нем, идеализировала, его игру в благородство приняла за чистую монету, и за эту фальшивую монету я отдала все во мне хорошее и ценное? И поэтому я сейчас не могу успокоиться; мне хочется до конца вывести Сергея на чистую воду, со всей его трусостью, и после этого отпустить его с миром или же (есть внутри где-то такая малюсенькая «надеждочка»), чтоб он смог доказать мне обратное; убедить, что мое прежнее мнение о нем было верно».

И уже после его гибели, может быть, что-то доказавшей Г. Бениславской, она отметила в своем дневнике: «Малю-

сенькая “надеждочка” осуществилась, но это непоправимо». Несостоявшийся брак с Львом Седовым и гибель Сергея Есенина, которого в ноябре 1925 года ей хотелось «до конца вывести на чистую воду», потрясли Бениславскую. Похоронили Есенина 31 декабря.

И последняя запись, сделанная в 1926 году:

«Вот мне уже наплевать. И ничего не надо, даже писать хочется, но не очень. Мне кажется, месяца нет, даже неделю так, и пройдет, пройдет даже жалость...

Сергей, я тебя не люблю, но жаль “То до поры, до времени...” (писала пьяная)».

Видимо, в те дни Бениславская с Эрлихом и сделали памятный снимок рядом с сестрой поэта... и не прогадали.

Но, честно говоря, я думаю, что понять душевное состояние осведомителей, профессиональных сотрудников карательных органов (пусть даже и влюбленных в свою жертву), вряд ли так уж важно.

И еще одна деталь. Сестра поэта Екатерина Александровна рассказывала, что в те роковые дни вслед за Есениным в Ленинград выехала Анна Абрамовна Берзинь, связанная с чекистами³⁴. И, видимо, не случайно. Мельчайшие частицы тьмы обладают способностью стущаться. Но даже если предположить, что убийство Есенина не планировалось и не обговаривалось наверху, а произошло почти спонтанно в силу той ненависти, которую питали к нему люди в кожанках, оно (это убийство) было запрограммировано всем ходом революционного преобразования России, в котором Есенину не оставалось места.

– Если отец убит, почему об этом не говорили раньше? – спрашивал меня не раз сын Есенина Александр Сергеевич.

Я отвечала, что боялись говорить, особенно с есениноведами-партийными публицистами, а теперь знаю, что некоторые свидетельства до нас все же дошли вопреки воле тех, кто

рисовал портрет поэта-самоубийцы. Так, мне довелось записать рассказы Н.В. Есениной, племянницы поэта, и Н.П. Приблудной, вдовы близкого друга Есенина, участницы похорон, а также А.Л. Спировой, сестры Августы Миклашевской, и поэта Владимира Цыбина. По целому ряду свидетельств сестра поэта Екатерина Александровна и Августа Миклашевская, не решаясь противостоять официальной версии, полагали, что Есенин был убит. В те годы людям с душой и сердцем ничего не оставалось, как жить «двойной жизнью».

После публикации моих первых статей о гибели Сергея Есенина ко мне приходят письма:

«Я родился и вырос в Северо-Двинской глухи, более чем в 106 км от ж.д. Окончил в 1953 году среднюю школу... Единственное мнение, вынесенное из школы, что Есенин – хулиган, алкаш, кулацкий защитник, повесился. Знакомили со стихами Маяковского на смерть Есенина... Начиная с осени 1957 года, я искал в журналах статьи о Есенине и к началу 1960-х годов пришел к мысли в результате чтения опубликованных материалов, что смерть Есенина подозрительна, не похожа на самоубийство... К сожалению, маститый критик мне не ответил – он везде усердно защищал версию самоубийства. Я советовал ему взять в архиве дело о смерти Есенина, но он отмолчался...»

Валентин Левашов. Ярославская обл., село Устье

«Как мы еще мало знаем о С. Есенине. Знаем не всю правду, не все до конца... Как это больно осознавать».

Евгений Лебедев. Московская обл., Воскресенск

Мне помнится, как создатель народного музея Есенина из Липецка В. Синельников доказывал, что народ вправе знать всю правду о Есенине и правильно ее поймет. Как говорится, правда со дна моря выносит. И сколько же в ней,

сокрытой, задавленной, спрятанной, таится для нас всех неожиданного!

В 1991 году были опубликованы *свидетельства журналиста В. Костылева³⁵* со многими поразительными подробностями, о которых не могли не знать его собеседники, побывавшие утром 28 декабря 1925 года в «Интернационале»-«Англете». Это прежде всего журналисты, причастные в 20-е годы к ленинградской прессе, например к «Красной вечерней газете»: В.Н. Мелант, А.И. Бродский, отец поэта Бродского, а также И.С. Хейсин, доживавший свой век за 101-м километром, в Приозерске.

Воспоминания Иосифа Самсоновича Хейсина многое объясняют. Он был близко знаком с художником Сварогом, рисовавшим Есенина в то утро 28 декабря 1925 года. *Художник заметил мельчайшие подробности. Он рассказывал:*

«— Мне кажется, этот Эрлих что-то ему подсыпал на ночь, ну, может быть, и не яд, но сильное снотворное. Не зря же он “забыл” свой портфель в номере Есенина. И домой он “спать” не ходил — с запиской Есенина в кармане. Он крутился не зря все время неподалеку, наверное, вся их компания сидела и выжидала свой час в соседних номерах. Обстановка была нервозная, в Москве шел съезд, в “Англете” всю ночь ходили люди в кожанках. Есенина спешили убрать, поэтому все было так неуклюже, и осталось много следов. Перепуганный дворник, который нес дрова и не вошел в номер, услышав, что происходит, кинулся звонить коменданту Назарову... А где теперь этот дворник?..

Сначала была “удавка” — правой рукой Есенин пытался ослабить ее, так рука и закоченела в судороге. Голова была на подлокотнике дивана, когда Есенина ударили выше переносицы рукояткой нагана. Потом его закатали в ковер и хотели спустить с балкона, за углом ждала машина. Легче было похитить. Но балконная дверь не открывалась достаточно ши-

В номере «Интернационала», 28 декабря 1925. Рисунки В. Сварога

роко, оставили труп у балкона, на холоде. Пили, курили, вся эта грязь осталась... Почему я думаю, что закатали в ковер? Когда рисовал, заметил множество мельчайших соринок на брюках и несколько в волосах... пытались выпрямить руку и полоснули бритвой "Жилет" по сухожилию правой руки, эти порезы были видны... Сняли пиджак, помятый и порезанный, сунули ценные вещи в карманы и все потом унесли... Очень

спешили... "Вешали" второпях, уже глубокой ночью, и это было непросто на вертикальном стояке. Когда разбежались, остался Эрлик, чтобы что-то проверить и подготовить для версии о самоубийстве... Он же и положил на стол, на видное место это стихотворение, — "До свиданья, друг мой, до свиданья..." Очень странное стихотворение...»

Действительно, на одной из следственных фотографий отчетливо видна правая рука поэта, судорожно сжатая, словно до последнего мгновения он цеплялся за жизнь. По этой руке и полоснули бритвой. Как все это происходило в деталях, трудно установить. Возможно, в чем-то Сварог и ошибся, но не в главном. Думаю, любой художник ясно видит, рисует ли он портрет самоубийцы или убиенного. Так вглядимся в этот рисунок. На нем правой рукой Есенин разжимает «удавку». Согласно акту участкового надзирателя, все выглядело несколько иначе. Правой рукой Есенин «захватился за трубу» парового отопления. Но в любом случае это не самоубийство. Он боролся.

В том, что Есенин убит, не сомневался, по свидетельству В. Костылева, и Д.С. Кулаков, юрист, ученик А.Ф. Кони, знавший Есенина. Не исключали «версии о насильственной гибели поэта», по словам В. Костылева, и его «литературные шефы» Е.И. Наумов, автор книги о Есенине, а также В.А. Мануйлов и Н.Л. Браун, авторы статей о поэте в 50–60-е годы, хотя они и не решались противостоять официальной точке зрения. Даже в наши дни В.Ф. Дитц в книге «Есенин в Петрограде – Ленинграде» (Лениздат, 1990) пишет об этом чрезвычайно осторожно и только в сноске как о новой версии. Видимо, не случайно я прочла на одной из посмертных фотографий из музея: «Не афишировать!!!»

И наконец, последнее свидетельство, что называется из первых рук, спустя шестьдесят шесть лет после гибели Есенина в «Интернационале»–«Англете». Следователь Э. Хлысталов сообщает:

«Недавно в Ленинграде дала о себе знать жена коменданта гостиницы Назарова, в то время совсем молодая женщина. Она письменно подтвердила, что смерть Есенина произошла за день до официального обнаружения его трупа в гостинице. Она хорошо запомнила тот трагический день, когда ее муж Василий вечером возвратился с работы и только заснул, как его разбудил телефонный звонок, и звонивший потребовал немедленно явиться в гостиницу. Пришел Назаров домой поздно и рассказал жене, что в гостинице повесился Есенин. Кто такой был Есенин, она тогда не знала, но утром ходила в гостиницу и смотрела, как из нее выносили тело поэта»³⁶.

Ленинградский писатель А. Яковлев, который принимал участие в записи показаний Антонины Львовны Назаровой на видеопленку, отмечает:

«Она заявила, что 27 декабря, около 11 часов вечера, ее мужа срочно вызвали из дома на работу, потому что с Есениным “несчастье”. Прибыв на место, он застал в “Англете” своих начальников Г.А. Пипия и Ипполита Скирия. Что дальше происходило, об этом можно только догадываться.

Но то, что утром совершилась “инсценировка”, – это уж совершенно очевидно. И чего стоит медицинская “точность” судебной экспертизы – “смерть наступила от 3 до 4 утра”?»³⁷

Следует уточнить: показания свидетеля В. Назарова о ключе, который торчал с внутренней стороны двери, за которой неожиданно обнаружили самоубийцу, – это продолжение инсценировки.

Но вернемся к маленькой заметке В. Костылева, которая стоит многих книг.

Меня давно мучил вопрос, отчего с подробными воспоминаниями о жизни Есенина не выступили его ближайшие друзья: Сергей Клычков, Иван Приблудный и, наконец, Николай Клюев, поэт, которого Есенин за несколько часов до гибели

Николай Клюев

называл своим учителем. Теперь я думаю, что их правда о Есенине была не для печати.

В. Костылев записал рассказ *Николая Архипова*, ближайшего друга Клюева, о событиях 27–28 декабря 1925 года.

27 декабря к 8 часам вечера в номере гостиницы Есенин ждал Клюева. «И Клюев пришел в назначенное время. Но его не пустили. И даже пригрозили. И расстроенный Клюев пошел на Большую Морскую к Н.И. Архипову и все ему выложил – свои подозрения, свои ощущения, свой страх за Есенина. Архипов его успокоил, сказал, что все это только кажется и завтра они увидятся в той же гостинице. Взволнованный Клюев не спал всю ночь, рано утром пытался снова пройти к Есенину и снова его не пустили какие-то люди у входа. И только позднее, днем, оба – Архипов и Клюев узнали о трагедии».

Остались провидческие сны Николая Клюева в записи близких ему людей³⁸.

В 1922 году поэту привиделись ларьки среди бурной грязи, в которых люди с песчьими глазами торгуют одеждой, пропитанной кровью, а дальше ларьки, где торгуют человечиной. На прилавке – мертвая голова друга, к которой приценивается покупатель в военной форме (уже сам мертвец). «Дремучие годы», – говорил Клюев. Апокалиптические видения не покидали поэта-ясновидца на протяжении двух десятилетий. Ему снились святые, отплывающие на многоярусном пароходе от Русской земли, преданной поруганию, и оставшаяся ходить по мукам Богородица в одежде странницы. Порой ему казалось, что сны будят его. Он просыпался потрясенный, чувствуя приближающееся мученичество. В этих снах являлся Клюеву и Сергей Есенин. В 1923 году ему привиделось, как Сереженька бежит в чащу прямо медведице в лапы. *Николай Архипов с его слов записал:*

«Только в лесном пролежне белая белозерская рубаха всплеснула и красной стала... Гляжу я – потянулись в стволинах сосновые соки так видимо, до самых макушек... И не соки это, а кровь, Сереженькина медовая кровь...

Этот же сон нерушимым под Рождество вдругорядь видел я. К чему бы это?» («Медвежий сполох»).

Через два года Есенин погиб в дни Рождества. А Клюеву стала сниться пучина кровавая кромешная, в которую канул его Сереженька, да Николай Васильевич Гоголь со словами: «Писать больше не о чем...»

Пророческие сны Клюева сбылись. И то, что можно было бы принять за метафору, стало страшной реальностью. *Он рассказывал:*

«Иду по безбрежному ледяному полю-пространству. Полная тьма. Натыкаюсь на какие-то небольшие кочкообразные глыбы, издающие вопли, стоны. Наклоняюсь, ощупываю

и с ужасом узнаю человеческие головы, рассеянные по необозримому ледяному пространству. Эти стоны сливались в какой-то потрясающий гул, рев. Ощупываю и разбираю, что все тело погружено в ледяную, замерзшую, скованную плотную массу – по плечи. И лишь на поверхности – полузамерзшая голова с непередаваемо страдальческими глазами, открытым ртом, с перекошенными смертельной судорогой губами и всем лицом. Волосы стояли дыбом вокруг головы, твердо замерзшие, и казалось, что это вокруг огромные терновые венцы» (в записи Н.Ф. Христофоровой-Садомовой).

Там, в мертвяще-ледяном вихре, было суждено погинуть и Николаю Клюеву. Остались эти сны, во многом не разгаданные даже самим поэтом. Он так и не рассыпал, о чем же кричал ему «залитый кровью» Есенин, о чем молил, какую страшную правду хотел рассказать, когда они встретились взглядом на ледяном поле-пространстве.

Мне думается, с точки зрения старшего собрата по перу Клюева, Есенин был в переносном смысле этого слова самоубийцей. Он дал себя окружить плотному кольцу тьмы, с которым поначалу со свойственным ему азартом играл, не понимая, что его не отпустят Блюмкин, Троцкий и вдохновенные певцы массового террора во главе с Мариленгофом. Вот почему в своих стихах на смерть Есенина Клюев сам себе задает вопрос:

О жертве вечерней иль новом Иуде
Шумит молочай у дорожных канав?

И только позднее, в годы полного уничтожения крестьянской культуры, незадолго до расстрела, Клюев, видимо, понял, что тогда, в 1922 году, он не ошибся, предсказав Есенину в письме из Олонецкого края, что он будет искупительной жертвой России за тот Содом, в который она дала себя ввергнуть. «Радуйся закланию своему» – в этих словах христианская вера в Божий Промысел и Воскресение.

Отпевали Есенина в трех церквях: в Москве, в Ленинграде и на Рязанской земле. С точки зрения Православия, самоубийство – тяжелейший грех, за отпевание самоубийцы священник лишается сана. И все же Сергея Есенина отпели не ветры полей, а священники Русской православной церкви, значит, объяснения родных сочли достоверными или провидели истину.

Впервые посмертную фотографию Сергея Есенина я увидала в книге английского исследователя, известного специалиста по русской литературе Гордона Мак-Вэя «Isadora & Esenin»³⁹. Поразила и сама фотография и отсутствие каких бы то ни было комментариев. Глубокая рана на лбу и черная круглая пробоина под правой бровью, похожая на след от удара или пули. А рядом вторая фотография: похороны поэта. Лицо уже явно «подправлено», но все равно виднеется рана на лбу и явно камуфлированная пробоина под правой бровью – не помог даже грим. Видимо, фотоаппарат беспощаднее, точнее человеческого глаза. Перед его оком камуфляж прозрачен, заметны неожиданные подробности, о которых не спотыкается зрение подавленного очевидца.

Позднее в архивах я видела и другие посмертные фотографии Есенина, снятые и в «Интернационале», и во время судебно-медицинской экспертизы, и во время похорон. На всех фотографиях – и рана на лбу, и черная глубокая пробоина под правой бровью. Иногда высказывалось предположение, что это просто гематома. Я познакомилась с документами, включающими акт «о самоубийстве С.А. Есенина», составленный участковым надзирателем Н. Горбовым, показания свидетелей Е. Устиновой, Г. Устинова, В. Эрлиха, В. Назарова, акт судебно-медицинской экспертизы, проведенной 29 декабря 1925 года А.Г. Гиляревским, и заключение «по делу о самоубийстве С.А. Есенина», оформленное спустя месяц, 20 января 1926 го-

*В номере гостиницы, 28 декабря 1925.
Фото М. Наппельбаума (негатив сохранился)*

да, в столе дознания 2-го отделения Ленинградской милиции за подпись Вергей (фонды ИМЛИ имени А.М. Горького). Акт судебно-медицинской экспертизы – автограф без машинописной копии, а в нем – дыра. Обрывки текста – в отдельном конверте. По ним удалось реконструировать этот уникальный документ-подлинник. Встретившись в Москве с Гордоном Мак-Вэем, я узнала, что лет двадцать тому назад, когда он читал этот документ, подлинник был, кажется, без изъянов. Небрежно проведенная экспертиза на следующий день после телефонограммы о самоубийстве (что, по сути дела, навязывало эксперту эту версию), небрежное хранение документов; твердая уверенность, что утвердившаяся версия незыблема.

В акте судебно-медицинской экспертизы, которую проводил всего лишь один человек, зафиксирована вдавленная

Фрагмент

борозда на лбу над переносицей длиной в четыре сантиметра и шириной в полтора сантиметра без указания глубины. Отмечается: «кости черепа целы» (в реконструированном мною тексте). И тогда я решила обратиться с помощью тележурналиста Владимира Молчанова к специалистам по судебно-медицинской экспертизе из Минздрава. Тут же выяснилось, что представленные мною фотографии из архивов, а также опубликованные в книге Гордона Мак-Вэя и акт судебно-медицинской экспертизы друг другу явно не соответствуют. Значит, где-то ложь: или в акте, или на всех этих фотографиях. Я задала вопрос: «Может ли быть черное круглое пятно под правой бровью гематомой, не отмеченной в экспертизе?» Мне ответили, что нет. Под лупой зияет пробоина, похожая на след от удара или от пули. Таково было мнение специалистов С.С. Абрамова и В.О. Плаксина, которое они не решились зафиксировать, поскольку имели дело с отпечатками, а не с негативами⁴⁰. К тому же их выступление с В. Молчано-

В номере гостиницы. Другой ракурс.
Фото М. Напельбаума (негатив сохранился)

Вот это лицо!.. Видите ли, я видела его в телевидении, ставящее под сомнение самоубийство другого поэта, закончилось сквалом обвинений. И вот опять поэт. Пусть не такой громогласный, но все же... «А зачем вам это надо?», — спросили меня. Я повторила свои доводы. Фотографий много, это архивные фотодокументы, и на всех зияет черное пятно под правой бровью как продолжение борозды, которая, согласно акту судебно-медицинской экспертизы, произошла «от давления при повешении» (?!). Поскольку след от удара или от пули почти сливается с бороздой, на него и не обращали внимания в течение шестидесяти лет. Годы репрессий, застоя... Но посмертная маска Есенина ужасает всех, кто ее видел. Не «вдавленная борозда», а глубочайшая рана на лбу с повреждением переносицы, никак не отмеченная в акте участкового надзирателя и небрежно зафиксированная в акте

В Обуховской больнице, 29 декабря 1925

судебно-медицинской экспертизы. Защитники официальной версии, а их всегда подавляющее большинство, ссылаются на якобы горячую батарею, которая могла оставить на лице ожог, что не отражено в судебно-медицинской экспертизе. Иногда говорят о двух попытках Есенина, а первая, дескать, была неудачной. Но и это противоречит судебно-медицинской экспертизе, где отмечен один след от веревки «величиной с гусиное перо»⁴¹, над гортанью, т. е. под подбородком («мертвой петли» не было). При таком положении тела с запрокинутой головой лоб, видимо, вообще не мог касаться батареи.

Допустим, как утверждает судмедэксперт, смерть последовала «от асфиксии, произведенной сдавлением дыхательных путей через повешение». Но разве это непременно само-повешение?

В Акте судмедэксперта Гиляревского отмечены раны на руках, одна из которых длиною в четыре сантиметра в области сухожилия правой руки. Предполагается, что все эти

19.02.

1956, 21 февраля. В морозную погоду. С 10 час. прогулка
богатырь упал с горы. Рана на голове. Повязка, из-под которой
видна кровь. На затылке, выше лопатки, виден перелом. Голова
упала на левую щеку, подбородок, подушечка подбородка и
губа слева. Кости сломаны. Кровь забита в ткань. Кожа на
губах синяя, бледная. Глаза смотрят вправо. Глаза синие. Глаза
закрыты. Глаза синие. Глаза синие. Глаза синие. Глаза синие.
Глаза синие. Глаза синие. Глаза синие. Глаза синие. Глаза синие.
Глаза синие. Глаза синие. Глаза синие. Глаза синие. Глаза синие.
Глаза синие. Глаза синие. Глаза синие. Глаза синие. Глаза синие.
Глаза синие. Глаза синие. Глаза синие. Глаза синие. Глаза синие.
Глаза синие. Глаза синие. Глаза синие. Глаза синие. Глаза синие.

Дважды я спал, и было бесполезно, но никаких
импульсов, кроме сна, не было. Кожа на голове, из
под которой видна кровь, красная. Кожа на затылке, выше
лопатки, видна кровь. Кожа на затылке красная. Кожа на
голове, выше лопатки, красная. Кожа на затылке красная.
Кожа на затылке красная. Кожа на затылке красная.

Задание

На настоящий момент состояние этого "Богатыря"
Сергия Константиновича не удовлетворяет
существующим нормам медицинской науки.

Возможность дальнейшего существования
и функционирования этого "Богатыря" не определена.
Риск неизбежного летального исхода существует
и является чрезвычайно высоким.

Справа: Эксперт Шильдер

раны «могли быть нанесены самим покойным» (?!). И восемь строк, написанных кровью, на которые обычно ссылаются защитники версии о самоубийстве, – не объяснение, ведь порезы на кисти левой руки видела соседка Есенина по гостинице Е. Устинова, других ран утром 27 декабря не было.

Публикуя мой очерк о гибели поэта «Меня хотят убить...», журнал «Слово» в ноябре 1989 года сообщил о создании комиссии по расследованию обстоятельств гибели С.А. Есенина при Всесоюзном Есенинском комитете СП СССР.

Спустя два года получив возможность ознакомиться с работой этой комиссии, я поняла, что исследование блокируется сторонниками официальной версии, авторами многочисленных книг. Никто из специалистов за два года так и не прикоснулся ни к посмертным маскам Есенина, которые находятся в Константинове и в Пушкинском Доме в Санкт-Петербурге, ни к следственным фотографиям, выполненным М.С. Наппельбаумом. Одна из таких фотографий (оригинал!) хранится у члена Есенинского комитета в течение многих лет. Что ж, такой документ обжигает, и к нему действительно страшно прикоснуться.

Исследование кандидата медицинских наук, судебно-медицинского эксперта А. Маслова, опубликованное в журнале «Врач» (1991, № 5), невозможно было признать даже в некоторой степени аргументированным, поскольку он ознакомился только с двумя документами: актом осмотра места происшествия, составленным крайне поверхностно, и Актом судебно-медицинского эксперта А.Г. Гиляревского, причем даже без восстановления утраченной части этого документа. Копию маски (не оригинал!) Маслову представили только за одну неделю до печально юбилейного заседания Есенинского комитета – расследование велось два года. Проведя столь поверхностное изучение материалов, специалист Маслов не

В Обуховской больнице

постеснялся выступить в печати в мае 1991 года, а также по радио в преддверии 66-й годовщины гибели поэта.

На мой вопрос о травме носа, которая отчетливо видна и на следственных фотографиях, к которым специалист не прикоснулся, и на посмертной маске, А. Маслов ответил: «А может быть, у Есенина и при жизни был такой нос». Никаких сопоставлений с прижизненными фотографиями тогда не проводилось.

И тем не менее позиция у молодого специалиста твердая, поскольку в соавторстве с ним выступил директор Научно-исследовательского института судебной экспертизы, председатель научного общества экспертов, член-корр. АМН СССР А.П. Громов⁴². А от своих скороспелых выводов — высказанных пусть даже в соавторстве! — маститые ученые, как известно, не любят отрекаться.

После появления в печати официальных выводов комиссии⁴³ я была вынуждена выступить с опровержением, которое решился опубликовать только «Русский вестник»:

«Похоже, ничего, кроме Акта Гиляревского, в котором не найдено противоречий, специалистов не интересует. А то, что этот акт находится в прямом противоречии с другими документами: следственными фотографиями, посмертной маской, многочисленными свидетельствами, прямыми и косвенными, – все это как бы не входит в компетенцию наших специалистов во главе с есениноведами Ю.Л. Прокушевым и С.П. Кошечкиным. Но почему они, а не профессиональные следователи, возглавляют это расследование? Возникает вопрос: где юристы, антропологи, криминологи, токсикологи, графологи?»⁴⁴

К выводу о самоубийстве Есенина комиссия готовилась долго.

В антиесенинской кампании приняло участие и «Книжное обозрение», поспешило сообщив 9 августа 1991 года: «ВЕРСИЯ ОБ УБИЙСТВЕ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА не может считаться доказанной. К такому выводу пришла недавно комиссия по литнаследию поэта, рассмотрев десятки документов и свидетельств, вплоть до мнений экспертов-криминалистов. Осеню с. г. эти материалы предполагается обнародовать».

24 декабря я была на заседании этой комиссии и видела, как нас попытались в очередной раз обмануть, выдав ознакомление с двумя сомнительными документами за изучение десятков документов и свидетельств. Крайне неприглядна во всей этой истории роль крупных есениноведов, партийных публицистов. Не случайно в статье Кошечкина «Смерть Есенина: две версии», опубликованной в «Правде», где в свое время были изданы «Злые заметки» Бухарина, многие факты традиционноискажались или просто замалчивались⁴⁵. Вывод, к которому пришли наши есениноведы, был однозначен: нет оснований сомневаться в незыблемости официальной версии, утвержденной при их деятельном участии, что и спешила обнародовать с помощью специалиста А. Маслова

В Обуховской больнице

радиоэстансия «Юность». Радикальные консерваторы и радикал-демократы нашли общий язык. Так одну из наиболее трагических страниц русской истории срочно захлопнули, дабы не поступиться принципами.

Но тут подоспело на помощь серьезное сравнительно-сопоставительное исследование разного рода документов, включая посмертные маски из закрытых фондов и следственные фотографии, проведенное патофизиологом проф. Ф.А. Мороховым из Санкт-Петербурга⁴⁶.

По данным Морохова, ранение уходит «вглубь лобной кости», причем дно борозды имеет «остроугольную, а не плоскую и не округлую форму, которая должна была образоваться от давления трубой отопления». Сравните: по данным Маслова, исследовавшего сомнительную копию маски, «задет только кожный покров». Несостоятельность проведения

экспертизы всего лишь одной копии маски совершенно очевидна. Это либо предельная некомпетентность, либо очередная попытка фальсификации. Но вернемся к расследованию Ф.А. Морохова. Он пришел к выводу, что удар был нанесен «твердым предметом с прямоугольными краями, и если еще учесть наличие ямок, не отмеченных Гиляревским, то предмет, которым был нанесен удар, имел выступы или шипы». Следствие, если бы оно действительно было проведено, могло дать более определенный ответ о характере ранения, а также ответить на вопрос, нанесен ли удар кастетом, как предполагает Морохов, наганом, как решил художник Сварог, или, может быть, канделябром, который отчетливо виден на переднем плане фотографии места трагедии.

А в том, что Есенин убит, в самом «Интернационале»-«Англете», видимо, мало кто сомневался. Ф.А. Морохов пишет: «В доме, где я живу, проживала семья старых питерцев, которые рассказывали мне о том, что их родители работали в гостинице “Англете”, в то время называвшейся “Интернационал” и бывшей в ведении ГПУ. Их отец работал кучером, а мать уборщицей. Они рассказывали, что когда погиб Есенин, то все служащие гостиницы говорили о его убийстве. Но на фоне официальной версии о самоубийстве поэта все разговоры об убийстве заглохли».

Остается добавить, что судебно-медицинский эксперт А.Г. Гиляревский известен как специалист, приглашенный органами ГПУ для судмедэкспертизы тела М.В. Фрунзе, который неожиданно погиб в 1925 году во время операции в Кремлевской больнице по поводу предполагавшейся язвы желудка, проработав в должности наркомвоенмора (он сменил на этом посту Троцкого) всего один год. После этой экспертизы специалисту Гиляревскому поручили Есенина. При этом на сопроводительном документе, как отмечает следователь Э. Хлысталов, была сделана пометка «П5С4 УПК»⁴⁷. Это оз-

начает – пункт 5, статья 4 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, по которой начатое уголовное дело прекращается за отсутствием состава преступления. Так заработал механизм по созданию образа поэта-самоубийцы, а за «клеветнические измышления» расстреливали, о чем свидетельствуют следственные дела ближайших друзей Есенина и вкрапленное в них дело сына поэта Георгия Есенина, расстрелянного вместе с Иваном Приблудным, которому вменялась в вину антисоветская деятельность с 1924 года. Совершенно очевидно, что и Сергей Есенин стоит в этом ряду поэтов-мучеников.

По рассказам актера Анатолия Михайлова, который мальчиком принимал участие в похоронах Есенина, об убийстве поэта в те дни в Москве говорили многие и при этом добавляли, что правду, как всегда, не обнародуют. Стихотворение Анатолия Михайлова «Продолжается казнь» впервые опубликовано в сборнике «Певцам бревенчатой избы» (М.: Советская Россия, 1990. Составитель Владимир Хохлов).

Остается отметить, Анатолий Михайлов попал на похороны Есенина не случайно. Он был из беспризорников, подобранных чекистами, своего рода сын полка.

...Продолжается казнь над Сергеем Есениным –
отпыпал тот костер и остыла зола;
только гнев не остынет к защелчному племени –
палачам не прощаются злые дела!

Избежать смертных слез не смогли даже
Цезари, белый мрамор слезами и я окроплю...

...Вчетвером навалились, терзали и резали,
а затем бездыханного вдели в петлю...

Вот ведь как обучали палить и закапывать,
обрывая и путая памяти нить;
так «родня» их – позднее – зарыла Булгакова, –
даже Мастер не смог ничего изменить.

Возвели монумент не на Пятницкой-вязевой,
где у каждого дома Есенина след,
а в низинке Кузьминок – чтоб часом не сглазили! –
дескать, памятник – есть, только памяти нет.

Встало солнце на Русь не с Востока, а с Запада;
мразь заплечную – вовсе бы не вспоминать!..
Но она и на нас протокол нацарапала
и приляпала – кровью казненных – печать!

Самоубийство Есенина – фальсификация века. Но приостановить поиск истины теперь вряд ли кому удастся. А в потоке публикаций и писем нам следует отделять зерна от плевел. Решившись обнародовать посмертную фотографию Есенина во время прямого эфира по Ленинградскому телевидению в марте 1989 года, я и не предполагала, что будет такой отклик.

В 1990 году к этой трудной теме прикоснулись в Белоруссии, где на киностудии «Беларусьфильм» был снят документальный фильм о Сергее Есенине «Меня хотят убить...» по одноименному очерку, опубликованному мною в журнале «Слово» (1989, № 10). Фильм был отнесен премией I Международного фестиваля славянских фильмов «Золотой витязь» и показан по телевидению.

Казалось, еще немного и правда восторжествует. Но, к сожалению, и сегодня некоторые документы и свидетельства находятся в частных архивах, а их владельцы продолжают думать, что не настало время сказать всю правду о гибели Есенина. А она, неразумная, все прорывается и прорывается наружу. Как это и случилось с публикацией письма Павла Лукницкого Льву Горнунгу от 29 января 1926 года в газете «Русский курьер» в феврале 1992 года после официальных выводов «Есенинского» комитета в «Правде» и других газетах о несостоятельности версии убийства поэта. Это письмо, безусловно, подлинное, поскольку те же самые записи в 60-е годы Павел Лукницкий передал есениноведу Юрию Прокушеву, который после публикации

Л. Горунга наконец решился их зачитать. Ввиду чрезвычайной важности этого материала привожу почти полностью текст публикации в «Русском курьере» под странным названием «Еще раз о самоубийстве». Видимо, издатели не предполагали, что печатают прямое доказательство убийства поэта, ведь они не столь осведомлены, как есениноведы, которые могут провести сопоставление документов. Итак, текст публикации в «Русском курьере»:

Еще раз о самоубийстве

В последние несколько лет появилась и в определенных литературных кругах стала модной новая версия гибели русского поэта Сергея Есенина. Предполагается, что он не покончил с собой, а был тайно зверски убит. Кем же? Ну, разумеется, все теми же губителями земли русской, проклятыми жидомасонами.

Раскрытие заговоров, выискивание детективных подробностей, разоблачение злоумышленников – дело старинное, увлекательное и весьма прибыльное в смысле популярности.

Самоубийство Сергея Есенина – трагедия давняя, и все подробности достаточно известны. Материалы, предоставленные нам старейшим русским литератором Львом Владимировичем Горунгом, вряд ли добавят что-то новое к старой теме. Но возможно, эта публикация напомнит, что разговор о гибели поэта должен идти не на уровне сплетен и скандальных разоблачений, а на уровне конкретных воспоминаний и рассказов очевидцев.

1 февраля 1926 года.

Я получил письмо из Ленинграда от Павла Николаевича Лукницкого. По моей просьбе он сообщал мне обстоятельства последних дней Есенина и подробности его гибели. Прилагаю выдержки из этого письма.

«Дорогой Лев Владимирович, исполняя Вашу просьбу, посылаю Вам подробности событий, связанных со смертью Есенина.

Лично я почти не знал Есенина (было 4–5 встреч всего). Поэтому никаких заключений, выводов, даже предположений делать не буду.

То, что я пишу, – по всей вероятности, уже известно, но я пишу то, что знаю сам».

Описание событий по рассказам В. Эрлиха, И. Садофьева, Б. Лавренева, Вс. Рождественского, М. Фромана, М. Шкапской и др.

27 декабря. Утро в гостинице. У Есенина – Эрлих, Устинов и кто-то еще. Есенин и Эрлих брились. Оставив бритвенный прибор, Есенин сказал: «Черт знает что за гостиница... Даже чернил нет!..» Что-то говорили – в тоне самом обыденном, полуушутливо. Потом Есенин вынул из внутреннего кармана пиджака листок бумаги и засунул его во внутренний карман Эрлиху. Тот поднял руку, хотел вытащить и прочесть.

– Брось, не читай... Успеешь! – с улыбкой сказал Есенин. Эрлих не стал читать и забыл о бумажке – забыл до следующего дня, когда в гостинице у тела Есенина Устинов ему напомнил о ней (о существовании записи, сделанной кровью, Устинов мог узнать только от жены или от самого Эрлиха: других свидетелей не было. – Н. С.). Эрлих вынул из кармана и прочел написанное кровью стихотворение: «До свиданья, друг мой, до свиданья...»

Весь день 27-го до 6 вечера Есенин, Эрлих и Устинов провели вместе. В разговорах не было решительно ничего необычного. Говорили о том, что завтра предстоит много беготни по городу, говорилось о журнале, который хочет организовать Есенин. В 6 часов вечера все ушли, Есенин остался один (это соответствует свидетельским показаниям Г. Устинова. – Н. С.). Эрлих забыл у Есенина портфель и около 8 часов вечера зашел за ним (значит, на дорогу до Невского, откуда он вернулся, у него ушло около двух часов. В своих мемуарах

Эрлих устраниет эту неточность. — Н. С.). Дверь была не заперта. Есенин принял его, несколько минут болтали. Есенин хотел спать (это в 8 часов вечера? — Н. С.). Эрлих ушел.

В этот день у М. Фромана была вечеринка. Собрались: Лавренев, Вагинов, Спасский, я, Ида Наппельбаум и еще несколько человек. В десятом часу к Фроману пришел Эрлих. Болтали о всяких разностях — между прочим и о Есенине. Шутили, смеялись: вечер прошел обычно. Часа в 2 ночи все разошлись. Эрлих остался у Фромана ночевать.

Утром 28-го, около 9.30, Эрлих пришел в гостиницу к Есенину. Стучал. Долго не открывали. Эрлих позвал коридорного. Открыли дверь запасным ключом.

Описание комнат — известно. Эрлих сейчас же позвонил в Госиздат Садофьеву, позвонил Фроману. Пришли сейчас же Фроман, Садофьев и те, что случайно оказались в Госиздате: Вс. Рождественский, Б. Лавренев, П. Медведев и др.

Милиция. (На полу нашли разорванную фотографическую карточку сына Есенина.)

Лицо Есенина — обезображенено: Есенин повернулся лицом к трубе парового отопления. Ночью пустили пар — обожжен лоб, один глаз навыкате, другой — вытек. Обожжена переносица (о ранах на руке не пишу — известно, конечно).

Позвонили в вечернюю «Красную газету» (половина номеров была уже выпущена). Другая половина тиража вышла с таким извещением: «Сегодня в Ленинграде умер поэт Сергей Есенин»).

Отправили телеграмму в Москву — сестре.

Есенина положили на дровни — на нем было белье и брюки, ботинок и пиджака не было. Покрыли простыней. Отвезли в Обуховскую больницу. Комнату запечатали.

Накануне Есенин был совершенно трезв. Поздно вечером он послал коридорного за пивом. Тот принес полдюжины. Утром в корзине нашли три нетронутых бутылки.

В 3–4 часа дня почти все узнали о смерти Есенина. Позднее узнали и об обстоятельствах смерти. Я говорил с Фроманом по телефону и от него узнал подробности. Стал звонить другим. Н. Тихонов был ошеломлен. Он за несколько минут до меня говорил с Фроманом. (Узнал из газеты.) Мне звонили от «Пролетарских поэтов» – спрашивали подробности.

Вечером было экстренное заседание «Содружества писателей».

Все сказанное – только материал для вопросов тем, кто был свидетелем происшедшего. Совершенно необходимо спросить Эрлиха.

Если б не спешность – я бы мог подробнее расспросить Фромана и других.

Думаю, однако, что большая часть сказанного уже известна всем.

---

29 утром – заседание Правления Союза поэтов. Утром приехала Софья Андреевна Толстая-Есенина на автомобиле с М. Шкапской и с Поповым – приехали в Госиздат, а затем (уже без Попова) в Обуховскую. Шкапская неотлучно была с С.А. весь день: они вдвоем хлопотали у тела. С.А. получила разрешение взять чистое белье из запечатанной комнаты – из чемодана Есенина. Купила легкие туфли. Омывали, одевали тело. Было произведено вскрытие. После вскрытия лицо Есенина было по возможности исправлено. Кровь от лица отошла. Оно было уже не синим, а белым, бледным.

В 5 часов вечера в помещении Союза писателей (Фонтанка, 50) была назначена гражданская панихида. К 5 часам я пришел в Союз.

В углу первой комнаты – возвышение. Комната полна народу – не протиснуться. Н. Тихонов, Садофеев, Полонская, Пяст, Рождественский, Клюев, Каменский, члены «Содружества», «Пролетарские поэты», большинство членов Союза, посторонняя публика.

Около 6 часов привезли из Обуховской тело. Оркестр Госиздата (находившийся во второй комнате) заиграл похоронный марш. Тихонов, Браун, я, еще человек 6 внесли гроб, поставили на возвышение, сняли крышку, положили в гроб приготовленные заранее цветы.

С двух сторон – венки. На одном – лента: «Поэту Есенину от Ленинградского отделения Гос. изд.».

В течение часа длилось молчание. Никто не произносил речей. Толпились, ходили тихо. Никто не разговаривал друг с другом, а посторонних, которые стали шептаться, попросили замолчать.

Софья Андреевна стояла со Шкапской у стены – отдельно от всех. Бледный и измученный Эрлих – тоже у стены и тоже отдельно. Тут он уже не хлопотал – предоставил это другим. Н. Клюев стоял в толпе и не отрываясь смотрел на Есенина. Плакал.

В гроб в ноги Есенину кто-то положил его книжки, и на верху лежало «Преображение».

От толпы отделилась какая-то молодая девушка в белой меховой шляпке, подошла к гробу. Встала на колени и склонила голову. Поднялась. Поцеловала руку Есенина. Отшла.

Какая-то старуха, в деревенских сапогах, не то в зипуне, не то в овчинном полушубке, с платком на голове, подошла к гробу. Долго крестилась. Приложилась тоже и заковыляла назад. Больше никто к гробу не подходил.

Около 7 часов явился скульптор (Золотаревский) со своими мастерами. Гроб перенесли во вторую комнату. Постави-

Прощание с поэтом во Всероссийском союзе писателей. Ленинград, вечер 29 декабря 1925. По краям гроба Н. Клюев (у головы) и В. Эрлих. В центре С. Толстая с В. Наседкиным и И. Садофеев с И. Ионовым

ли на стол. Публику попросили остаться в первой комнате. Во второй тем не менее скопилось много – все свои.

Низенький, коренастый, безволосый мастер в переднике засучил рукава и занялся своим делом. Улыбался очень весело и болтал со своими помощниками. Беззастенчиво потыкал пальцем в лицо – примеряясь к нему.

Софья Андреевна со Шкапской сидели в креслах в углу, у печки. С.А. с виду – спокойная (Шкапская потом говорила, что она оцепенела).

Когда энергичным движением руки мастер бросил на лицо Есенина мягкую, расползающуюся массу гипса, С.А. заплакала. На несколько секунд, может быть... Потом опять была выдержанной и внешне спокойной. Тихонов – бледный, сидел в другом углу на стуле – отдельно от всех. Какой-то

интервьюер схватил его за рукав: «Несколько слов, товарищ Тихонов... Несколько слов». Тихонов устало отмахнулся от него рукой.

Было тихо. Только в соседней комнате (в третьей) гудел разговор нетерпеливых оркестрантов... Один из них штудировал маленькую летучку — извещение о гражданской панихиде и о проводах тела Есенина, которая разбрасывалась по городу газетчиками.

Публика прибывала. Стояли уже на лестнице. Пришел Илья Ионов, давал распоряжения. Я пошел отыскивать ножницы. Софья Андреевна отрезала прядь волос — всегда пышно взлохмаченных, а сегодня гладко зачесанных назад.

Маски сняты. Гроб опять перенесли в большую комнату. Хотели отправиться на вокзал — но исчезла колесница. Тихонов и кто-то еще побежали в бюро похоронных процессий за другой.

Фотограф (Булла) раздвинул треножник, направил аппарат на гроб. Все отодвинулись. По другую сторону гроба встали Ионов, Садофьев, еще несколько человек. Вызвали из толпы Клюева и Эрлиха. Они неохотно прошли туда же и встали в поле зрения аппарата. (Какое твердое, решительное выражение лица у Эрлиха на этом снимке! — *H. C.*) Вызвали еще нескольких. Кто-то сзади усиленно толкал меня, стараясь пропастьнуться к гробу, чтобы быть сфотографированным. Кто-то посторонний. Мне не понравилось это. Я не дал дороги.

Фотограф заговорил о Есенине: «Ведь это мой старый приятель... Мы вместе на военной службе были...» Поднял факел, вспыхнул магний.

Колесница стояла внизу. Стали собираться в путь. Н. Браун, Вс. Рождественский, я поднесли крышку гроба и держали ее, пока друзья Есенина прощаались с ним. Клюев склонился над телом и долго шептал и целовал его. Кто-то еще подходил. Крышка опущена. Мы вынесли гроб. Вторично заиграл оркестр.

Погода теплая. Мокрый снег ворочается под ногами. Темно. Шли по Невскому. Прохожие останавливались: «Кого хоронят?» – «Поэта Есенина». Присоединялись.

Когда отошли от Союза, было человек 200–300. К вокзалу пришли человек 500.

Товарный вагон (выхлопотанный Баршевым, который служил в управлении Октябрьской дороги) был уже подан.

Поставили гроб в вагон – пустой, темный...

Газеты этого дня пестрили уже сообщениями о смерти Есенина, воспоминаниями, подробностями. Кое-что в газетах было искажено, например рассказ о стихотворении, написанном кровью, и другие мелкие подробности.

Вот то, чему я сам был свидетелем...

П. Лукницкий 29.1.1926⁴⁸

Письмо Павла Лукницкого – рассказ очевидца, опубликованный шестьдесят шесть лет спустя после трагедии, когда уже трудно предположить, что следы преступления могли остаться. И все же остались... На посмертной маске Есенина, как скульптор ни замазывал раны, виднеется маленькая дырочка почти в углу правой глазницы у переносицы (маска хранится в Константинове в закрытом фонде музея). Вот и студент Владимир Чибриков из Самары написал мне об этом небольшом, «с горошину отверстии» под правым глазом, сожалея, что у музейщиков нет никаких объяснений. Специалисты из комиссии, возглавляемой Ю.Л. Прокушевым, вынужденные продолжить работу с подключением новых сил, в конце концов зафиксировали два «кратера» на посмертной маске поэта: под правой бровью и под правым глазом, которым они не решились дать объяснения. На основе изучения посмертных масок Есенина (из ленинградских фондов) патофизиолог проф. Морохов пришел к страшному выводу⁴⁹. И он подтверждается строками Павла Лукницкого из недавно

Посмертная маска (из Пушкинского Дома)

опубликованных записей: «Один глаз навыкате, другой – выпуклый». А теперь сопоставим это с Актом судебно-медицинского эксперта А. Гиляревского, где вообще ничего не говорится о травме глаз. Более того, отмечено: «Зрачки в норме».

Редакционное вступление к публикации свидетельства Павла Лукницкого, к сожалению, нельзя обойти молчанием, ведь именно из-за таких «вступлений», несмотря на всю их очевидную нелепость, и прикрывалось расследование обстоятельств гибели Есенина.

Но зачем же скрывать правду? Возможно, к убийству поэта были причастны и русские по национальности люди. В каждом народе есть и высокое, и низкое. По одну сторону — Осип Мандельштам, которому угрожал Блюмкин расправой, Андрей Соболь, погибший вскоре после похорон Есенина, видимо, убитый, а по другую — Яков Блюмкин, Лев Троцкий, Лев Сосновский.

И до того запугали исследователей подозрениями, что ленинградский драматург А. Яковлев даже принялся за разработку версии о причастности Сталина к убийству Есенина, а заодно и к убийству Андрея Соболя, хотя документально известно, кто из кремлевских аналитиков, любителей современной литературы, держал поэтов в поле своего зрения с помощью Якова Блюмкина и других головорезов от революции, которые, естественно, могли действовать и по своему усмотрению, когда речь шла всего лишь о поэте. А Сталин, если слышал о Есенине и виделся с ним (предположение Б. Пастернака в пересказе О. Ивинской), то мимоходом. Как справедливо заметил Мариенгоф, Есенин донес славу на следующий день после смерти. Так и осталась незаконченной драматическая поэма «Страна негодяев», где поэт не только осмелился изобразить Лейбу Троцкого в образе Чекистова-Лейбмана, но, более того, поведал о причастности вождей пролетариата к черной бирже. И с поэмой, и с материалами Секретного отдела ОГПУ Л.Д. Троцкий, видимо, был хорошо знаком, поскольку они затрагивали его лично. Приручить Есенина не удалось. Он заплатил неблагодарностью и за интерес к его творчеству, и за возможность печататься, и даже

за такие услуги Блюмкина, как вызволение с Лубянки⁵⁰. Подобная неблагодарность и ведет к «самоубийству».

Что касается «самоубийства» Андрея Соболя у памятника Достоевскому, то всю вину тут же возложили на русского гения, выдаваемого за антисемита, в творчестве которого «тайится смертельный яд» (С. Городецкий). Драматург Яковлев в своей версии «Жертва вечерняя» восклицает: «Потрясающий сюжет!..» И тут же цитирует стихи Сергея Городецкого:

Уйдите! Уйдите! Я вас не хочу.
Я вас умоляю, учитель, уйдите!..
Так зачем же вам ночью меня посещать,
Вам, мучителю двух краевых поколений?

Я из клетки бежал, вызволенья ища,
Я не с вами, а с тем, кто свобода, кто Ленин.

А дальше ленинградский драматург задает наводящий вопрос в скобках: «Кто это? Вы не догадались? Кто теперь Ленин?»⁵¹ И ждет ответа: «Ну конечно, Сталин». Или еще точнее – «Сталин-антисемит».

А тем временем хасиды, которые, как известно, пострашнее и побогаче сталинистов-пенсионеров, требовали рукописи Достоевского из библиотеки Ленина «для изучения антисемитского наследия». Если следовать их логике, Андрея Соболя убил Достоевский и Сталиным не откупиться.

Превращать каждый раз низвергнутого тирана в козла отпущения уж как-то слишком элементарно. Даже доверчивый телезритель и тот не поверит. Или это уловка драматурга, его жертва ферзем, чтобы сказать о главном: Есенин – не самоубийца; Но жаль, что библейский язык клюевских строк, вынесенных в эпиграф и в название, в самом тексте низведен до шахматной композиции.

Странную версию о том, что Есенин мог пасть жертвой внутрипартийной борьбы на проходящем в те дни в Моск-

ве XIV съезде, борьбы между двумя группировками: ленинградской во главе с Зиновьевым и московской во главе со Сталиным, – развиваются и такие исследователи, как журналист О. Бишарев, писатели Ст. и С. Куняевы. При этом непомерно большое значение придается сомнительным записям «рапповца» А. Тарасова-Родионова, в которых он воссоздает свой последний разговор с Есениным 23 декабря 1925 года в пивной на Рождественке неподалеку от «Госиздата». Эти записи полностью опубликованы в сборнике «С.А. Есенин. Материалы к биографии» в 1992 году с расшифровкой зачеркнутого текста (он воспроизводится в квадратных скобках) и с пометкой издателя И. Евдокимова, кому они были переданы на хранение с разрешением опубликовать в далеком будущем. Пометка весьма существенная:

«Тарасов-Родионов никогда не вызывал во мне доверия, но тут есть зерна правды, только зерна»⁵².

По Тарасову-Родионову, в пивной на Рождественке, одобрав решительные действия Ленина и Троцкого по уничтожению крестьянства («согнули в баражий рог»), Есенин вдруг обрушился на Каменева со словами:

«[А вот Каменева, понимаешь ты, не люблю. Подумаешь – вождь. А ты знаешь, когда Михаил отрекся от престола, он ему благодарственную телеграмму закатил за это самоё из Иркутска]. Ты думаешь, что (если) я беспартийный, то я ничего не вижу и не знаю. [Телеграмма-то эта, где он мелким бесом семенит перед Михаилом, она, друг милый, у меня]»⁵³.

А далее из разговора выясняется, что этой телеграммы у Есенина нет. Она спрятана у надежного друга, который, конечно же, по первой просьбе Есенина покажет ее такому надежному человеку, как прекрасный писатель, «настоящий художник» Тарасов-Родионов, чтобы удовлетворить его маленькое любопытство.

В примечаниях к публикации этих воспоминаний отмечено:

«Л.Б. Каменев (вместе со Сталиным и бывшим делегатом IV Государственной Думы от партии большевиков М.К. Мурановым) выехал из сибирской ссылки сразу после получения известий о падении самодержавия и прибыл в Петроград утром в воскресенье 12 марта 1917 г. Факт подачи им (с дороги?) благодарственной телеграммы Михаилу Александровичу, чье отречение было опубликовано 4 марта вместе с манифестом об отречении Николая II, трудно проверить. Еще менее объяснимо то, что телеграмма оказалась почему-то в руках у Есенина. Еще летом 1917 г. в печати промелькнуло сообщение о том, что Каменев провозгласил здравицу отрекшемуся Михаилу Александровичу на банкете, устроенном в Томске в честь проезжающих через город политэмигрантов. Видимо, Есенину запомнилась эта информация, спустя восемь с лишним лет приобретшая в его устах характер мистификации»⁵⁴.

А теперь допустим, что писатель-«рапповец» первым поверил этой явной мистификации и пересказал кому-то весь разговор, возможно, в Госиздате, где он работал редактором, пересказал, ну, например, Анне Абрамовне Берзинь, связанной, как и он сам, с чекистами. Кстати, это именно при ее участии издавалась и переиздавалась поэма «Песнь о великом походе», где действительно упоминается наркомвоенмор Троцкий. И все же трудно поверить, что даже прыткая Анна Абрамовна, по словам Есенина, «набитая дура, подлица», побежала дальше докладывать об этом полупьяном разговоре, ведь в предполагаемой телеграмме – благодарность (возможно, саркастическая) за «отречение», а не за восшествие на престол, как почему-то утверждает исследователь О. Бишарев⁵⁵. Но вряд ли с помощью Есенина даже сегодня можно сделать из Каменева монархиста. Слишком велика натяжка.

А от правды, как ни юлят добровольные защитники власть предержащих, все равно не уйти.

Я давно переписываюсь с создательницей народного музея Сергея Есенина на мурманской земле в поселке Рослякове В.Е. Кузнецовой. На открытии музея Сергея Клычкова в Талдоме Валентина Евгеньевна рассказала мне о своей встрече со Всеволодом Рождественским в Ленинграде в начале 70-х. Известный советский поэт посоветовал ей не заниматься вопросом о гибели Есенина, признав, что разговоры об убийстве Есенина велись с самого начала. На вопрос, а можно ли об этом думать, пытаться понять, ответил, что можно, и посоветовал обратиться к архиву Павла Лукницкого, который, по его словам, был секретарем похоронной комиссии и имел доступ ко многим материалам. О своей встрече в 1975 году с вдовой Павла Лукницкого Валентина Евгеньевна сообщила в музей Сергея Есенина в Константинове, но там, видимо, не решились прикоснуться к этим материалам.

И вот, наконец, одно из свидетельств Павла Лукницкого благодаря публикации старейшего литератора Л.В. Горунуга прорвалось в печать. И оно оказалось прямым доказательством убийства поэта: «один глаз навыкате, другой – выпуклый». Следовательно, Акт судебно-медицинского эксперта А.Г. Гильяревского сфальсифицирован. Поэт принял мученическую смерть.

Порой биографы Есенина задают мне вопрос: «А почему только у Павла Лукницкого написано об этом? И почему другие молчали?» Что им ответить на это? Видимо, все по той же причине, по которой молчали наши прославленные есениноведы, хранители документов. Одно из самых сильных чувств, на которое способен человек, воспитанный в условиях тоталитарного режима, – это страх, и не только элементарный, но и глубокий метафизический, страх перед бездной, в которой канул Сергей Есенин.

На страницах «Нового мира» (1990, № 1) читаем:

У «Ночного дозора» я стоял три минуты,
и сигнал загудел, изгоняя туристов.
Я бежал, я споткнулся о чекан Бенвенуто,
растолкал итальянок в голландских батистах.
Что-то мне показалось, что-то мне показалось,
что все это за мною, и мой ордер подписан,
и рука трибунала виска мне касалась,
и мой труп увозили в пакгаузы крысам.
Этот вот капитан – это Феликс Дзержинский,
этот в черном камзоле – это Генрих Ягода.
Я безумен? О нет, даже не одержимый,
я – задержанный только с тридцать пятого года.
Кто дитя в кринолине? Это дочка Ежова.
А семит на коленях? Это Блюмкин злосчастный.
Подведите меня к этой стенке – и снова
я увижу ее и кирпичной и красной.
Заводите везде грузовые моторы,
пусть наганы гремят от Гааги до Рима.
Это вы виноваты, ваши переговоры
словно пули в десятку – в молоко или мимо.
И когда в Бенилюксе запотевшее пиво
проливается в остром креветочном хламе,
засыпайте в ячменном отпаде глумливо,
ничего, ВЧК наблюдает за вами.
Вас разбудят приклады «Ночного дозора»,
эти дьяволы выйдут однажды из рамы.
Это было вчера, и сегодня, и скоро...
И тогда мы откроем углы пентаграммы.

Евгений Рейн

А вот мнение Василия Белова, высказанное им в Институте мировой литературы:

«Примеры нашей трусости можно приводить бесконечно. Даже в этих стенах Института мировой литературы. Смотрите, какое название! Но в этом институте существует комиссия, например, по установлению правды о смерти Есенина. Эта комиссия, возглавляемая ученым человеком, критиком, писателем, из кожи лезет вон, чтобы утвердить лживую вер-

сию о самоубийстве Есенина. То, что это версия лживая, никто сейчас из здравомыслящих и честных людей не сомневается. Но комиссия, организованная при *ИМЛИ*, доказывает, что нет – Есенин был самоубийца.

Можно говорить много на другие темы, подтверждающие нашу общую трусость. И благодаря этой нашей трусости нас и уничтожают. По частям. Республику за республикой. Государство за государством»⁵⁶.

Неудивительно, что Василия Белова после этого выступления не включили в Комитет по проведению 100-летия со дня рождения Сергея Есенина, созданный при Союзе писателей России. Председатель Комитета – Ю.Л. Прокушев, со-председатели – В.Н. Ганичев, И.Ш. Машбаш, С.Ю. Куняев, В.В. Сорокин. Как всегда, кто-то проведет вечер в Колонном зале, а кто-то издаст книгу. И в писательской среде свое разделение возможностей... договариваются. И тут уже не до гибели сотоварища по перу поэта Ивана Лысцова, автора книги «Убийство Есенина». Официальное заключение: «утопление». А на посмертной фотографии, опубликованной в газете «Будущее России», 1994, № 3, – сильнейшая травма лба. Расследование не проводилось. Говорят, в верхах существует мнение, что в поэтах заложена склонность к самоубийству. Не правда ли, это звучит как самооправдание?

Дети безрассуднее отцов: у них все впереди. Они хотят знать правду, всегда обоюдоострую, разным людям ненужную в силу разных причин и во все времена. Кстати говоря, грядущий Европейский Дом, а вслед за ним Мировой Дом я воспринимаю как самую крайнюю форму тоталитаризма без границ, где правда будет за семью печатями.

Доверим ли мы тогда хоть клочку бумаги наши сомнения и потаенные мысли? Посмеем ли крикнуть, как закричала Зинаида Райх на похоронах Есенина?

«Сережа! Ведь никто ничего не знает...»

Значит, она знала, и кто-то еще знал или догадывался, а другие либо не знали, стоя в толпе, либо не смели знать, побывав в «Интернационале» у тела поэта. Вот и об этих словах Зинаиды Райх на могиле Есенина, которые требовали хоть какого-то объяснения, никто не посмел рассказать в своих мемуарах. Они остались в неопубликованных воспоминаниях Натальи Петровны Приблудной, написанных в 70-е годы.

Вокруг Есенина много таинственных, неожиданных смертей. И опрометчивая Зинаида Райх, и неукротимая Изадора Дункан погибли насильственной смертью.

Американская танцовщица, которая успела написать только первую страницу воспоминаний о своей жизни в большевистской России, где она встретила Есенина, удушена шарфом в автомобиле. По словам ее ближайшей подруги Мэри Дести, шарф, а точнее, шаль попала в колесо гоночного автомобиля, когда он тронулся с места. Изадору провожали двое: Мэри Дести, в будущем автор мемуаров, и некто Иван, «русский паренек, который, как считалось, работал ежедневно над фильмом» о великой танцовщице. Он и накинул на ее плечи тяжелую красную шаль с длинной бахромой в тот прохладный, ветреный вечер.

Ее танец-игра с шарфом завораживал зрителей. В ее руках кусок простой ткани ожидал, превращаясь в сильного и ловкого апаша. Казалось, не она, а он ведет этот акробатический танец. Но, постепенно теряя над ней власть, он вновь превращался в шелковый шарф – и она, одержав победу, топтала его ногами. Глядя на этот загадочный танец, можно ли было представить себе, что в самой тайнотписи игры был заложен иной вариант конца?

Не менее загадочна и смерть Зинаиды Райх. Она убита в 1939 году у себя на квартире вскоре после ареста Мейерхольда, человека, который оберегал и сдерживал эту непокорную, искреннюю, импульсивную женщину.

О гибели Зинаиды Райх ее сын Константин Есенин в 1967 году писал:

«Насколько мне известно из весьма солидных источников, по делу матери были осуждены три совершенно между собой не связанные бандитские группы». И далее из того же письма Матвею Ройzmanу: «Всякие разговоры о моем “неесенинском” происхождении, конечно, мне давно были известны. Известна и реплика, приписанная Мариенгофом отцу: “Есенины черными не бывают”.

В то же время фотографию мою отец носил в своем бумажнике до последнего дня»⁵⁷.

Обратите внимание: до последнего дня и даже до последнего часа жизни. Когда я прочла эти строки, мне подумалось, что разорванная фотография сына на полу гостиничного номера – это одна из деталей инсценировки самоубийства. В схему, рассчитанную на обывателя, должна была войти и вероломная женщина. Последняя жена поэта, слишком серьезная Соня Толстая, на эту роль не подходила. Тогда пришлось заглянуть в далекое прошлое. Биография поэта была хорошо известна «друзьям», а тут и фотография под рукой. Я не утверждаю, что все детали инсценировки были заранее хорошо продуманы. Видимо, допускался и некоторый экспромт и дальнейшая обработка сюжета в свидетельских показаниях, статьях, очерках, книгах⁵⁸.

Очень больно читать воспоминания о поэте «Свидание с другом» Надежды Вольпин, от которой Есенин ушел, оставив ее с маленьким сыном на руках⁵⁹. Все, даже признание поэта о давней, глубокой обиде на мать, которая поспешила ему, мальчику, заболевшему тифом, сшить саван, трактуется как проявление «шизофрении» и тяга к самоубийству. Такого диагноза поэту не добились от специалистов даже вездесущие есениноведы.

И последнее. Такого выражения лица у самоубийц не бывает. Я слышала об этом от многих людей, включая профес-

сиональных следователей, а также художников, скульпторов, которым довелось увидеть посмертную маску поэта.

Ольга Константиновна Дитерихс, мать Сони Толстой, волею судеб теща Есенина, написала в письме подруге:

«Его мне было жалко, только как погибшего человека, и уже давно погибшего. Но когда я подошла к гробу и взглянула на него, то сердце мое совершенно смягчилось, и я не могла удержать слез. У него было чудное лицо (несмотря на то, что какие-то мокрые и прилизанные волосы очень меняли сходство), такое грустное, и скорбное, и милое, что я вдруг увидела его душу и поняла, что, несмотря на все, в нем была хорошая, живая душа»⁶⁰.

Остановимся здесь. Не будем читать другие письма Ольги Константиновны с жалобами на зятя, тем более что даже в письме к близкой подруге Ольга Константиновна многое вынужденно умалчивает. По словам ее внука Александра Ильича Толстого, в семье существовала запретная тема – трагедия самой Сони, связанная с ее первым избранником. В восемнадцать лет она вышла замуж за Сергея Сухотина, офицера, кстати говоря, принимавшего участие в убийстве Григория Распутина, и этот брак оказался более чем несчастным. Пишу об этом для тех, кто пытается изобличать поэта на основании некоторых писем тещи и ее родственников⁶¹. Последний раз взглянув на Есенина, она все же что-то поняла, в отличие от всех этих специалистов по сбору компромата на поэта, которому якобы ничего не оставалось делать, как наложить на себя руки.

А разрыв с Соней действительно был тяжелым. Он написал ей резкое письмо из больницы. И оскорбленная Толстая пришла и выстрелила в него из пистолета, который, ложась в больницу, он оставил дома. Этот случай замяли. Но врач *Петр Михайлович Зиновьев*, естественно, рассказал обо всем своей дочери Наташе, поскольку в тот самый день Есенин

В Москве в Доме печати на Никитском бульваре.

В центре мать и сестра Катя, у головы – З. Райх с Вс. Мейерхольдом.

ушел из больницы и его надо было разыскать (по воспоминаниям Натальи Петровны).

Перед отъездом в Ленинград он зашел к Соне за вещами. В комнате были сестры и еще кто-то из посторонних. Он так спешил и был так на всех разобижен, что даже не стал прощаться...

Смеркалось. Двоюродный брат Илья помог погрузить вещи на извозчика. И они тронулись в путь. Все, что он видел: деревья, улицы, снег, – как всегда, обращалось в слова.

Поэт – заложник молвы и легенды. А мы обратимся к фактам.

Литератор, врач по профессии Иннокентий Оксенов, который присутствовал при снятии маски, оставил дневниковую запись:

В гробу (фрагмент)

«В гробу он был не так страшен, ожог замазали, подвели брови»⁶².

Акта, подписанного судебно-медицинским экспертом Гиляревским, где ожог не зафиксирован, он, разумеется, не читал, но в самом начале своей дневниковой записи после предположения «ожог» поставил знак вопроса, явно не доверяя слухам, но и не смея их опровергнуть.

Разговоры об убийстве Есенина, разумеется, были. Но все, что противоречило официальной версии, в советскую печать проникнуть не могло. Так, подробно рассказав о вечере памяти Есенина, который прошел в Московском камерном театре 4 января 1926 года, газеты «Правда» и «Известия» ничего не сообщили о накаленной до предела обстановке в зале. А из информации собственного корреспондента парижской газеты «Дни», опубликованной 15 января, мы узнаем: «...некоторые лица из публики требовали изгнания из зала убийц Гумилева и Есенина». Реакция власть имущих была

В Доме печати. В почетном карауле А. Эфрос и Вс. Мейерхольд

однозначной. Через четыре дня после этого вечера поэтам и писателям, членам творческих союзов, было запрещено принимать участие в вечерах памяти Есенина без особого на то разрешения, чтобы не было «спекуляций». Полностью текст постановления, принятый 8 января на объединенном правлении Союза поэтов и Союза писателей, опубликован в «Красной газете» (9 января 1926 г.). Комментируя это постановление, парижская газета «Дни» писала о «приказе поэтам и писателям» (19 января).

А тем временем правоохранительные органы в Ленинграде словно следили за мановением руки заинтересованного лица из верхнего эшелона власти. После оглашения 18 января в Московском Художественном театре письма Троцкого о самоубийстве Есенина (читал Качалов) с последующей публикацией в «Известиях» 20 января, в тот же самый день «Дело»

было закрыто за отсутствием состава преступления, в чем и расписались заведующий столом дознания Вергей и его начальник Хохлов⁶³.

Ночь с 27-го на 28 декабря 1925 года унесла жизнь Сергея Есенина. Так мы привыкли думать. А теперь знаем, благодаря свидетельству А.Л. Назаровой, что поэт погиб поздно вечером 27 декабря в воскресенье. Вольф Эрлих ушел от Есенина в 6 или 8 часов вечера (здесь возникает разнотечение со свидетельским показанием Г. Устинова), потом вернулся на некоторое время и прибыл в гости к Михаилу Фроману в десятом часу. Очевидно, Есенина уже не было в живых или он умирал. Около 11 часов вечера позвонили коменданту гостиницы Василию Назарову и вызвали для инструкций. И всезнающий Троцкий писал, что Есенин погиб 27 декабря.

После похорон Есенина, благодаря поискам, проведенным Сергеем Клычковым (из воспоминаний В. Ардова), стало известно, что часа в три ночи по коридору кто-то ходил и вошел в соседний номер⁶⁴. Но тут же возникли предположения, что поэт повесился «случайно», желая «пошутить», возможно, напугать Эрлиха, который в это время мог очутиться в гостинице. Разработка этой версии принадлежит Георгию Устинову, которого нашли в петле 10 декабря 1932 года, на следующий день после того, как он, наконец, пообещал в частной беседе (кстати говоря, в канун годовщины товарищеского суда над поэтами) рассказать о последних часах жизни Есенина. Мемуары Устинова не столь отточены, как воспоминания его жены Елизаветы Устиновой и Вольфа Эрлиха, который, будучи поэтом, писал виртуозно легко.

Из письменных воспоминаний Георгия Устинова, опубликованных в 1926 году:

*Отец Иван, тайно отпевший Сергея
в церкви Казанской Божьей Матери в Константинове*

«...Он ехал в Ленинград не умирать, а работать...

Весь этот самый последний день Есенина был для меня мучительно тяжел. Наедине с ним было нестерпимо оставаться, но и как-то нельзя было оставить одного, чтобы не нанести обиды. Я пришел к нему днем. Есенин спал при спущенных шторах. Увидев меня, он поднялся с кушетки, присел ко мне на колени, как мальчик, и долго сидел так, обняв меня одною рукою за шею. Он жаловался на неудачно складывающуюся жизнь. Он был совершенно трезв. Потом в комнату пришли. Есенин пересел на стул, читал стихи, – и опять “Черного человека”. Тяжесть не проходила, а как-то усиливалась. Усиливалась до того, что уже было трудно ее выносить. Что-то невыразимо мрачное охватило душу, хотелось что-то немедленно сделать, но что? Под каким-то предлогом я ушел к себе. Вскоре ушел и Эрлих. Есенин остался один. Часов в десять вечера Эрлих заходил к нему»⁶⁵.

А вот более ранняя публикация того же автора: из книги Георгия Устинова «Литература наших дней» (М., 1923). С 1926 года эту версию насаждают (первый, и поэтому аккуратно) Лев Троцкий, неистово – Карл Радек, Алексей Крученых, Николай Бухарин, и нет им числа...⁶⁶

В 1923 году Георгий Устинов писал:

«Пролетариат нанес жестокий удар собственности. Ни Блок, ни Орешин с Есениным и Клюевым не понимали, что центральным пунктом идеологии организованного революционного пролетариата является уничтожение частной собственности. Они принимали революцию лишь внешне. У них не было революционного осознания, – осознания ее материальности и целесообразности. Она их захватывала лишь своим внешним видом, как движение. Но когда они увидели ее настоящий смысл, крестьянские деды и прадеды возмутились в их анархо-мужичьей душе. Первым отошел от революции автор “крестьянской марсельезы” Николай Клюев, сознавшись, что как бы там ни было, а ближе его

Уму – республика,
А сердцу – Мать-Русь...

У Есенина большевизм тоже не настоящий. “Мать моя родина, я – большевик” – это звучит для подлинного большевика фальшиво, а в устах Есенина как извинение – извинение все перед той же дедовской Россией. Впрочем, в дальнейшем Есенин совершенно отрекся от своих “большевистских” заблуждений. Рязанский кулак может спать спокойно. Сын вполне оправдал его доверие.

Все мы яблоко радости носим
И разбойный нам близок свист...

Есенин никуда не ушел от Клюева...»⁶⁷.

*По пути на Ваганьковское кладбище. Гроб несут
(слева направо) А. Соболь, Б. Пильняк, П. Орешин,
Лебедев-Полянский, В. Наседкин, Вс. Иванов*

Это строки из главы «Психобандитизм». А следующий заголовок звучит как приговор: «Осуждены на погибель».

«Чуют ли поэты свою гибель? Конечно. Ушла в прошлое дедовская Русь, и, вместе с нею, с меланхолической песней отходят и ее поэты.

По мне Пролеткульт не заплачет,
И Смольный не сварит кутью, —

меланхолически вздыхает Николай Клюев. И Есенин — самый яркий, самый одаренный поэт переходной эпохи и самый неисправимый психобандит, вторит своему собрату:

Я последний поэт деревни...

У памятника Пушкину, 31 декабря 1925

Есенинский Пугачев – не исторический Пугачев. Это – Пугачев-антитеза. Пугачев-противоречие тому железному гостю, который “пятой громоздкой чащи ломит”, это Пугачев-Антонов-Тамбовский, это лебединая песня есенинской хаотической Руси, на короткое время восставшей из гроба после уже пропетого ей Сорокоуста...»⁶⁸

И последнее предупреждение:

«Теперь уже совершенно очевидно, что если в творчестве Есенина не произойдет поворота, его поэтический путь можно считать законченным»⁶⁹.

– Я Божья дудка, – ответил поэт.

На могиле Есенина в годовщину смерти идет панихида. Снег – саван и белое полотно жизни. Горят на ветру свечи.

Агнца Божия проповедавше, и заклани бывше яко же агнцы, и к жизни нестареемой, святыи, и присносущней представльшеся, Того прилежно, мученицы, молите долгов разрешение нам даровати.

В путь узкий хождши прискорбный, еси в житии крест яко ярем вземии, и Мне последовавшим верою, приидите, насладитесь, ихже уготовах вам почестей и венцов небесных...

Глава 7

Божья дудка в руках фарисеев

27 мая 1993 года. Вознесение. Неуловимый солнечный свет проникает сквозь пыльные стекла и, отражаясь в каждом из нас, ускользает.

– Никто Сергея Александровича не вешал. И за ноги не тянул, – так закончил свою речь старший прокурор Н.Н. Дедов на конференции, посвященной обстоятельствам гибели Сергея Есенина, в ИМЛИ им. А.М. Горького на Поварской.

Ведущий, председатель Есенинского комитета, руководитель научной группы ИМЛИ по подготовке академического собрания сочинений С.А. Есенина, он же председатель Комиссии по расследованию обстоятельств гибели поэта, Ю.Л. Про-кушев снисходительно улыбнулся ошеломленному залу.

С места поднялся автор очерка «Тайна гостиницы «Англете́р», следователь, заслуженный работник МВД Э.А. Хлысталов и задал два вопроса:

– Случается ли, что прокуратура закрывает дело об убийстве?

– Бывает, – последовал ответ.

– И второй вопрос. Назовите хоть одно доказательство самоубийства Есенина.

Прокурор замялся. И ведущий пришел на помощь:

– Это в общем ясно.

– Да, ясно в общем, – согласился прокурор.

К этому времени я уже ознакомилась с «Заключением экспертов» под грифом Бюро Главной судебно-медицинской экспертизы Минздрава России и с одним из экземпляров этого документа, любезно предоставленным мне экспертом С. Никитиным, подошла к микрофону. Как член Комиссии по расследованию обстоятельств гибели поэта¹ я имела право на выступление, а тем более на вопросы. А далее последовали события, о которых говорят по-разному.

Я сказала, что в этом документе, в его исследовательской части, – *все доказательства убийства Есенина*. А выводы обратные. Зачитала отрывки. Разумеется, я всех поставила в известность, что беру один из экземпляров на изучение. Оказывается, это не всем понравилось.

К моему изумлению, на следующий день раздался телефонный звонок и майор МУРа сообщил мне, что поступило заявление от С. Никитина, Э. Хомяковой, А. Маслова, А. Дегтярева, И. Демидова по поводу кражи документа в ИМЛИ, а это уголовное дело. И попросил зайти.

К счастью, майор МУРа оказался настоящим профессионалом и быстро во всем разобрался. Он отказал истцам в возбуждении уголовного дела против их оппонента в дискус-

ции и признал за мною полное право на изучение документов комиссии, членом которой я являюсь.

Вглядываясь в посмертные фотографии поэта, он заметил, что такой травмы головы за всю свою практику еще не видел. А потом со вздохом добавил, что, конечно, и его могли бы уговорить. Что ж, человека служивого уговорить действительно можно.

А теперь позвольте задать вопросы авторам «Заключения», судебно-медицинским экспертам В.О. Плаксину, В.Н. Крюкову, С.А. Никитину и С.С. Абрамову.

В Акте судебно-медицинского эксперта А. Гиляревского, составленном 29 декабря 1925 года в Обуховской больнице, отмечается, что смерть наступила от «асфиксии, произведенной сдавлением дыхательных путей через повешение». А разве оно не могло быть насильственным? В подобных случаях, как говорят специалисты, важно установить наличие травм, следов борьбы. Вы полагаете, что их недостаточно? Все это повреждения случайные, ненасильственные, частично отмеченные в 1925 году А. Гиляревским и теперь уже полностью его коллегами?

Если на лице поэта действительно всего лишь след от трубы парового отопления, на языке науки «вдавление от длительного контакта с цилиндрическим предметом, наиболее вероятно горячим», тогда почему на слепке кисти правой руки, которой он «захватился» за трубу, «каких-либо участков, похожих на раны или ожоги, не обнаружено»?

Если под правой бровью «кожная складка» с «подсыхающей вершиной», тогда почему на фотографиях с подлинных негативов М.С. Наппельбаума зияет черная круглая пробоина со «светлым ободком», которая полностью по «локализации» совпала с «кратером» на посмертной маске?

И наконец, почему эксперимент проводился с трубой, а не с канделябром, ведь на посмертной маске «в лобной области

видна выступающая площадка с дугообразным контуром», что соответствует фотографии от 29 декабря в Обуховской больнице? Не в насмешку ли над экспертами убийцы оставили его на самом видном месте? Или очень спешили? На фотографии 5 номера гостиницы «Интернационал»-«Англер-тер» с подлинного негатива он на переднем плане и обращен к нам своей дугообразной подставкой с круглыми шипами, два из которых, видимо, и оставили свой след на лице поэта под правой бровью и чуть выше левой.

По мнению экспертов, раны легкие, о чём якобы свидетельствует «динамика изменения» цвета от серого к черному на фотографиях, снятых 28-го и 29 декабря 1925 года? Но разве можно оттиски однодневной давности с подлинных негативов сравнивать со снимками без негативов, которым шестьдесят шесть лет? Или фотографии не темнеют?

А комната, залитая кровью? И этого мало? Темные пятна с размытым контуром (а это, несомненно, кровь, а не вода из графина. – Н. С.) обнаружены на ковре и тумбе во время последних исследований фотографии 5 номера гостиницы с подлинного негатива. О «сгустках крови» на полу и о «полнейшем разгроме» в комнате сообщалось в газетах со слов очевидцев. Неужели все это из-за восьми строк, написанных двумя каплями крови и к тому же утром 27 декабря?

В «Заключении экспертов» отмечено, что на шее отпечаток «витой веревки», а дальше, у позвонков, возможно, «отпечаток ремня или широкой тесьмы». Тогда почему в Акте А.Г. Гиляревского об этом сказано иначе: «...ширина борозды с гусиное перо», и никаких намеков на отпечаток шириной «почти в два раза больше» у шейных позвонков (столь похожий на рану)? И как тут не вспомнить, что о разрыве шейных позвонков обмолвились люди отнюдь не случайные, например Г. Устинов?

Встречаются и другие противоречия с Актом А.Г. Гиляревского. Например, согласно последним данным (см. фотографии

с подлинных негативов), носовые отверстия забиты «светло-серой массой». А в Акте А.Г. Гиляревского они «свободны».

И отчего так и не было проведено сопоставление Акта от 29 декабря 1925 года с записями секретаря похоронной комиссии Павла Лукницкого, где отмечено: «один глаз навыкате, другой – выпукл», что соответствует выводам патофизиолога проф. Ф.А. Морохова из Санкт-Петербурга, члена Комиссии по расследованию обстоятельств гибели Сергея Есенина.

Читатель, взглянувшись в лицо поэта. Все эксперты признали: негативы подлинные, стеклянные черно-белые, без фальши.

И не надо объяснять перелом носа падением с лошади летом 1924 года и выискивать горбинку на фотографиях 1925 года. В лучшем случае найдете один сомнительный снимок, только один (с Л. Леоновым).

Патофизиолог проф. Ф.А. Морохов пишет: «...”замечено” и не замечено то, что было необходимо “заметить” и не заметить». И далее: «Объективный анализ травм позволяет сделать вывод, что Есенину был нанесен сильный удар...» Это из доклада, который Федор Александрович предполагал прочесть на конференции, но его пригласили слишком поздно.

В том же докладе Ф.А. Морохов высказывает свои сомнения относительно научности подготавливаемого академического собрания сочинений Сергея Есенина под главной редакцией Ю.Л. Прокушева, поскольку биографию поэта так нещадно искажают.

По мнению правнука Л.Н. Толстого Александра Ильича, последнего обитателя и хранителя квартиры, где жил Сергей Есенин со своей женой Соней Толстой перед роковым отъездом в Ленинград, Комиссия «нарушила презумпцию невиновности Есенина в самоубийстве» и с самого начала попыталась подтвердить официальную версию, приняв ее за «рабочую гипотезу». Александр Ильич говорил, что такое в науке иногда, к сожалению, случается. К примеру, из 1000 фактов 300

за рабочую гипотезу и 700 – против. Нередко отбрасывают лишние 700. Так оно и случилось на конференции в ИМЛИ в присутствии старшего прокурора Н.Н. Дедова, призванного проследить за соблюдением законности в процессе дознания и подытожить результаты расследования.

Позвольте задать вопрос и старшему прокурору Н.Н. Дедову. Почему во главе Комиссии по расследованию обстоятельств гибели Сергея Есенина оказался автор книг о поэте-самоубийце, лицо, заинтересованное в подтверждении изложенной им версии в многочисленных изданиях? А в результате – сокрытие важнейших документов, например записей секретаря похоронной комиссии Павла Лукницкого, которые были переданы есениноведу самим Лукницким еще в 60-е годы. К счастью, не единственный экземпляр. Уцелел и другой, который недавно появился в печати благодаря стараниям старейшего литератора Л.В. Горнунга. Видимо, эпоха научила Павла Лукницкого осторожности, и он разослал свои записи по разным адресам.

Так спустя шестьдесят шесть лет после гибели поэта у нас появилась возможность сопоставить документы. Правда прорывается, иногда приоткрываются забытые архивы, неподвластные суете дней.

Но как это мучительно трудно признать власть имущим, что поэта убили власть имущие! А может быть, мы «нездолго до развязки» попробуем понять Сергея Есенина и все, что он сказал?

И что значат все наши споры в миру, если Вечность уже приняла поэта как убиенного! У входа в церковь Казанской Божьей Матери в Константинове звонит одинокий колокол по убиенному Сергию.

И чье-то сердце отзовется.

На картине московской художницы Зои Мироновой, написанной к 100-летию со дня рождения Сергея Есенина и к 70-летию со дня его гибели, изображены две силы. С одной

стороны мать поэта, не поверившая в самоубийство, а с другой — профессиональные террористы, захватившие власть. Вот вам и ответ на вопрос: почему так долго все молчали? Как сказал вскоре после гибели Сергея Есенина его приятель Виктор Мануйлов, есть четыре вида искусства: жить, любить, терпеть и молчать. И это было кредо не одного поколения.

Откликаясь на мою книгу «Златоглавый. Тайны жизни и гибели Сергея Есенина», которая вышла в 1995 году, английская писательница, исследовательница жизни и творчества Сергея Есенина Джесси Дэвис отметила, что, к сожалению, правду о Сергееве Есенине, «Поэтической душе России», приходится собирать по крупицам. В апреле 1996 года я получила от нее письмо: «Поздравляю Вас с книгой — это большая работа, и я прочла с наслаждением. Даже перечла и каждый раз находила что-то новое. Ваши исследования в архивах — просто славные и дали мне информацию, которую я раньше не имела...» Далее английская писательница подчеркивает, что можно понять, почему в те годы люди с душой и сердцем жили «двойной жизнью».

О чём исследователи спорят?

В 1998 году вышла книга Виктора Кузнецова «Тайна гибели Есенина», где рассматривается версия ареста Есенина чекистами на перроне вокзала сразу по прибытии в Ленинград. А все, что было потом, включая «Англетеर», по утверждению Виктора Кузнецова, — инсценировка, призванная скрыть убийство поэта на допросе. Так что споры идут вокруг обстоятельств убийства Есенина. Я склонна доверять ближайшим друзьям поэта: Николаю Клюеву, Ивану Приблудному (в то время они жили в Ленинграде), а также Сергею Клычкову, который провел свое частное расследование и специально приезжал в Ленинград для сбора информации о последних днях Сергея Есенина. Никто из них никогда не ставил под

*Криминалист Ю. Дубягин на обсуждении книги Н. Сидориной
в ЦДЛ 19 января 1996. Фото В. Шерстюкова*

сомнение факт проживания Есенина в «Англете». В противном случае они нашли бы способ оставить хоть какой-то намек на то, что Есенин до гостиницы не доехал.

Виктор Кузнецов цитирует «Дневник» Иннокентия Оксенова. Запись от 29 декабря 1925 года. Вчитаемся в эти строки. «Вчера около 1 часа дня в “Звезде” я услыхал от Садофьева, что приехал Есенин, и обрадовался. Затем я поехал во Дворец Труда; заседание кончилось в 2 ½ часа, и у ворот я купил “Красную вечерку”. Хорошо, что мне попался экземпляр с известием о смерти, иначе я в этот день до вечера ничего не знал бы» (журн. «Москва», 1995, № 9).

К тому же сохранилась доверенность на имя В. Эрлиха, подписанная Есениным 27 декабря.

Глава 8

Аукцион

Конец XX века. Торгуют всем, что попало под руку. Что там в этих ларьках в потоке дней на оживленных улицах? Все, как привиделось Николаю Клюеву в тех далеких странных снах, которые люди назвали провидческими: в одном ларьке идет торг одеждой, пропитанной кровью, в другом – человечиной, а дальше на прилавке – голова друга.

И вот мы входим в стены Института мировой литературы Академии наук на Поварской, а там аукцион среди бурной, по словам поэта, октябрьской грязи. 4 октября 1997 года, незабвенная дата, ведь стреляли четыре года назад в центре Москвы в день рождения Есенина. И сегодня там горят поминальные свечи. А здесь, по белым мраморным ступеням вхожу в зал, чтобы увидеть все своими глазами. Заведенный механизм набирает обороты. Их не остановишь ни открытым письмом,

опубликованным в самой читаемой газете, ни просьбами, ни предсказанием: «Смертью не торгуют. Это плохо кончается для продавцов и покупателей». Там, где торг, люди бесстрашные, с каким-то особенным инфернальным блеском в глазах.

Человек в красном галстуке с молоточком в руках зычным голосом выкрикивает числа: 17, 60, 66, 87, 88.

В каталоге значится: «Есенин С. 4 фотографии в гробу на следующий день после смерти. Размер 18x23,5 см. Фотокорреспондент Р. Кармен. Снимки сделаны в Доме печати, где был установлен гроб с телом покойного. 4 500 000=».

Цифры пляшут: 8 млн. 700; 9 млн. 500; 11 млн. 500; 12 млн. Удар молоточком. Проданы.

Бегло пробегаю глазами каталог.

«ДОРОГОЙ ДРУГ!»

4 октября 1997 года Вы имеете редкую возможность стать участником своеобразного, волнующего праздника-аукциона любителей и знатоков русской литературы и искусства. В этот день Российский благотворительный фонд имени С. А. Есенина, при поддержке своих учредителей, и прежде всего Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии наук, проводит Первый благотворительный Есенинский антикварно-букинистический аукцион...

Участвуя в аукционе, Вы сможете не только пополнить и расширить Ваше личное собрание редких книг, автографов, но, что не менее значимо, оказать посильную финансовую поддержку Фонду Есенина в его просветительской и благотворительной деятельности.

Заметим также, что аукцион, помимо всего прочего, – это и своеобразное театральное действие, где каждый пришедший на него является его зрителем и участником одновременно...»

На какую «благотворительность» пойдет выручка, спросите, пожалуйста, в фонде.

Кто-то уносит фотографии, на которых «видно лицо Есенина со следами побоев» (из описания аукционных лотов в «Независимой газете» 25 сентября). Торг продолжается.

Лот 91. Есенин С. А. (1895–1925). Посмертная маска поэта работы скульптора И. С. Золотаревского (декабрь 1925 г.). Гипсовая копия из первой серии отливок. Экспертное заключение Суд.-мед. экспертизы прилагается. 10 000 000=.

Посмертную маску Есенина выносят на обозрение зала. На ней удивительное выражение «с высоты звездной».

Никто не купил. Выхожу на улицу с чувством «народ безмолвствует» – и точнее Пушкина не скажешь. Перехожу Куринскую площадь (бывшая пл. Восстания) и вместе с догнавшим меня членом Русского исторического общества Анатолием Корнеевым подхожу к поминальным крестам под нависшей глыбой Белого дома, заново побеленного. Первая надпись на стене стадиона: «Здесь был расстрелян Николай Веревкин. 17 лет». Горят свечи.

А дальше стоит крест «Отцу Виктору, мученику за народ». И здесь народ безмолвствует, но как-то иначе. Жива память. На этом месте перед надвигающейся лавиной отец Виктор поднял свой крест, и что-то изменилось в мире. Те, кто пришли сюда сегодня, подспудно чувствуют: пока стоят эти поминальные кресты и горят свечи (и никто не смеет их тронуть), жива Россия.

И есть в ней Есенинское поле притяжения. Оно и притягивает, и отпугивает, как последняя правда, которую хотелось бы исказить. Соблазненные берутся за перо и пишут поэтический ландшафт смерти. Одна статья так и называется – «Для чего уходят поэты. Смерть Есенина как творческий поступок». Автор переиначил и мою точку зрения на происходящее вокруг гибели поэта. Он пишет: «Зашитники “версии” следуют другой логике – логике идеологического изживания затаенной обиды, жажды реванша. Ressentiment-a. Когда речь идет о сведении счетов с “силами мирового зла, развернувшими геноцид против народов России” (Н. Сидорина) и погубившими “прорицца, заглянувшего в бездны” (она же), о каких сантиментах, о каком

уважении чувств родственников, христианских обычаев может идти речь: выкопать останки!» (Сергей Николаев в «Ex libris НГ», 1997, 2 октября).

Думаю, эксгумация не потребуется. Слишком многое совпадает и свидетельствует об убийстве поэта. Хотя, как говорят монахи Псково-Печерского монастыря, в самой идее эксгумации нет ничего кощунственного, ведь обретение мощей в традициях Русской православной церкви.

О силах «мирового зла» и о «геноциде» первым заговорил ближайший друг Сергея Есенина Алексей Ганин, причем как христианский мыслитель (тезисы «Мир и свободный труд народам»), за что и был расстрелян в марте 1925 года, за несколько месяцев до гибели Сергея Есенина.

А что касается «счетов», то Есенин писал:

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зароюсь в снегу...
Все же песню отмщенья за гибель
Пропоют мне на том берегу.

Не пугайтесь, он сказал: «песню».

Теперь о есенинских «Цветах», завороживших современного исследователя. Именно эти строки о «гробовой дрожи», которую поэт приемлет как «ласку новую», процитировал впервые в «Некрологе» Л. Д. Троцкий, но при этом проговорился и поспешил «усыновить» поэта, в траурных рамках уже не столь опасного.

Однако подлинный поэт не вмещается ни в какие рамки. Да, его можно сравнить с цветком. Но разве мы те цветы, которые сами себя срезают и ставят в вазочки? Хотите сравнить его с птицей? Но птицу убивают влет.

Правда прорывается. Так это и случилось на страницах сборника «Смерть Сергея Есенина. Документы. Факты. Версии» (Материалы Комиссии Всероссийского писательского Есенин-

ского комитета по выяснению обстоятельств смерти поэта. М., «Наследие», 1996), несмотря на установку составителя во что бы то ни стало подтвердить госверсию о самоубийстве поэта. Сужу о случившемся не со стороны, а как член Комиссии, работа которой проводилась, мало сказать, недобросовестно. Подробно я рассказала об этом и в газетных, и в журнальных, и в книжных публикациях, где самоубийство Есенина рассматривается как фальсификация XX века. Эту точку зрения разделяют и некоторые другие члены Комиссии: профессор патофизиолог Ф.А. Морохов из Санкт-Петербурга, заслуженный работник МВД Э.А. Хлысталов, врач, судмедэксперт Е.В. Черносвитов, о чем свидетельствуют многие публикации. Выступая в стенах ЦДЛ, криминалист Ю.П. Дубягин подчеркнул, что сопоставление разных материалов убеждает: «Есенин сопротивлялся до последнего вздоха». Крайне негативную оценку работе Комиссии дали юристы В.П. Виноградов и И.П. Козлов. Нельзя не обратить внимания и на выступления Виктора Правдюка и Виктора Кузнецова, независимых исследователей из Санкт-Петербурга, которые прикоснулись к материалам, не заинтересовавшим официальных исследователей. За телевизионными передачами Виктора Правдюка следила вся страна, все, кроме председателя Комиссии Ю.Л. Прокушева. Так и осталось без внимания со стороны Комиссии чрезвычайно важное выступление Н.Н. Брауна. Со слов отца, писателя Николая Брауна, который выносил тело Есенина из гостинично-го номера, он рассказал о страшных травмах, нанесенных поэту: «вытекший глаз, травма шейных позвонков». Скульптор Н.В. Томский, в свое время привезший посмертную маску Есенина из Ленинграда в Москву, говорил своим ученикам, что травму лба при снятии маски сгладили пластилином (свидетельство скульптора Н.А. Селиванова). В книге Павла Лукницкого «Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924–1925» читаем: «Есенин мало был похож на себя. Лицо

его при вскрытии исправили, как могли, но все же на лбу было большое красное пятно, в верхнем углу правого глаза — желвак, на переносице — ссадина, и левый глаз — плоский: он вытек» (Paris: YMCA-Press, 1991).

Внимательно изучая материалы Комиссии, я заметила, что их исследовательская часть не соответствует выводам. И по сей день я не могу добиться ответа на вопросы, давно заданные мною специалистам. И вот теперь аукцион. Запущен пробный шар. Как говорит зав. отделом рукописей *ИМЛИ* Михаил Айвазян, один из организаторов аукциона, «у нас предполагается 90 % продаж» («Независимая газета», 1997, 25 сентября). А цена большая, причем одна для всех, кто поспешит в этот храм изящной словесности на стук молоточка. Как сказал поэт:

Все в единой графе считаются
Однаково — business men...

А далее:

Вот где вам мировые цепи.
Вот где вам мировое жулье.

А в ответ с Международных Есенинских чтений из стен Института мировой литературы:

— Четыре фотографии Есенина в гробу со следами побоев — четыре с половиной миллиона рублей. Кто больше?

Неужели они не ведают, что творят?

* * *

Аукцион состоялся. Фотографии выкуплены журналистами, маску уже после аукциона приобрел *ИМЛИ*.

А ведь все это могло исчезнуть — как говорится, и концы в воду. Достаточно заглянуть в «Правила аукционных торгов»:

«1.3. Участником аукциона (покупателем) может стать любое юридическое или физическое лицо, независимо от гражданства, кроме лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, а также ограниченно дееспособных.

1.4. Единственным условием для регистрации в качестве покупателя для физического лица является получение им аукционной карточки с номером участника. Для юридического лица кроме этого необходимо наличие гарантийного письма с обязательством полностью оплатить купленные лоты».

К счастью, на аукцион попали не все фотографии. А если эти документы с такой легкостью и ловкостью распродавались с аукциона председателем Комиссии по выяснению обстоятельств смерти С.А. Есенина, то почему мы должны ему доверять? И что стоит отписка из ведомства В.П. Баранникова, помещенная в сборнике «Смерть Сергея Есенина. Документы. Факты. Версии», о том, что ни Вольф Эрлих, ни Георгий Устинов в кадрах ОГПУ-НКВД не состояли, что Яков Блюмкин в Ленинград осенью 1925 года по этой линии не командировался, что гостиница не подчинялась ОГПУ. У исследователей, которые прикоснулись к ленинградским архивам, совсем иные данные. Например, уже установлено, что Яков Блюмкин прибыл в Ленинград 22 декабря 1925 года. Более того, в городе помимо бригады Блюмкина работали еще две другие, а именно: бригады Я.С. Агранова и М.Д. Бермана, прибывшие из Москвы в напряженные дни XIV съезда партии.

Бывший директор Особого архива А.С. Прокопенко пишет: «Исследователи причин смерти Сергея Есенина давно пришли к выводу о прямой причастности к гибели поэта ОГПУ. И документы об этом есть в КГБ, да вот уже семь десятилетий не дают читать их. Ради одного только снятия греха самоубийства с души великого поэта должны быть названы поименно нечестивцы, оборвавшие его жизнь» («Архивы снова закрываются» – Известия, 1997, 25 сентября).

Устроители аукциона с этой публикацией, несомненно, знакомы, прочли и мое открытое письмо «Первые Есенинские торги. Улики на продажу», опубликованное в «Советской России» 2 октября, и не остановились. Предпочли продать то, что является материалом Комиссии по выяснению обстоятельств смерти С.А. Есенина, или должно было им стать.

Правда, дирекция и Ученый совет ИМЛИ приняли решение поддержать мое предложение о возбуждении уголовного дела по факту гибели Сергея Есенина в связи с новыми открывшимися обстоятельствами (Советская Россия, 1997, 18 октября). Обратилась в Генеральную прокуратуру и племянница поэта Светлана Петровна Есенина дочь любимой сестры Шуры.

Наверное, мы все попали в Есенинское поле притяжения, и он нас не отпустит, пока не будет окончательно установлена истина. Есенин писал:

Суждено мне изначально
Возлететь в немую тьму.
Ничего я в час прощальный
Не оставлю никому.

Но за мир твой, с высокой звездной,
В тот покой, где спит гроза,
В две луны зажгу над бездной
Незакатные глаза.

И думается, он нас всех видит.

Эпилог

На исходе XX века ярмо самоубийцы с великого русского поэта так и не сняли, отговорились другими заботами и делами.

После телевизионного фильма «Сергей Есенин. Ночь в «Англете», из цикла «Тайны века» (ТВ, I канал, 16 марта, 2004), в котором прозвучали разные точки зрения, в том числе и моя, на канале «Культура» появилась авторская программа Льва Аннинского « Серебро и чернь» о поэтах Серебряного века. И опять зазвучало как реприза: «Три поэта были казнены. Еще три казнят себя сами».

Показали Марину Цветаеву, загнанную в угол в Елабуге. В случае с Маяковским поговорили об альтернативной точке зрения на гибель поэта как о неком досадном курьезе. А с Есениным, оказывается, все ясно.

До свиданья, друг мой, до свиданья...

И поэта в очередной раз пригласили на казнь. По условиям сценария поэт должен казнить себя сам, то есть выступить в роли палача.

И вдруг я поймала себя на мысли: а ведь сегодня Страстная Пятница. И Спаситель несет свой крест. 9 апреля 2004 года от Р.Х. Неужели совпадение? Или все это так и было кем-то задумано? Или это материал так сопротивляется и не поддается режиссеру, захватившему эфир? Наверно, так почти незаметно и происходит смена эпох на стыке тысячелетий. Сергей Есенин – поэт, победивший время.

Смерть, где твое жало?

Все эти годы Россия была на трудном пути к последней правде о Сергеев Есенине, и значит – о себе самой. Он – самое лучшее и нежное, что есть в русском человеке. И поэтому не надо пугаться трудной правды о нем.

Образ Есенина – талантливого самородка от сохи, в конце концов спившегося и наложившего на себя руки, унизителен для всех, кто любит поэта.

Государство перемолото на своих жерновах лучшие всходы. И существует такое понятие, как государственная тайна –

В гостях у Есениных. С. Безруков входит в роль поэта. Сидят: Н. Сидорина, С. Есенина, внучка Шура. Стоят: Н. Гусева и С. Безруков

правда за семью печатями. Но она прорывается, словно река в половодье. Настает новое время.

6 февраля 2005 года по I каналу телевидения повторно показали документальный фильм «Сергей Есенин. Ночь в «Англете», где я привожу доказательства убийства поэта, о которых рассказывается в этой книге.

А вслед за документальным фильмом выходит художественный телесериал с участием Сергея Безрукова, который, как я заметила, глубоко чувствует судьбу поэта.

Хочется верить, Россия – больше не глухонемая. Она будет вслушиваться в свои корни на пепелище истории и культуры. Изменились очертания страны. Мы много потеряли. И если что-то приобрели, так это возможность вырваться из тисков лжи, которая любит рядиться в одежду Истины. Так будем достойны светлого имени Сергей Есенин. Он воскресает из «самоубийц» как мученик за Россию.

Смерть, где твое жало?

Память – вещая река

* * *

Поэта убивают за стихи.
Когда поэт – один за дверью,
Пред ним его черновики,
В самоубийство не поверю!

Поэта убивают за любовь,
Любовь к России, что невеста
При входе в Храм, где смрад и кровь
И не осталось святы места.

Поэта убивают за слова.
Когда поэт в зените славы
И видится, что он глава
Духовной крепости державы.

Всегда подыщутся слова,
И объяснения, и вздохи...
На куполах взросла трава,
И взорван памятник эпохе.

Поэта убивают за стихи –
Неукротимую стихию,
Где чернозем – черновики.
Но Слово воссоздаст Россию.

* * *

Как снять ярмо самоубийцы
С поэта, родины и птицы?
Стреляют влет и судят разом –
И слух ползет, ползет проказа.
Позор и слава. И бессмертье.
Он просит, требует: «Поверьте!»

За ним – российские деревни
И мир могучий, цепкий, древний,
Поля и храмы на холмах,
Россия на семи ветрах...
Где черной речкой обернулась
Дорога белая в снегу,
Блеснет и спрячется во мглу.
Стреляют влет – и ист отсрочки,
И в окровавленной сорочке
Кладут на белую постель.
В дни Рождества мстет метель...

К Есенину

Ответ Мариенгофу

Руки царя Ирода,
Нежные как женщина на заре,
Почему, почему не нашли вы выродка,
Родившегося в Назарее?

A. Mariengof

Для тебя эти притчи морей,
Толчая синих волн. Не укрыться.
Возвеличат. Откроют музей,
Где на троне сидел убийца.

Ты ему говорил, что он
Чувства родины не имеет.
И теперь наш малиновый звон
Твоей кровью святою рдеет.

Руки Ирода ищут тебя.
Над Вселенной раскинулись руки.
Кто сквозь смерть проходил... любя,
Превозмог эти крестные муки.

Поэт и ветер

Налегке приходит ветер,
налегке.
Ветка дерева колышется в руке.
Говорит он: — Ты не странник и не гость.
Принимай рябины спелой
красну гроздь.
От корней идет
по всей земле молва:
будто сноп, ложится
в поле голова.
Будут бить цепами
по твоим словам.
Я тебя тогда в обиду
не отдам.
Загляну к тебе
в ту комнату в потьмах
и вселю в глазищи ворам
лютый страх.
Ну а если я к тебе
не прилечу,
по тебе зажгу
потухшую свечу. —
А поэт смеется
и ему в ответ:
— Если тьма объяла
неоглядный свет,
неужели та
посмертная свеча
и для жертвы вечной,
и для палача?
Или правда на ветру
гореть свечам,
где теперь стоит над бездной
белый храм?

Смерч

За Есениным вслед
 Был Васильев убит.
 Двадцати семи лет.
 По призванью *тиит*.
 Враги думали: смерть,
 Он исчез навсегда.
 Нет, промчался, как смерч.
 А за ним – лебеда.
 Его смерть глубока,
 Глубже снов и могил,
 Его смерть, как река, –
 Он ее переплыл...
 Он на том берегу,
 Где собирается рать.
 Здесь на талом снегу
 Тех следов не сыскать.
 Только песня растет
 И звенит вдалеке,
 Словно тронулся лед
 На могучей реке.

Россия

В этом доме, где окна пустые,
 Днем и ночью гудят сквозняки,
 Продолжается время Батыя,
 Стоит запах кочевья, тоски.

Не на крыльях, в когтях у свободы
 Постигаем понятие «плен».
 Это рушатся крепкие своды.
 Мирозданье осталось без стен.

Не даю на прощанье обета.
 Как молитву, твержу «не забудь».
 И четыре стороны света
 Мне ложатся крестом на грудь.

Санталово. Велимир Хлебников

Там звонкие
 и чистые ручьи
 стекают с отрогов Валдая,
 с его холмов –
 широких склонов земли,
 и вдаль бегут,
 пути не зная...

Тогда черемуха цвела,
 шумела пеной прибоя...
 В его окно, белым-бела,
 влетала ярою пургою.
 Он в этой баньке умирал.
 В пути обмерзли ноги.
 По волнам Каспия скучал,
 в узлы взял дороги.
 Потом в Ручьи
 его свезли
 и там земле предали,
 и всей душой своей тогда
 он обнял эти дали.

* * *

Чистого неба
 звездная мұка,
 может, мукой
 на земле обернется,

вылепит сумерки,
дом и часовню.
Ночь, разыгравшись,
их тут же разрушит.
Нам черепки собирать
и лелеять.
Чашу разбитую
склеить, пригубить
и захлебнуться
огромностью мира.
Он разрушает,
жалеет и любит.
С правдою этой
свыхаются люди,
лепятся к миру
душой обновленной,
все перемелется,
все образуется.
Небо сдирают
и рядят, и судят.
Кто порастащил
его на одежду,
кто – на столы
и на скатерти белые,
только оно
все равно полыхает,
что бы мы с ним
ни творили, ни делали.
Надо его и занизить,
и сгладить:
звездная пыль
проедает нам кожу –
больно глядеть
на высокое небо,
страшно услышать
высокое Слово.

Памяти Сергея Клычкова

Поэт Журавлиного поля
 И талдомских хвойных лесов
 Расстрелян, как птица. Доколе
 Ты в песне России без слов?

Ты в песне дорог и овинов,
 И в крике глухих городов,
 Где помнят России равнины
 И белые храмы холмов,

Где помнят... не помня, о Боге
 И верят в тот Праведный Суд
 В конце бесконечной дороги,
 Где ангелы душу несут.

Олонецкое солнце

Николаю Клюеву

Когда Россия призовет пророков,
 из глубины лесов,
 где солнце олонецкое зарыто,
 придет поэт,
 освободивший слово
 от наслоений времени и тлена,
 и Слово-Свет
 прольется на людей
 и породит поэтов,
 которые пророчества забудут
 ради стихов,
 на музыку похожих,
 на пенье птиц,
 призывный голос ветра
 у входа в мир,
 простой в своей основе
 и напоенный Светом.

Памяти Николая Клюева

Он был России сыном кровным –
Там, где лежит, растет трава.
«Не признаю себя виновным» –
Его последние слова.

Там нет креста, и нет могилы.
Пустая, мертвая земля.
Ей не хватает, видно, силы
Смерть обратить в луга, поля...

Храм на крови, источник света,
Златая маковка во мгле,
Ищи, зови, буди поэта,
Родник, иссохший на земле.

И мы пойдем ему навстречу:
Разлука с Вечностью горька.
Его могучей звонкой речью
Бурлят и пенятся века.

* * *

И помянут пляскою дервиши
Сердце-розу, смятую в Нарыме.
Н. Клюев

Надежды нить
так призрачно тонка.
Пусть свой ковер
оставит Пенелопа!
Остаток Вечности
в Нарыме будет пить
воспевший там, в аду,

гелиотропы.
 Остаток Вечности...
 как будто бы к губам
 мы небо поднесли
 и жизни расплескали.
 Я вижу храм.
 Ты видишь хлам.
 Мы оба угадали.

Диалог

– Россия – опытное поле.
 – Грешно над матерью шутить.
 Эксперимент? И поневоле
 разучишься ее любить.
 – Россия – опытное поле.
 Перелопатить. Перелить.
 – Скажи, пожалуйста, доколе,
 доколе коршуну кружить?

Он целый век кружит над нами,
 ворвавшись в мир из темноты,
 как истребитель над лугами,
 где, может быть, играешь ты.

* * *

Где меняют
 любимых на новых,
 там меняют
 Россию на ветер.

Ветер странствий
и привкус свободы,
что не стоит, увы,
междометий.
Ну, а женщина
в землю врастает
и ветвями уносится
в небо.
И полмира
с собой заслоняет
от высокого
горного гнева.

***

Ксении Некрасовой

Ей был отмерен
краткий срок.
Она трудилась
как пчела.
Закрылся
мироздания цветок.
И в люльку мглы
она легла.

***

Поэзия
сродни юродству?
Поэт – открыт
юру и миру.

И сила чувств,
как первородство,
ему так мало
подсобила!
Вы думали, поэт –
глазатай.
Какое там, он самый
сирый.
Бывает так,
и безлошадный
крестьянин
ищет правду мира.

* * *

Зашитник прав и рогозей,
Дымится бездна перед нами!
Там на развалинах церквей
Тяжелый рок гремит цепями.

Аукцион, где с молотка
Все продается, даже страны.
Но память – вещая река,
Ломает лед, вскрывая раны.

Но память – вещая река,
Течет как свет и не убудет.
Да не опустится рука
Дающегого: «Берите, люди!»

***

И шестикрылый Серафим
На перепутье мне явился...

A. C. Пушкин

Так выжигали
память о прошлом,
будто не знали:
на чистом месте
образ возникнет —
высокий и чистый
образ России,
как образ невесты.

Все образа поснимали.
В горенье,
в пламени яром
восстало из пепла
Солнце крылатое,
словно из пекла
в белое поле
сбежал Серафим.

Наши снега
погасили пожары.
Белые храмы
и в небе Стожары
тихо взошли над землей.

Памяти Игоря Талькова

Когда в распахнутые дали
Уходит песня о России,
Мы говорим: «Не убивали
Певца российской ностальгии».

Нам кажется, что все случайно.
 Венок, плывущий по рукам,
 Где тьма и свет, порыв и тайна.
 И дай нам Бог построить храм.

Вот остается холмик малый.
 Там все торжественно и просто.
 В Москве пустые пьедесталы
 В преддверье нашего сиротства.

Смешают жертвы с палачами
 И вновь сокроют преступленье.
 Его закрытыми очами
 Гляжу на это наводненье.

Когда в распахнутые дали
 Уходит слово о России,
 Мы вдруг очнемся: опоздали
 Стоять на поздней литургии.

Похороны ветра в октябре

Стреляли в день рождения Есенина.
 (Из дневника)

От Дома Ипатьевых
 к Белому
 дороги России легли.
 По следу окаменелому
 куда нас витии вели?
 Имперское знамя и красное
 над площадью ветер колышет.
 Из пушек стреляют,
 и пламя
 врывается в окна и ниши.

Но кто эти залпы услышит?
Там дети и женщины, люди
из разных пределов России.
А те, кто стреляют, иуды.
Чем платят за муки Мессии?
Чем платят за муки и слезы
поруганной нашей России?
Богатством, землею, но дозы
опасны для нашей стихии,
готовой подняться из плена,
разрушив свои берега.
Душа неизбывна, нетленна
и в эти минуты строга
в своем обращении к Богу,
в готовности мир испросить...
Инвестор летит на подмогу
свой гвоздик и здесь вкотить.
Посланцы внимают Иуде:
торгует он телом России.
Что будет? – Не знаю. Но будет.
Лишь первые всходы скосили...
Так тихо. И ветер не дует,
как в землю его схоронили.

Читая Апокалипсис

По благословению владыки Иоанна, архиепископа
Белгородского и Старооскольского

Мы живем во времена апокалиптические. Сбываются пророчества апостола Иоанна Богослова. Планете грозит экологическая катастрофа. Семь труб возвестили о начальных бедствиях. Горят леса, отравлены многие источники, реки, моря. Но есть время одуматься. Ведь Суд начнется с мира упорствующего, ожесточенного, отрекшегося от Спасителя. Трудно читать Откровение Святого Иоанна, но семь чащ гнева Господня истолковываются однозначно. Это полное поражение природы. Зло многолико, и оно усиливается. Святой Иоанн, тайнозритель, зовет за собой всех бодрствующих. Вот почему так много толкований у этой книги. Высочайший уровень обобщения в Апокалипсисе позволяет каждому заглянуть не только в судьбы мира, но и в свою душу.

Эти строки возникли 17 июля 1999 года в преддверии дня Сергия Радонежского неподалеку от Троице-Сергиевой лавры. 17 июля — день особый. Накануне большого церковного праздника темные силы ожесточаются и, словно в воронку, утягивают за собой мир. Не случайно именно 17 июля была расстреляна царская семья. И это годовщина гибели близкого мне человека. Открыв в этот день Апокалипсис и прочтя его трижды, я вдруг поняла, что все уже было, есть и будет. Таков закон Вечности, по которому упраздняется время. Другими словами, у каждого времени свой Апокалипсис. Все пророчества Святого Иоанна сбылись и сбываются. Вот почему в каждую эпоху вспоминали об антихристе.

Понять, расшифровать зло — это уже одержать над ним некоторую победу. И такую возможность нам дает Откровение

Святого Иоанна. Он точно указал, что зло будет неоднократно появляться в образах зверя, лжепророка и блудницы.

Зверь — неуемная дерзкая сила, которую подпитывает лжепророк. И всегда найдется блудница, блудливая идея, чтобы оседлать зверя. Зло — пародия на добро, и оно выступает в трех ипостасях.

Каждое время — последнее для того, кто живет в нем. А дальше день восьмой и воскресение из мертвых. Тем, кто жил до нас, было не легче и не труднее прикоснуться к живой Вечности. Казалось бы, круг жизни замкнут, но есть силы, способные его разомкнуть. В древности писали о кругах ада и о семи небесах. Все повторяется на круги своя — точная формула жизни.

Когда Святой Иоанн оказался на острове Патмос, он взглянул в бездну времени и услышал плеск Вечности. Беспредельная радость всегда под рукой, но мы спешим отдернуть руку, как от огня. Иоанн Богослов жил неспешно, вслушиваясь в настойчивый и ритмичный шум моря. Над головой только небо. Блеск далеких звезд не казался холодным. Он уже ощутил испепеляющую силу слова. Древние книги писались на свитках. И он стал читать священную книгу с чувством ужаса, трепета и надежды. Что успел запомнить — запомнил и записал, но не простыми словами, а тайнописью образов. Есть ли ключ к расшифровке?

Я думаю, что есть, и предлагаю его в первой строке, из которой возникли и все остальные.

I

У каждого времени свой Апокалипсис.
 И небо закручено в свиток тугой.
 Когда же хоть в чем-то сумеем покаяться
 Над этой отравленной нами рекой?

Однажды украдкой мы взглянем на небо,
 А там приоткрыта для каждого дверь.
 Что было — то будет. А может быть, не было?
 Из моря всегда появляется зверь.

В обличье героя, всегда полководец,
 Народы ведет на погибель и смерть.
 Всегда патриот, иногда инородец,
 Он смертью измерить пытается твердь.

— Откуда он взялся? — дивятся народы.
 И остров, и горы — его колыбель.
 Пока не сомкнутся высокие своды,
 Весь мир перед ним как заветная цель.

Развалины града, руины державы.
 Все мало ему. Ненасытная пасть.
 По трупам идет в ослеплении славы.
 Из бездны пришедшему — в бездну упасть.

Блудница на нем как всегда восседает.
 Прошла до него по земле саранча.
 Он яростно бьется и всех побеждает,
 Но гибнет пришедший с мечом — от меча.

Так разные страны в обличии зверя
 Отчаянно бились за власть на земле.

И Ангел, серпом пожинающий время,
До срока стоял, незаметный во мгле.

Блуднице казалось, что всех опоила
Вином сладострастья: царя и купца —
И будто из бездны идущая сила
Растет беспредельно, не зная конца.

Блудница — не женщина. Город? Идея,
Влекущая зверя весь мир покорить?
Семерка правителей, рабски потея,
Готова блуднице всегда услужить.

Один из семерки, правитель великий
И есть этот самый неузнанный зверь.
Питается кровью земли многоликой,
Ничьих не считая несметных потерь.

В погибель пойдет. Так записано в Книге,
Которую Ангел в руке протянул.
Слова в ней тяжелые, словно вериги,
Апостолу дал и крылами взмахнул.

II

*Чудеса Святой земли***Звезда Вифлеема**

Вечное чудо.
Простая пещера.
Бегство в Египет
С младенцем из плена.
Так начинается
Новая эра.
Ходит по мукам
Звезда Вифлеема.
Где просияет
И в ком отразится,
В песню вплетает
Все вещая птица.
Падают камни,
Сгорая во мгле.
Ярко сияет
Звезда на земле.

19 января. Крещение

Иордан! Иордан!
Только раз в году
Твои воды текут
как положено, вспять,
где Содом и Гоморра
и мир в бреду.
Но и Мертвое море
умеет внимать.

И деревья тогда
свои ветви кладут
на остывшую ночью
соленую землю,
и огни сквозь туман
загораясь идут,
чтобы ты им сказал
еле слышно: «Приемлю».

Этот мир как тогда
пред тобой, Иордан,
в ожиданье Святого Крещенья.
И на миг отступают
и мгла, и туман,
будто есть и для нас
прощенье.

Пасха

От Гроба Господня
огонь загорится.
Весь мир тот огонь
облетит, словно птица,
на Светлую Пасху
откроет сердца,
и радости вешиней
не будет конца.

Высокое небо
не знает предела.
Ты слышишь, как арфа
призывно запела.
У Гроба Господня
Небесные Силы.
И мертвые скоро
покинут могилы,
восстанут из гроба,
восстанут из ночи.

Все так, как на паперти
нищий пророчит.

Константинополь

Никогда я не был на Босфоре...

Сергей Есенин

Константинополь.
Собор Софии,
Незримый город
среди Стамбула.
Осталось Слово
и лик Мессии
среди прибоя
в глубинах гула...

Где дуют ветры
и волны моря
сметают царства
по Книге Судеб,
но только с Вышним
уже не споря,
ведь волны знают:
что было – будет.

Под сводом храма
остались камни,
как будто эхо
далекой сечи,
напоминая
теперь о давнем.
А волны моря
так быстротечны.

Константинополь.
Собор Софии.
Незримый город
идет по водам.
И виден отблеск
в полях России.
И слышен отзвук
под вечным сводом.

Комментарии

Все цитаты из произведений Сергея Есенина даются по Собранию сочинений в 6-ти томах, т. 1 – 6. М.: Худож. лит., 1977–1980, кроме особо оговоренных случаев.

Письма цитируются по тому же изданию. Написание слова «Бог» и других религиозных понятий приводится с заглавной буквы в соответствии с русской православной традицией, которая искоренялась вплоть до 90-х годов.

Сокращения

Воспоминания, 1926 от «Сергей Александрович Есенин. Воспоминания». М.Л.: Госиздат, 1926.

Воспоминания, 1965 от «Воспоминания о Сергеев Есенине». М.: Московский рабочий, 1965.

ЕВС от «С.А. Есенин в воспоминаниях современников». В 2-х т. М.: Худож. лит., 1986.

МБ от «С.А. Есенин. Материалы к биографии». М.: Историческое наследие, 1992.

ГЛМ – Государственный литературный музей (Москва).

ИМЛИ – Институт мировой литературы им. А.М. Горького (Москва).

ИРЛИ – Институт русской литературы. Пушкинский Дом (С.-Петербург).

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва), (бывший ЦГАЛИ).

ЦМАМ – Центральный муниципальный архив Москвы (бывший ЦГАОР).

Пролог

¹ Бабенчиков М.В. Сергей Есенин. – ЕВС, т. 1, с. 239. Рукопись в РГАЛИ. Первая публикация в сб. Воспоминания, 1926.

² Текст письма приводится в главе 6.

³ Письмо опубликовано в журн. «Дальний Восток», 1991, № 6, с. 73.

Глава 1

¹ Есенина А.А. Родное и близкое. – ЕВС, т. 1, с. 56–57. Впервые воспоминания опубликованы в журн. «Молодая гвардия». М., 1960, № 7 и № 8.

² Там же, с. 69.

³ Есенина Е.А. В Константинове. – ЕВС, т. 1, с. 31–32. Впервые – в альм. «Литературная Рязань», 1957, кн. 2.

⁴ См., например, Девято-Хомяковский Г.Д. Правда о Есенине. – ЕВС, т. 1, с. 147. Впервые – в журн. «На литературном посту». М., 1926, № 4.

⁵ С.А. Есенин – М.П. Бальзамовой. М., 1913, октябрь. – Собр. соч., т. 6, с. 45–46.

⁶ С.А. Есенин – Г.А. Панфилову. М., 1913, 23 апреля. – Там же, с. 29–31.

⁷ Изряднова А.Р. Воспоминания. – ЕВС, т. 1, с. 144–145.

⁸ Чернявский В.С. Три эпохи встреч. – ЕВС, т. 1, с. 204. Рукопись в ГЛМ. Часть воспоминаний впервые опубликована в журн. «Звезда» М.–Л., 1926, № 4.

⁹ См. об этом подробнее в кн.: Юшин П.Ф. Поэзия Сергея Есенина. М.: Изд. МГУ, 1966.

¹⁰ Там же.

¹¹ Собр. соч., т. 5, с. 224.

¹² Вырубова А.А. Фрейлина Её Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М.: Советский писатель, с. 174.

¹³ Рукописный отдел ИРЛИ, р. 1, оп. 33. Первые публикации в 1991 г. в «Новом журнале», № 4 (предисловие А.И. Михайлова) и в газ. «Русская мысль», № 3862.

Глава 2

¹ Чернявский В.С. Указ, изд., с. 217.

² Устинов Г.Ф. Литература наших дней. М.: Девятое января, 1923, с. 39.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 40.

⁵ Чернявский В.С. Указ. изд., с. 215.

⁶ С.А. Есенин – А.В. Ширяевцу. Константиново, 1917, 24 июня. – Собр. соч., т. 6, с. 81–83.

⁷ Юшин П.Ф. Указ, изд., с. 227.

⁸ Там же.

⁹ Газ. «Литературная Россия», 1971, № 2, с. 7.

¹⁰ Об этих снегах Заполярья вспомнит Пимен Карпов через восемь лет в стихотворении, написанном на смерть Алексея Ганина (см. гл. 5).

¹¹ Городецкий С.М. О Сергеев Есенине. – ЕВС, т. 1, с. 185. Впервые – в журн. «Новый мир». М., 1926, № 2.

¹² Алданов М.А. Убийство Урицкого. – Наш современник, 1990, № 2, с. 176.

¹³ Там же, с. 183.

¹⁴ См., например: Мельгунов С.П. Красный террор в России. – М.: СП «РИСО»; «PS», 1990.

¹⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Победа контрреволюции в Вене. Собр. соч., 2-е изд., т. 5, с. 494.

¹⁶ Энгельс Ф. Демократический панславизм. – Там же, т. 6, с. 299, с. 305–306.

¹⁷ Ивнев Рюрик. Об Есенине. Свои воспоминания о Есенине неоднократно перерабатывал. Цит. по первому изд. в сб.: Воспоминания, 1926, с. 22.

¹⁸ Шершеневич В.Г. Кому я жму руку. – [М.] Имажинисты, [1921], с. 16, с. 23.

¹⁹ См. об этом в главе 5.

²⁰ Ройзман М.Д. Все, что помню о Есенине. М.: Советская Россия, 1973, с. 291.

²¹ Степан Дальний (Самсонов Д.). Воспоминания о Есенине. – Газ. «Саратовские известия», 1926, 3 янв.

²² Пяст В.л. Встречи с Есениным. – ЕВС, т. 2, с. 94. Рукопись хранится в РГАЛИ. Полная публикация в сб. Поэзия, вып. 41, М., 1985.

²³ Мандельштам О.Э. Слово и культура. Статьи. М.: Советский писатель, 1987, с. 176.

²⁴ Красная книга ВЧК. Т. I. – 2-е изд. М.: Политиздат, 1990, с. 257.

²⁵ Иванов Г.В. Петербургские зимы. – Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1952, с. 124–128.

²⁶ Ходасевич В.Ф. «Некрополь» и другие воспоминания. М.: Изд. ОПТЦ «Мир искусств», и журн. «Наше наследие», 1992, с. 262–275. Первое издание – Брюссель, 1939.

²⁷ «Дело № 10055» заведено на С.А. Есенина в МЧК по борьбе с контрреволюцией и преступлением, передано в Совнарсуд 27 января 1920. Хранится в ЦМАМ. Опубликовано в газ. «Щит и меч», 1990, № 1, с. 14.

²⁸ Этот случай, видимо, вспоминает Полетаев Н.Г. в очерке «Есенин за восемь лет» – в сб.: Воспоминания, 1926, с. 98. Выступление Есенина в записи Полетаева почти дословно совпадает с материалами «Дела № 10055», но дату Полетаев не уточняет.

²⁹ Шнейдер И.И. Встречи с Есениным. М.: Советский писатель, 1965, с. 81–82.

³⁰ ИМЛИ, ф. 32, оп. 5, ед. хр. 16, фотокопия.

Глава 3

¹ Христо Паков принял за песню бурлаков «Патетическую симфонию», а «Славянский марш» – за «Марсельезу» (прим. И. Шнейдера).

² Цит. по кн.: Шнейдер И.И. Встречи с Есениным. М.: Советский писатель, 1965, с. 39–40.

³ Там же.

⁴ Галинг. В школе Айседоры Дункан. – В журн. «Театральная Москва», М., 1922, № 32, март 21–26.

⁵ Чернявский В.С. Указ. изд., с. 222.

⁶ Шнейдер И.И. Указ. изд., с. 24–27.

⁷ С.А. Есенин – Р.В. Иванову-Разумнику. М., 1922, 6 марта. – Собр. соч., т. 6, с. 115.

⁸ Шнейдер И.И. Указ. изд., с. 28.

⁹ Бабенчиков М.В. Сергей Есенин. Указ. изд., с. 246.

¹⁰ Возможно, двадцать семь. По свидетельству родных, Есенин родился не в 1895, а в 1894 году. Дочь поэта Татьяна Сергеевна пишет: «Татьяна Федоровна поделилась с матерью (Зинаидой Райх. – Н. С.) одним своим секретом, она сказала, что Сергей родился не в 1895, а в конце 1894 года. В деревнях тогда так делали – выправляя метрику мальчику, омолаживали его, чтобы его годом позже призывали в солдаты». Сам Есенин, судя по всему, вряд ли слышал об этом от своей матери». – Газ. «Мир Есенина», Ташкент, 1992, № 2.

¹¹ Ходасевич В.Ф. Об Айседоре. – Газ. «Возрождение», Париж, 1927, 27 окт. Из современных исследований см. статью: Евгений Черносвитов. Знакомая маска: Айседора Дункан. – Газ. «День», 1993, № 5 (о возможной причастности Дункан к спецслужбам).

¹² Патриарх Тихон. Воззвание. К народам мира и православному человеку. Лето 1921. – Наш современник, 1990, № 4, с. 166.

¹³ Известия ЦК КПСС, 1990, № 4. На страницах «Советской России» одним из читателей газеты высказывается предположение, что этот документ, опубликованный недавно в ряде изданий, был подготовлен в аппарате В.И. Ленина, а не продиктован им лично. См.: Дьяков Вл. Перестроичная небылица про «кровожадного» Ленина. – Газ. «Совет-

ская Россия», 1992, № 126, 1 окт. Однако стиль и лексика документа ленинские, и он полностью отражает политику Партии и Правительства. Кроме того, в нем даются прямые указания тов. Калинину и тов. Троцкому.

¹⁴ К у н я е в С.Ю. Все начиналось с ярлыков. – Наш современник, 1988, № 9, с. 183.

¹⁵ См.: Т р о ц к и й Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. – Берлин: Гранит, 1930.

¹⁶ Хуан К об о. Убийца Троцкого: палач или жертва? – Газ. «Московские новости», 1989, № 12, 19 марта.

¹⁷ К р у ч е н ы х А.А. Гибель Есенина. – М.: издание Всероссийского Союза поэтов, 1926, с. 3. В дальнейшем свои «разоблачительные» брошюры А. Крученых издавал за свой счет (издание автора).

¹⁸ См., например, газ. «Книжное обозрение», 1988, № 40; журн. «Юность», 1988, № 11; газ. «Московские новости», 1988, 12, 13 ноября. В разгар перестройки, в юбилейный для Н.И. Бухарина год, Вяч. Воздвиженский и другие словно солидаризовались с автором «Злых заметок», а Лев Колодный принялся за реабилитацию Л.Д. Троцкого, который якобы вместе с Есениным противостоял «Черному человеку».

¹⁹ С.А. Есенин – Н.А. Клюеву. Москва, 1921, декабрь. – Собр. соч., т. 6, с. 111.

²⁰ Н.А. Клюев – С.А. Есенину, 1922, 28 января. – Вопросы литературы, 1988, № 2. В копии Н.И. Архипова – в отделе рукописей ИРЛИ.

Глава 4

¹ По воспоминаниям А.М. Горького. Первая полная публикация в книге Горький М. Воспоминания. Рассказы. Заметки. – Berlin, Kniga, 1927.

² С.А. Есенин – М.М. Литвинову. Дюссельдорф, 1922, 29 июня. – Собр. соч., т. 6, с. 122.

³ С.А. Есенин – А.М. Сахарову. Дюссельдорф, 1922, 1 июля. – Там же, с. 122.

⁴ Lola Kinel. Under Five Eagles. My life in Russia, Poland, Austria, Germany and America, 1916–1936. London, 1937, p. 232–236.

⁵ С.А. Есенин – Е.А. Есениной. Венеция, 1922, 10 авг. – Собр. соч., т. 6, с. 130–132.

⁶ По воспоминаниям И. Шнейдера, который через год совершил путешествие по стопам Дункан и Есенина.

⁷ Элис-Аленд — небольшой остров, где разместились следственные комиссии и карантин.

⁸ С.А. Есенин — А.Б. Мариенгофу. Нью-Йорк, 1922, 12 ноября. — Собр. соч., т. 6, с. 133—134.

⁹ М а р и е н г о ф А.Б. Роман без вранья. Циники. Мой век...: Романы. — Л.: Худож. лит., 1988, с. 108—109. Рукопись в Государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (Рукописный отдел).

¹⁰ Л е в и н В. Есенин в Америке. — Газ. «Новое русское слово». Нью-Йорк, 1953, 9—13 августа.

¹¹ Е с е н и н С.А. Страна негодяев. — ИМЛИ, ф. 32, оп. 3, № 55.

¹² Современный английский биограф Есенина Г. Мак-Вэй в книге «Esenin & Isadora» также пытается интерпретировать это происшествие, да и сам отрывок из «Страны негодяев» как проявление всевозрастающего «антисемитизма» Есенина. Если следовать этой логике, тогда почему бы не обратить внимание и на такие словечки в диалоге из «Страны негодяев», как «грязная морда» и «вонючие черемисы»? Помимо свидетельств В. Левина, опровергающих этот выпад против поэта, см. также рассказ Марины Цветаевой «Вольный проезд», впервые опубликованный в «Современных записках», 1924, № 21. Там в говоре простых людей возникают те же крепкие словечки, если угодно, ругательства, по отношению к революционерам, низвергателям народных устоев и веры. Не вдаваясь в этимологию слов (хотя ученые анализируют все слои языка вплоть до маты), писатели стремятся к точности изображения.

¹³ С.А. Есенин — М.Л. Брагинскому (псевдоним: Мани-Лейб). Нью-Йорк, конец янв. 1923. — Собр. соч., т. 6, с. 135—136.

¹⁴ С.А. Есенин — А.Б. Кусикову, 1923, 7 февр. Письмо найдено проф. Г. Мак-Вэем в архиве А.Б. Кусикова и впервые опубликовано в Англии в «The Slavonic and East European Review», (London, July 1968), Vol. 46, № 107, pp. 479—80.

¹⁵ Т р о ц к и й Л.Д. «Литература и революция». М.: Гос. изд., 1924, 2-е дополн. изд., с. 51—53. 1-е изд. книги вышло в 1923 г.

¹⁶ Г у л ь Р.Б. Я унес Россию. Апология эмиграции. — Россия в Берлине. 1981. Впервые эти воспоминания изданы в «Новом журнале», 1979, кнг. 136, с. 91—102.

¹⁷ С.А. Есенин — А.Б. Мариенгофу. Париж, 1923, весна. — Собр. соч., т. 6, с. 138.

¹⁸ Вариант стихотворения «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» по воспоминаниям Г.А. Бениславской. — РГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 122.

Г л а в а 5

¹ М и к л а ш е в с к а я А.Л. Встречи с поэтом. – ЕВС, т. 2, с. 64. Впервые – в «Учительской газете». М., 1960, 4 окт.

² Иван Приблудный и Георгий Есенин проходили по одному «Делу № 12175» и были расстреляны 13 августа 1937 года (по архивам КГБ). Первая публикация отрывков из «Дела № 12175» в журнале «Наш современник», 1992, № 3, № 9, № 10, № 11. В комментариях, к сожалению, есть неточности и даже ошибки. Следует уточнить: 13 августа с Георгием Есениным был расстрелян Иван Приблудный, а не Павел Васильев, как об этом сообщается в № 10, с. 165.

³ С т а р ц е в И.И. Мои встречи с Есениным. – В сб.: Воспоминания, 1926, с. 86.

⁴ Ч е р н я в с к и й В.С. Указ. изд., с. 230.

⁵ Интервью с Сашей Красным (Брянским А.Д.). Привкус Времени. – Газ. «Московская правда», 1991, № 151, 7 авг.

⁶ Е с е н и н С.А. Россияне. – РГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 66.

⁷ С. Есенин скрывался от преследования по разным больницам.

⁸ «Ст. 83. Агитация и пропаганда всякого рода, заключающая призыв к свершению преступлений, предусмотренных ст.ст. 75–81 (о преступлениях против порядка управления. – Н. С.), а равно в возбуждении национальной вражды и розни, карается лишением свободы на срок не менее одного года со строгой изоляцией... во время войны... вплоть до высшей меры наказания». – УК РСФСР, 1922.

⁹ Р ё й з м а н М.Д. Указ. изд., с. 256.

¹⁰ При публикации «Страны негодяев» эти строки неизменно опускались. Автограф хранится в рукописном отделе ИМЛИ.

¹¹ И в н е в Рюрик. О Сергеев Есенине. – ЕВС, т. 1, с. 345–346. Впервые – в сб.: Воспоминания, 1926. В переработанном виде – в сб.: Воспоминания, 1965 и в кн.: Р ю р и к И в н е в. Часы и голоса. М.: Советская Россия, 1978.

¹² Э р л и х В.И. Право на песнь. – Гл. Притча о цилиндрах. Л., 1930, с. 54–55.

¹³ Письмо в ЦК РКП(б). Москва, октябрь 1923. – Собр. соч., т. 6, с. 216.

¹⁴ Имеется в виду товарищеский суд в Доме печати.

¹⁵ Этот случай описывает азербайджанский биограф Сергея Есенина Гусейн Наджафов Дадош в кн. «Балаханский май» (Баку: Гянджлик, 1986, с. 34), а также заслуженный работник МВД Хлысталов Э.А., кото-

рый проводил независимое расследование обстоятельств гибели поэта. См. его очерк «Тайна гостиницы «Англер», впервые опубликованный в журн. «Москва», 1989, № 7. Один из источников информации – воспоминания Вержбицкого Н.К. «Встречи с Есениным» (Тбилиси, 1961). Однако в Баку, где находился штаб по проведению секретных акций ОГПУ в странах Ближнего Востока, Яков Блюмкин, как установлено, жил не под фамилией Ильин, а как «Исааков». См. об этом в МБ.

¹⁶ Г а н и н А.Л. Мир и свободный труд – народам. Тезисы. – Архив КГБ. Дело № 28980. Первая публикация в «Литературной России», 1992, № 4, 24 янв.

¹⁷ Первая публикация сб.: К у н я е в Ст. Ю. Времена и легенды. – М.: Современник, 1990, с. 59–60.

¹⁸ Воспоминания Бениславской Г.А., хранятся в РГАЛИ (ф. 190), частично опубликованы в кн.: Белоусов В. Сергей Есенин. Литературная хроника. – М.: Советская Россия. В 2-х ч., 1969–1970; и в сб.: ЕВС. Полностью – в МБ.

¹⁹ Имеется в виду художник В. Чекрыгин (*прим. М. Ройзмана*).

²⁰ Р о й з м а н М.Д. Указ. изд., с. 202–203. Требуется уточнить – 30 марта 1925 года многие были расстреляны: Петр и Николай Чекрыгины, молодые поэты из города Жиздры (видимо, братья погибшего художника Василия Чекрыгина, автора гениальных рисунков «Переселение людей в Космос» и др.), поэт Владимир Галанов из города Петракова, Виктор Дворянин, литератор, сын сельского священника Тверской губернии.

²¹ Стихотворение «История дурака» впервые опубликовано в газ. «Литературная Россия», 1989, 28 апр. с некоторыми цензурными правками, а затем без правок, но в сокращении в кн.: К у н я е в С. Ст. Огнепальный стих. – М.: Молодая гвардия, 1990. Рукопись – в РГАЛИ.

²² «Послание к Евангелисту Демьяну». – Впервые в кн.: Е с е н и н С.А. Избранные стихотворения. – Париж: Колос, 1927, с предположением, что эти строки принадлежат С. Есенину. Первая публикация в России в газ. «Книжное обозрение», 1990, № 39, 28 сент.

²³ А.М. Горький – В.М. Ходасевич. Италия, 1926, 13 янв. – Архив Валентины Ходасевич. Вошло в книгу ее мемуаров. Цитируется А. Яковлевым в очерке «Жертва вечерняя». – Журн. «Криминал», 1991, № 2, с. 233. Далее на той же странице фактическая ошибка: А. Соболь был не судьей, а защитником Есенина на товарищеском суде.

²⁴ А.М. Горький – Н.И. Бухарину. Италия, 1925, 13 июля. – Журн. «Известия ЦК КПСС», 1989, № 1, с. 246–247.

²⁵ С.А. Есенин – А.М. Горькому. Москва, 1925, 3 июля. – Собр. соч., т. 6, с. 190.

²⁶ Изряднова А.А. Указ. изд., с. 146.

Глава 6

¹ А се е в Н.Н. Три встречи с Есениным. – ЕВС, т. 2, с. 315. Впервые в сб.: Воспоминания, 1926, откуда и приводится последующая цитата (с. 185).

² В о р о н с к и й А.К. Памяти Есенина. – ЕВС, т. 2, с. 74. Впервые в журн. «Красная новь», М.-Л., 1926, № 2, а затем в книжке: Воронский А.К. Литературные записи. – М.: Круг, 1926.

³ ИМЛИ, ф. 32, оп. 2, № 33.

⁴ «Ст. 176. Хулиганство, т.е. озорные, бесцельные, с явным проявлением неуважения к отдельным гражданам или обществу в целом действия, карается принудительными работами или лишением свободы на срок до одного года». – УК РСФСР, 1922.

⁵ ИМЛИ, ф. 32, оп. 2, № 35.

⁶ Р о й з м а н М.Д. Указ. изд., с. 263.

⁷ Исправленный текст стихотворения – в фондах есенинского музея в Константинове.

⁸ Р у б и н ш тейн Л.Е. На рассвете и на закате. Воспоминания. – М.: Советский писатель, 1975, с. 44.

⁹ По свидетельству дочери Е.А Есениной, Натальи Васильевны, что подтверждается архивными документами: РГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 9. См. в МБ.

¹⁰ Э р л и х В.И. Указ. изд., с. 39.

¹¹ У с т и н о в а Е.А. Четыре дня Сергея Александровича Есенина. – В сб.: Воспоминания, 1926, с. 232–237.

¹² Т а б и д з е Н.А. Золотая монета. – В сб.: Воспоминания, 1965, с. 392. В том же году – в журн. «Литературная Грузия», Тбилиси, 1965, № 10. После смерти Нины Табидзе (1965) воспоминания редактировались, тогда-то и выпало свидетельство о стихотворении, написанном кровью.

¹³ По материалам Ленинградского телевидения. Программа «Пятое колесо», цикл передач о гибели Сергея Есенина, подготовленный драматургом А. Яковлевым в 1990 г. Сотрудничество Вольфа Эрлиха с организациями впервые было установлено по фотографии, на которой В. Эрлих в форме капитана НКВД – чин, до которого «еще надо дослужиться».

¹⁴ См. предыдущие сноски 10 и 11.

¹⁵ См.: публикация Веры Лукницкой по записям Павла Лукницкого в журн: «Аврора», 1988, № 2, а также полный текст этих записей далее в этой главе.

¹⁶ Разумеется, можно предположить, что «ночью пустили пар», но в акте судебно-медицинской экспертизы ожог не зафиксирован.

¹⁷ В и ноградская С.С. Как жил Сергей Есенин. – М.: Библиотека «Огонька», 1926, с. 15.

¹⁸ ИМЛИ, ф. 32, оп. 2, № 40–43.

¹⁹ ИМЛИ, ф. 32, оп. 4, № 96.

²⁰ Лукинцкая В.К. Перед тобой земля. – Л.: Лениздат, 1988, с. 368–369.

²¹ Городецкий С.М. Указ. изд., с. 184.

²² Ходасевич В.Ф. Цыганская власть. – Газ. «Возрождение». Париж, 1927, № 751.

²³ Полетаев Н.Г. Есенин за восемь лет. – В сб.: Воспоминания, 1926, с. 100.

²⁴ Интервью с Меликsetяном А.С. «Англтер». Ловушка поэту. – Газ. «Комсомольская правда», 1990, 8 сент.

²⁵ С.А. Есенин – Е.А. Есениной. Тифлис, 1924, 17 сент. – Собр. соч., т. 6, с. 154.

²⁶ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. – М.: Советский писатель, 1989, т. 1, с. 365.

²⁷ Цит. по ст.: Шипулина Г. Миры о смерти Есенина. – Журн. «Литературный Азербайджан», 1990, № 11, с. 108.

²⁸ Троцкий Л.Д. Памяти Сергея Есенина. – Газ. «Правда», 1926, № 15; и журн. «Огонек», 1926, № 5, а также в сб.: Памяти Есенина. – М.: Всероссийский союз поэтов, 1926, с. 11–16.

²⁹ По материалам вечера, посвященного 80-летию Павла Васильева, в ЦДЛ им. А.А. Фадеева 20 февр. 1990 г. Выступления его ближайшего друга Сергея Поделкова и Алексея Маркова.

³⁰ Выступление Н.В. Есениной на расширенном заседании Есенинского комитета СП СССР в мае 1989 года.

³¹ О сотрудничестве Бениславской Г.А. с ВЧК известно давно. См., например, свидетельство чекистки Козловской Я.М. – ЕВС, т. 2, с. 369. Сотрудничество Эрлиха В.И. с органами установлено ленинградским исследователем А. Яковлевым. См. сноска 13 в этой главе.

³² Флор-Есенина Т. Дань памяти. – Еженед. «Ветеран», 1990, № 40, с. 8.

³³ Бениславская Г.А. Дневник. – Журн. «Подъем», 1990, № 5, с. 196–218. Перепечатка из нью-йоркского издания с ошибкой в комментариях, допущенной изд. «Ардис». Последняя публикация фрагментов в МБ.

³⁴ По воспоминаниям кинорежиссера-документалиста Карпова Б.Л. о свидетельствах, которые остались за кадром первого документально-го фильма о Есенине. Об этой «безрезультатной» поездке в Ленинград с таинственным другом на розыск Есенина рассказывает и сама А.А. Берзинь в мемуарах. См. журн. «Кубань», 1970, № 7.

³⁵ Костылев В. Версия. – Газ. «Вечерний Ленинград», 1991, 28 дек.

³⁶ Хлысталов Э.А. Что остается поэту... – Газ. «Подмосковье», 1991, 21 сент.

³⁷ Яковлев А. Жертва вечерняя. – Журн. «Криминал», 1991, № 2, с. 228.

³⁸ См. гл. 1, сн. 13.

³⁹ Mc Vay G. Isadora & Esenin. Ardis, 1980. Его же. Esenin. A Life. Ann Arbor and London, 1976.

⁴⁰ Только весной 1992 г. выяснилось, что негативы хранятся в закрытых фондах ряда музеев и могут быть проанализированы специалистами.

⁴¹ ИМЛИ, ф. 32, оп. 2, № 47.

⁴² Громов А.П., Маслов А.В. Смерть С.А. Есенина – факты и до-мыслы. Журн. «Судебно-медицинская экспертиза», 1991, № 2, с. 58–60.

⁴³ См.: От комиссии Есенинского комитета Союза писателей России по выяснению обстоятельств смерти С.А. Есенина. – Газ. «Литературная Россия», 1992, 23 янв. А также – газ. «Правда», 1992, 22 янв.

⁴⁴ Сидорина Н.К. Фальсификация века. – Газ. «Русский вестник», 1992, № 10, 4–11 марта; и № 17, 22–29 апр.

⁴⁵ Кошечкин С.П. Две версии. – Газ. «Правда», 1991, № 161, 6 июля.

⁴⁶ Морохов Ф.А. Трагедия поэта-пророка. – Газ. «Ленинградс-кая милиция», 1991, № 41–43, ноябрь. А затем в журн. «Русь», 1992, № 1, с. 42–75.

⁴⁷ Хлысталов Э.А. Тайна гостиницы «Англетер». – Журн. «Мос-ква», 1989, № 7, с. 191.

⁴⁸ Еще раз о самоубийстве. – Газ. «Русский курьер», 1992, № 5, февр.

⁴⁹ См. сноска 45.

⁵⁰ Архив КГБ. Дело № 18155. Из материалов дела яствует: в МЧК поступил донос, что младший брат Александра Кусикова Рубен служил в армии Врангеля.

Подписка

«О поручительстве за гр. Есенина Сергея Александровича, обвиняемого в контрреволюции по делу гр. Кусиковых, 1920 года, октября месяца, 25 дня. Я, нижеподписавшийся Блюмкин Яков Григорьевич, проживающий по: гостиница «Савой», № 136, беру на поруки гр. Есенина под личную ответственность, ручаюсь о том, что он от суда и следствия не скроется и явится по первому требованию следственных и судебных властей.

Подпись поручителя: Я. Блюмкин.

25.Х.1920 г.

Москва.

Партийный билет ЦК Иранской коммунистической партии».

Первая публикация документа в журн.: «Наш современник», 1992, № 8. См. также в МБ.

⁵¹ Яковлев А. Указ. изд., с. 233.

⁵² МБ, с. 409.

⁵³ Там же, с. 251–252.

⁵⁴ Там же, с. 412.

⁵⁵ Бишарев О.Л. Тайна Сергея Есенина. – М.: Инком, 1993, с. 126.

⁵⁶ Бело В.И. Призываю к мужеству. – Газ. «Советская Россия», 1992, 2 июня.

⁵⁷ Ройзман М.Д. Указ. изд., с. 164.

⁵⁸ См. Свидетельские показания Устинова Г.Ф. – ИМЛИ, ф. 32, оп. 2, № 41; а также: Марингоф А.Б. Роман без вранья.

⁵⁹ Вольгин Н.Д. Свидание с другом. – В сб.: Как жил Есенин: мемуар. проза. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992, с. 229–353.

⁶⁰ О.К. Дитерихс – Р.А. Кузнецовой. – Журн. «Нева», 1972, № 2.

⁶¹ См. Интервью с Б.С. Свадковским. Брызги на потолке. Комментарий к тому, как создается миф о смерти Сергея Есенина. – Независимая газета, 1992, 4 апр.

⁶² Архив Мануйлова В.А.

⁶³ ИМЛИ, ф. 32, оп. 2, № 32.

⁶⁴ Ардов В.Е. Два слова о Есенине. – ИМЛИ, ф. 32, оп. 3, № 3.

⁶⁵ Устинов Г.Ф. Мои воспоминания о Есенине. – В сб.: Воспоминания, 1926, с. 167.

⁶⁶ См.: Радек К.Б. Бездомные люди. – Газ. «Правда», 1926, 16 июня. Сосновский Л.С. Развенчайте хулиганство. – Газ. «Правда», 1926, 19 сент.; Бухарин Н.И. Злые заметки. – Газ. «Правда», 1927, 19 сент.

Некоторые современные исследователи работ Н.И. Бухарина, по их определению, тогдашнего главы нашей идеологии, утверждают: «Идеолог выступает против «есенинщины», как в свое время Ленин и Горький – против «достоевщины», то есть вполне определенного общественного явления, в общем взращенного немалым количеством стихов Есенина (из «Руси кабацкой» и подобных ей произведений), в которых опозтизированы враждебные социалистическим идеалам явления псевдоромантики, уголовщины, пьяной удали, лихачества, грубой эротики, наконец, попросту – шовинизма» (Вериго Э., Капустин М. Противостояние. – Газ. «Книжное обозрение», 1988, № 40, 7 окт.).

С чего начали, тем и кончили. Но кстати говоря, у Есенина нет произведения под названием «Русь кабацкая». Зачем же так исказить? Авторы смешали «Русь советскую» с «Московской кабацкой».

⁶⁷ Устинов Г.Ф. Литература наших дней. – М.: Девятое января, 1923, с. 54–55.

⁶⁸ Там же, с. 58–60.

⁶⁹ Там же.

Глава 7

¹ Коммюнике «От комиссии Есенинского комитета Союза писателей по выяснению обстоятельств смерти С.А. Есенина», зачитанное через месяц 1 июля на пресс-конференции в ИМЛИ им. А.М. Горького Ю.Л. Прокушевым, тут же раздавалось присутствующим и широко публиковалось в печати с небольшими сокращениями: в «Комсомольской правде», «Правде», «Независимой газете», «Книжном обозрении», «Русском вестнике» и др.

От комиссии Есенинского комитета Союза писателей по выяснению обстоятельств смерти С.А. Есенина

На протяжении последних лет в печати и других средствах массовой информации появилось большое количество материалов о Сергееве Есенине, и особенно о его смерти...

Все это вместе взятое побудило Есенинский комитет Союза писателей еще в июле 1989 года создать Комиссию по выяснению обстоятельств смерти поэта. Помимо членов Есенинского комитета – извест-

ных поэтов, прозаиков, критиков, исследователей-есениноведов, родных и близких Есенина, научных сотрудников отдела рукописей и есенинской группы ИМЛИ им. Горького, Государственного литературного музея, Института русской литературы РАН в Санкт-Петербурге, а также авторов «версий», к работе комиссии, на разных этапах ее деятельности, для проведения различного рода исследований, экспертиз, архивных изысканий, следственных экспериментов, с целью выяснения научной состоятельности и достоверности выдвигаемых «версий», были привлечены ведущие специалисты Научно-исследовательского института судебной медицины Минздрава России, Всероссийского научно-исследовательского института судебных экспертиз Минюста России, Бюро Главной судебно-медицинской экспертизы Минздрава России, Экспертно-криминалистического центра МВД России, Бюро судебно-медицинской экспертизы Главного мед. управления Мосгорисполкома, кафедры судебной медицины Московской медицинской академии имени И.М. Сеченова, Бюро судебно-медицинской экспертизы Главного управления здравоохранения Мособлисполкома, Генеральной прокуратуры Российской Федерации (Управление по надзору за следствием и дознанием).

Есенинскому комитету была предоставлена возможность ознакомиться с рядом документов бывшего КГБ, касающихся Есенина, его родных и близких, литературного окружения поэта. Это и так называемое «дело четырех поэтов», и дело братьев Кусиковых и Есенина, и дело сына поэта – Георгия Есенина, сестры Есенина – Екатерины Александровны, ее мужа – поэта Василия Наседкина, поэтов Клюева, Орешина, Ганина, Приблудного, Клычкова, Павла Васильева, Вольфа Эрлиха, Галины Бениславской, а также дело Сосновского, Авербаха, Блюмкина. Помимо этого, Комиссия обратилась в Министерство безопасности России с просьбой ответить на некоторые конкретные вопросы, касающиеся бывшего ГПУ и КГБ, которые затрагивали в своих публикациях авторы «версий». В настоящее время Комиссия получила из органов госбезопасности содер жательную информацию по интересующим ее вопросам.

Деятельность Комиссии проходила по трем главным направлениям.

Первое: исследование и экспертиза всех документов и материалов, связанных со смертью Есенина, а также оценка «версий» об убийстве поэта с точки зрения судебной медицины и криминастики.

Второе: изучение и экспертиза имеющихся документов и материалов дознания по факту самоубийства С.А. Есенина с целью выяснения прежде всего вопроса: имелось ли законное основание для принятия в свое

время судебными органами «постановления о прекращении дознания по делу о самоубийстве Есенина от 23.01.1926 года». Учитывая в данном случае то обстоятельство, что авторы «версий» подвергают сомнению правомерность принятия такого решения.

Третье: рассмотрение и оценка, с позиций современного есениноведения, суждений авторов «версий», касающихся биографических моментов и творчества поэта, литературной обстановки тех лет. Научный анализ в этой связи прежде всего произведений и писем Есенина, а также воспоминаний родных и близких, друзей и знакомых поэта, особенно о встречах с ним в последние месяцы и дни жизни.

Трудно было предположить и представить реально, насколько продолжительной окажется работа Комиссии.

В настоящее время сложная, объемная, многоплановая деятельность Комиссии практически завершена.

Прежде всего всесторонне изучены, проанализированы и получили научную объективную оценку – в первую очередь со стороны названных выше государственных официальных научных Центров и институтов в области судебной медицины и криминалистики – все известные ныне документы и материалы, связанные со смертью Есенина, а также все выдвигаемые «версии» об убийстве поэта.

В данный момент Комиссия располагает этими документами, а также другими официальными заключениями об экспериментах и исследованиях, проведенных по ее просьбе государственными учреждениями и отдельными специалистами.

Эти официальные документы, а также другие материалы Комиссии, работа которой с самого начала носила открытый характер, будут опубликованы в специальном научном сборнике, подготовка его к печати уже началась.

Здесь же приводятся в первую очередь важнейшие положения и выводы, содержащиеся в этих официальных документах.

Комиссией было получено официальное заключение за подписью директора НИИ судебной медицины, члена-корреспондента АМН, профессора Громова А.П., в котором указывалось, что: «Анализ фотокопии акта, подписанного судебно-медицинским экспертом Гиляревским, показал, что исследование трупа Есенина проведено в соответствии с временным постановлением для медицинских экспертов о порядке исследования трупов, утвержденным НКЗ 5 мая 1919 г. Заключение о причине смерти Есенина соответствует данным, полученным при исследовании трупа».

Чтобы избежать односторонней оценки Акта Гиляревского, Комиссия обратилась, помимо НИИ судебной медицины, к главному судебно-медицинскому эксперту тогдашнего Министерства обороны СССР, доктору медицинских наук, профессору В.В. Томилину, доктору медицинских наук, профессору Б.С. Свадковскому, доценту Московской медицинской академии имени И.М. Сеченова, судебно-медицинскому эксперту А.В. Маслову. Все они, независимо друг от друга, высказав каждый свои частные замечания по Акту, были единодушны в главном: заключение эксперта Гиляревского, что «смерть Есенина последовала от асфиксии, произведенной сдавлением дыхательных путей через повешение», соответствует описательной части Акта и вытекает из нее.

...НИИ судебных экспертиз по просьбе Комиссии была проведена почерковедческая экспертиза стихотворения «До свиданья, друг мой, до свиданья...», подтверждающая, что это стихотворение было написано С.А. Есениным. Ее осуществила заведующая лабораторией почерковедческой экспертизы, кандидат юридических наук, эксперт-криминалист Погибко Ю.Н. На основании почерковедческого исследования она пришла к следующим выводам:

«1. Рукописный текст стихотворения от имени С. Есенина, начинющийся словами: «До свиданья, друг мой, до свиданья...» и заканчивающийся словами: «...но и жить, конечно, не новей. С.Е.», – выполнен самим Есениным Сергеем Александровичем.

2. Этот текст исполнен Есениным Сергеем Александровичем под влиянием необычных внутренних и внешних факторов, «сбивающих» привычный процесс письма и носящих временный характер. В числе таких факторов наиболее вероятным являются необычное психофизическое состояние С. Есенина (волнение, алкогольное опьянение и др.) и использование им пишущего прибора и красителя, обладающего плохими расписывающими свойствами».

Научными специалистами экспертно-криминалистического центра МВД России было проведено исследование подлинного рукописного экземпляра стихотворения «До свиданья, друг мой, до свиданья...» С. Есенина, хранящегося в Институте русской литературы в С.-Петербурге, и установлено, что оно написано кровью...

На запрос Комиссии в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, о котором говорилось выше, было получено «Заключение об обоснованности прекращения 23.01.26 г. дознания по факту самоубийства С.А. Есенина». Объемный документ (на 10 страницах) составлен

старшим прокурором управления по надзору за следствием и дознанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации, старшим советником юстиции Н.Н. Дедовым. Им были подробно проанализированы все документы и материалы, связанные со смертью Есенина, все выдвигаемые «версии» об убийстве поэта, а также результаты судебно-медицинских и криминалистических экспертиз, проведенных в ходе работы Комиссии. Свое заключение Н.Н. Дедов завершает таким выводом:

«Дознание по факту смерти поэта С.А. Есенина проводилось в соответствии с действовавшим уголовно-процессуальным законодательством (УПК РСФСР от 1923 года), а допущенные неполнота и низкое качество документов дознания только лишь сами по себе, без подтверждения другими объективными доказательствами, не могут быть основанием для вывода об убийстве поэта или для эксгумации его останков для проведения судебно-медицинского исследования. Постановление народного следователя 2-го отделения милиции г. Ленинграда от 23.01.26 о прекращении производства дознания по факту самоубийства С.А. Есенина является законным». Заключение Н.Н. Дедова утверждено помощником Генерального прокурора Российской Федерации, государственным советником юстиции 3 класса М.Б. Катышевым и начальником управления по надзору за следствием и дознанием, государственным советником юстиции 3 класса В.А. Титовым.

Об экспертизе и исследовании посмертных масок С.А. Есенина. Еще в конце 1991 года врач – судебно-медицинский эксперт высшей квалификационной категории НИИ судебной медицины Э.И. Хомякова исследовала одну из посмертных масок Есенина, установив при этом, что: «Каких-либо морфологических признаков, характерных для действия острых, рубящих, колюще-режущих и огнестрельных орудий, на представленной гипсовой маске не выявлено. Обнаруженное углубление – вдавливание образовалось в результате контакта с твердым предметом цилиндрической формы. Данных за наличие повреждений в области любой кости не имеется». Это послужило началом проведения всеобъемлющей экспертизы сохранившихся экземпляров посмертных масок Есенина. Судебно-медицинский эксперт Бюро Главного управления здравоохранения Мособлисполкома (ГУЗАМО) А.М. Дегтярев подобно исследовал и провел экспертизу пяти посмертных масок Есенина. Прежде всего маски поэта, хранящейся в музее-заповеднике Есенина на его родине в Константинове, а также масок, находящихся у родных поэта и других лиц. Свое официальное аргументированное «заключение экспер-

та» А.М. Дегтярев завершает развернутыми выводами, указывая и подчеркивая при этом в самом их конце, что «каких-либо отображающих следов действий колюще-режущих предметов, следов огнестрельных повреждений на посмертных масках не выявлено».

Несколько позднее изучение и экспертиза семи посмертных гипсовых масок С.А. Есенина, включая маску, хранящуюся в Институте русской литературы в С.-Петербурге, гипсовой посмертной копии правой кисти поэта, которая находится в том же институте, всех имеющихся подлинных посмертных негативов и фотографий с изображением С.А. Есенина, фотографий пятого номера гостиницы «Англетеर», Акта осмотра трупа на месте происшествия и Акта Гиляревского были проведены созданной по просьбе Есенинского комитета судебно-медицинской экспертной комиссией Бюро Главной судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения РФ в составе председателя – Главного судебно-медицинского эксперта Минздрава РФ, кандидата мед. наук, доцента В.О. Плаксина, членов комиссии – заведующего кафедрой судебной медицины Российского медицинского университета, доктора мед. наук, профессора В.Н. Крюкова, судебно-медицинского эксперта медико-криминалистического отделения Бюро судебно-медицинской экспертизы ГМУМ С.А. Никитина и заведующего отделом внедрения новых технологий БГСМЭ Минздрава Российской Федерации С.С. Абрамова.

Обстоятельный аналитический документ – официальное «Заключение экспертов» Бюро Главной судебно-медицинской экспертизы МЗ РФ содержит весьма важные результаты научных экспертиз и исследований.

Так, в результате экспертизы посмертных масок Есенина в заключении со всей определенностью указывается, что произошло «вдавление в мягких покровах в лобной области, которое образовалось в результате длительного контакта с цилиндрическим предметом диаметром около 3,7 см, наиболее вероятно, с предметом горячим, о чем свидетельствует тот факт, что данное вдавление зафиксировалось, то есть сохранилось после снятия тела из петли вплоть до похорон; о возможном термическом воздействии свидетельствует также наличие измененных участков кожи в местах наиболее плотного контакта с цилиндрическим предметом (область между надбровными дугами, правый скат носа)».

Важным является заключение тех же экспертов о двух подлинных есенинских негативах и фотографиях, о которых говорилось выше. В частности, «о круглом темном пятне на верхнем веке правого глаза, образование которого может быть объяснено высыпанием вершины

кожной складки, сформировавшейся от смешения кожи вниз вправо при контакте лица с цилиндрическим предметом»...

27 мая 1993 года состоялось расширенное заседание Комиссии. Были заслушаны сообщения экспертов, охватывающие, по сути дела, весь спектр проблем и вопросов, связанных со смертью С.А. Есенина и «версиями» об убийстве поэта. На заседании с официальными сообщениями выступили эксперты: А.В. Маслов, С.А. Никитин, А.М. Дегтярев, Э.И. Хомякова, В.Н. Крюков, Ю.Н. Погибко, Н.П. Майлис, И.В. Демидов, а также прокурор-криминалист В.Н. Соловьев и старший советник юстиции Н.Н. Дедов. Помимо экспертов, в развернувшейся дискуссии приняли участие: поэт Валентин Сорокин – сопредседатель Есенинского комитета, проректор Литературного института, старший научный сотрудник ИМЛИ, член Есенинского комитета и комиссии С.П. Кошечкин, заведующий рукописным отделом ИМЛИ М.А. Айвазян, поэт Юрий Чеханадский, рязанский поэт Анатолий Сенин, авторы «версий» – литературовед С.С. Куниев, поэт Иван Лысцов, бывший следователь милиции Э.А. Хлысталов и другие.

В заседании участвовали члены Комиссии и Есенинского комитета, Ученого Совета, есенинской группы и научные сотрудники Института мировой литературы РАН, работники Государственного литературного музея, секретари Союза писателей России, члены есенинского общества «Радуница», авторы «версий», другие лица – всего более семидесяти человек.

Итоги обсуждения на заседании подвел Юрий Прокушев – Председатель Есенинского комитета и Комиссии.

Весь ход обсуждения, все официальные документы, материалы, которыми в настоящее время располагает Комиссия, с еще большим основанием, чем это было ранее, позволяют прийти к следующим выводам и констатировать, что, во-первых, в настоящее время фактически нет объективных данных, которые позволили бы усомниться, прежде всего с позиции судебной медицины, в точности содержания Акта вскрытия тела С.А. Есенина и опровергнуть вывод судебно-медицинского эксперта А. Гиляревского от 29 декабря 1925 года о причине смерти поэта (смерть С.А. Есенина «последовала от асфиксии, произведенной сдавлением дыхательных путей через повешение»); во-вторых, проведенные официальные научные экспертизы и исследования (посмертных масок, фотографий поэта, Акта Гиляревского, документов предварительного дознания и др.) не дают каких-либо оснований для подтверждения «версий» об убийстве Есенина С.А.

Одновременно комиссия заявляет, что в случае обнаружения каких-либо новых документальных данных, связанных со смертью С.А. Есенина, они будут незамедлительно рассмотрены и изучены с сообщением об этом в печати.

Будем точными, осмотрительными, корректными и, конечно, совестливыми, граждански ответственными, чтобы без сенсационного шума продолжить заветный путь к Истине. Это относится ко всем, кто ныне обращается к светлому имени Сергея Есенина, его судьбе, включая печать и другие средства массовой информации. Комиссия благодарит всех, кто добровольно и бескорыстно принимал деятельное и плодотворное участие в ее работе, движимый одним чувством — любовью к величайшему поэту России.

Председатель Есенинского комитета Союза писателей и Комиссии по выяснению обстоятельств смерти поэта, руководитель научной есенинской группы ИМЛИ им. Горького — ПРОКУШЕВ Ю.Л.

Директор Научно-исследовательского института судебной медицины Минздрава РФ, член-корреспондент РМА, профессор — ГРОМОВ А.П.

Главный судебно-медицинский эксперт Минздрава РФ, кандидат мед. наук, доцент — ПЛАКСИН В.О.

Сопредседатель Есенинского комитета, член Комиссии, проректор Литературного института им. Горького, поэт — СОРОКИН В.В.

Эксперты:

Зав. отделом внедрения новых технологий Бюро Главной судмедэкспертизы Минздрава РФ — АБРАМОВ С.С.

Судебно-медицинский эксперт Бюро Главного управления здравоохранения Мособлисполкома — ДЕГТЯРЕВ А.М.

Эксперт I категории Бюро судебно-медицинской экспертизы Главного мед. управления Мосгорисполкома — ДЕМИДОВ И.В.

Старший прокурор Управления по надзору за следствием и дознанием Генеральной прокуратуры РФ, ст. советник юстиции — ДЕДОВ Н.Н.

Заведующий кафедрой судебной медицины Российского медицинского университета, доктор мед. наук, профессор — КРЮКОВ В.Н.

Доктор юридических наук, эксперт-криминалист Научно-исследовательского института судебных экспертиз Минюста РФ – МАЙЛИС Н.П.

Кандидат мед. наук, эксперт высшей категории, доцент кафедры судебной медицины Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова – МАСЛОВ А.В.

Судебно-медицинский эксперт высшей категории Бюро судебно-медицинской экспертизы Главного мед. управления Мосгорисполкома – НИКИТИН С.А.

Зав. лабораторией почерковедческой экспертизы, кандидат юридических наук, эксперт-криминалист Научно-исследовательского института судебных экспертиз Минюста РФ – ПОГИБКО Ю.Н.

Прокурор-криминалист Генеральной прокуратуры РФ – СОЛОВЬЕВ В.Н.

Судебно-медицинский эксперт высшей категории – ХОМЯКОВА Э.И.

Исследователи творчества Есенина:

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, член есенинской группы ИМЛИ им. Горького – ГУСЕВА Н.И.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, член Есенинского комитета и Комиссии, член есенинской группы ИМЛИ – КОШЕЧКИН С.П.

Научный сотрудник, член есенинской группы ИМЛИ – СТАХОВА М.В.

Альтернативная точка зрения, поддержанная многими деятелями науки, литературы и культуры, впервые опубликована в газетах «Советская Россия» (1993, № 94, 10 авг.) и в «Русском вестнике» (1993, № 34–35, 43, 1994, № 1).

Общественность России выступает за создание независимой комиссии на государственном уровне для детального расследования всех документов и данных о гибели Сергея Есенина. Мы полагаем, что у Генеральной прокуратуры есть все основания возбудить уголовное дело по факту гибели С.А. Есенина в связи с новыми открывшимися обстоятельствами.

Краткий указатель имен

- Аксенов И.А. (1884–1935), литератор – 68
Алданов (Ландау) М.А. (1886–1957), писатель, с 1919 г. в эмиграции – 58, 59, 288
Александровский В.Д. (1897–1934), пролетарский поэт – 128, 141
Алексеев Г.В., литератор, с 1921 г. в эмиграции – 122, 123
Алтаузен Джек (1907–1942), пролетарский поэт – 189
Аннинский Л.А., литературовед – 261
Антоновский мятеж – крестьянское восстание в Тамбовской губернии под предводительством Антонова А.С. (1888–1922) – 61, 174, 243
Ардов (Зильберман) В.Е. (1890–1976), писатель – 239, 299
Архипов Н.И., редактор (новый друг, Коленька) – 97, 201, 202, 292
Асеев Н.Н. (1889–1963), поэт – 128, 169, 296
Ахматова (Горенко) А.А. (1889–1966), поэтесса – 13, 257
- Бабель Н.Э. (1894–1957), писатель – 13
Бабенников М.В. (1890–1957), литератор – 85, 288, 291
Багрицкий (Дзюбин) Э.Г. (1895–1934), поэт – 189
Бедный Демьян (Придворов Е.А.) (1883–1945) – 133–135, 139, 160, 161, 168, 295
Безыменский А.И. (1898–1973), пролетарский поэт – 128, 141
Бениславская Г.А. (1897–1926), сотрудница ВЧК, редактор газ. «Беднота» с 1923 г. – 71, 72, 133, 156, 157, 191–195, 293, 295, 298, 301
Белов В.И., писатель – 231, 232, 299
Берзинь А.А. (1897–1961), сотрудница Госиздата – 195, 229, 298
Бишарев О.Л., журналист – 228, 229, 299
Блок А.А. (1880–1921), поэт – 30, 43–49, 68, 69, 241
Блюмкин Я.Г., сотрудник ВЧК–ОГПУ, служил в секретариате наркома по военным и морским делам Л.Д. Троцкого в 1921–1924 гг., расстрелян в 1929 г. за связь с Троцким, высланным за рубеж – 69, 70, 72, 92, 127–129, 131, 149, 150, 156, 184, 188, 204, 226, 227, 259, 299, 301
Блюмкина Антонина, жена Блюмкина Я.Г. – 129
Бобров С.П. (1889–1971), поэт-футурист – 68
Бродский А.И., журналист, отец поэта Иосифа Бродского – 197
Браун Н.Л. (1902–1975), литератор – 199, 221, 223, 257
Брюсов В.Я. (1873–1924), поэт – 128, 129
Була, фотограф – 223
Бухарин Н.И. (1888–1938), член Политбюро ЦК партии в 1924–1929 гг., ответственный секретарь «Правды» в 1917–1929 гг. – 95, 163, 164, 213, 241, 292, 299

- Вагинов К.К. (Вагенгейм) (1899–1934), прозаик – 219
- Вардин Илья (Мгеладзе И.В.) (1890–1943), литературный критик, деятель РАППа (Российской Ассоциации пролетарских писателей) – 170
- Васильев П.Н. (1910–1937), поэт – 16, 160, 189, 190, 294, 297, 301
- Вергей, зав. столом дознания 2-го отделения Ленинградской милиции – 205, 239
- Виноградская С.С. (1901–1964), журналистка и прозаик – 179, 297
- Волин Борис – редактор журнала «На посту» – 141
- Волошин (Кириенко-Волошин) М.Л. (1878–1932), поэт – 13
- Воронский А.К. (1884–1943), литературный критик, редактор – 148, 165, 170, 296
- Галанов Владимир, поэт, расстрелян в 1925 г. – 158, 281, 295
- Галкин С.З. (1897–1960), еврейский советский поэт, драматург – 67
- Ганин А.Л. (1893–1925), поэт – 50, 51, 57, 68, 132–139, 143, 151, 154–158, 160, 161, 165, 295, 301
- Герасимов М.П. (1889–1939), пролетарский поэт – 141
- Гиляревский А.Г. (1855–1931), судебно-медицинский эксперт, выпускник Военно-медицинской академии в Петербурге – 204, 205, 208–210, 212, 214, 225, 231, 237, 248, 302, 305, 306
- Гиммельфарб Б.В. (1880–1955), критик, редактор – 149
- Гиппиус З.Н. (1869–1945), поэтесса – 30
- Голодный (Эпштейн) М.С. (1903–49), пролетарский поэт – 189
- Горбов Н.М. (1875–?), участковый надзиратель 2-го отделения Ленинградской милиции, в 1929 г. арестован, дальнейшая судьба неизвестна – 204
- Горнунг Л.В., литератор – 216–218, 231, 250
- Городецкий С.М. (1884–1967), поэт – 30, 31, 49, 51, 52, 182, 227, 297
- Горский Максим (Пешков А.М.), писатель – 99, 106, 162–165, 180, 292, 295, 296
- Гребнев (Файнберг) Леонид – поэт-имажинист, эмигрировал в Америку, где стал писать на идише – 119
- Громов А.П. – член-корр. РМА, директор НИИ судебной медицины Минздрава РФ – 211, 298, 302, 307
- Гуль Р.Б. (1896–1986), прозаик, критик, мемуарист Русского Зарубежья – 122, 293
- Гумилев Н.С. (1886–1921), поэт – 5, 16, 237
- Дальний Степан (Самсонов Д.), литератор – 68, 290
- Дворяшин В.И., литератор, расстрелян в 1925 г. – 295
- Деев-Хомяковский Г.Д. (1888–1946), поэт, один из руководителей Суриковского литературно-музыкального кружка – 289
- Дзержинский Ф.Э. (1877–1926), с 1917 г. председатель ВЧК (с 1922–ОГПУ); с 1924 г. председатель ВСНХ СССР – 69, 70, 73, 184
- Дитерихс О.К. (1872–1951), мать С.А. Толстой, теща поэта – 12, 235, 299

- Достоевский Ф.М. (1821–1881), писатель – 162, 227, 228
 Дубягин Ю.П., криминалист – 252, 257
 Дункан Изадора (1877–1927), американская танцовщица – 73–76, 78–81, 84–90, 99, 103, 109, 111, 112, 117, 118, 123, 124, 128, 233, 292
 Дункан (Эрих) Ирма, приемная дочь И. Дункан, танцовщица – 76, 77, 84
 Дести Мэри – подруга Изадоры Дункан, автор воспоминаний – 233
 Дэвис Джесси – английская писательница, биограф С. Есенина – 251
- Есенин Александр Никитич (1873–1931), отец поэта – 19, 22, 23, 28
 Есенин Георгий (Юрий) (1914–1938), сын поэта – 28, 30, 131, 168, 190, 215, 294, 301
 Есенин Константин (1920–1986), сын поэта – 131, 234
 Есенин Н.О. (1843–1885), дед поэта – 19, 21
 Есенина А.А. (Шура) (1911–1981), сестра поэта – 17, 18, 20, 57, 104, 105, 192, 260, 288
 Есенина Е.А. (Катя) (1905–1977), сестра поэта – 17, 21, 104, 105, 111, 148, 161, 174, 191, 192, 195, 196, 236, 289, 292, 296, 297
 Есенина Татьяна (1918–1992), дочь поэта – 51, 52, 123, 291
 Есенин-Вольни Александр (1924 г. р. 12 мая), сын поэта – 15, 16, 195
 Есенина Н.В., племянница поэта, дочь сестры Кати – 191, 296
 Есенина С.П., племянница поэта, дочь сестры Шуры – 260, 262
 Есенина Татьяна Федоровна (1875–1955), мать поэта – 19, 21, 22, 236, 251
- Зиновьев (Радомышельский, Апфельбаум) Г.Е. (1883–1936), председатель Петроградского Совета (1917–1926), член Политбюро ЦК (1921–1926) – 59, 70, 71
 Зиновьев П.М., врач-психиатр, работал в клинике 1-го Московского государственного университета – 129, 235
 Золотаревский И.С., скульптор – 222, 255
 Зуев-Инсаров Д.М., графолог-чекист – 183, 184
- Иванов Г.В. (1894–1958), поэт и критик, с 1923 г. за границей – 70, 290
 Иванов-Разумник (Иванов) Р.В. (1878–1946), литературный критик и публицист – 30, 82, 291
 Ивнев Рюрик (Ковалев М.А.) (1891–1981), поэт – 30, 31, 64, 80, 146, 147, 183, 290, 294
 Изряднова А.Р. (1891–1946), издательский работник, в годы встреч с Есениным корректор типографии «Товарищества И.Д. Сытина» – 28–30, 168, 190, 289, 296
 Ильин И.А. (1882–1954), русский религиозный философ, с 1922 г. жил за границей – 162
 Ионов (Бернштейн) И.И. (1887–1942), директор Госиздата, шурин Г.Е. Зиновьева – 222, 223

- Каменев (Розенфельд) Л.Б. (1883–1936), председатель Моссовета (1918–1926), член Политбюро ЦК (1919–1926) – 56, 70, 133, 136, 143, 144, 228, 229
 Каменева (урожд. Бронштейн) О.Д. (1883–1941?), жена Л.Б. Каменева и сестра Л.Д. Троцкого, зав. театральным отделом Наркомпроса – 70, 71
 Каменский В.В. (1884–1961), поэт – 221
 Каннегисер Л.И. (1897–1918), поэт, правый эсер – 57–59
 Карпов П.И. (1884 или 1887–1963), писатель – 149, 155, 159, 160, 295
 Касаткин И.М. (1880–1938), писатель – 138, 149
 Качалов (Шверубович) В.И. (1875–1948), актер – 13, 238
 Керенский А.Ф. (1881–1970), последний глава Временного правительства – 50
 Керженцев (Лебедев) П.М. (1881–1940), партийный публицист, деятель Пролеткульта – 138
 Кинел Лола, переводчица – 102–104, 292
 Кириллов В.Т. (1890–1943), пролетарский поэт – 141
 Клычков (Лешенков) С.А. (1889–1937), поэт и прозаик – 16, 57, 132–140, 143, 149, 158, 160, 163, 190, 220, 239, 252, 301
 Клюев Н.А. (1884–1937), поэт – 5, 16, 24, 25, 31, 32, 37–42, 57, 68, 78, 92, 96–98, 120, 149, 152, 160, 161, 174, 190, 220–223, 241, 242, 252, 253, 292, 301
 Колобов Г.Р., работник народного комиссариата путей сообщения, печатался под псевдонимом Молобух – 81
 Кольцов А.В. (1809–1842), поэт – 49, 56
 Кони А.Ф. (1844–1927), юрист и общественный деятель – 200
 Костылев В., литератор, журналист – 197, 199–201, 298
 Кошечкин С.П. (1924–2000), советский есениновед – 212, 298
 Красный Саша (Брянский А.Д.) (1882–1995), поэт – 132, 294
 Кремер Изя (ок. 1890–1956), эстрадная певица – 110
 Крученых А.Е. (1886–1968), поэт-футурист, литературный критик – 94, 95, 241, 292
 Кузнецов В.Н., писатель – 251, 252, 257
 Кузнецова В.Е., филолог, создательница народного музея С. Есенина в пос. Рослякове Мурманской обл. – 230
 Кулаков Д.С., юрист – 199
 Куняев Ст.Ю., писатель – 228, 232, 292, 295
 Куняев С.Ст., критик – 228, 306
 Кусиков (Кусикян) А.Б., поэт-имажинист, с 1921 г. жил за границей – 62, 80, 120, 122, 123, 293, 298
- Лавренев Б.А. (1891–1959), писатель – 178, 180–182, 188, 218–220
 Левин Вениамин, литератор, с 1922 г. в эмиграции – 111, 117, 118, 293
 Левит Ю., свидетель по «Делу № 10010», возбужденному против С.А. Есенина – 170
 Ленин (Ульянов) В.И. (1870–1924), создатель партии большевиков РСДРП(б)-РКП(б) – 73–75, 91, 126, 144, 228, 281

- Леонидзе Г.Н. (1899–1966), грузинский поэт – 13
 Липкин, судья – 170
 Литвинов (Баллах Макс) М.М. (1876–1951), зам. наркома иностранных дел, в 1930–1939 гг. нарком – 100, 292
 Лукницкий П.Н. (1900–1973), писатель, биограф – 178, 182, 216–219, 224, 226, 230, 249, 250, 257, 297
 Луначарский А.В. (1875–1933), нарком просвещения, драматург, академик – 69, 74, 87, 88, 170–172
 Львов-Рогачевский (Рогачевский) В.Л. (1873–1930), литературовед – 101, 137
 Лысцов И.В., поэт – 232, 306
- Мак-Вэй Гордон, английский ученый-славист, биограф С. Есенина – 204–206, 293, 298
 Мандельштам О.Э. (1891–1938), поэт – 69, 70, 226, 290
 Мани-Лейб (Брагинский М.Л.) (1883–1953), еврейский поэт, участник революционного движения в России, после ареста в 1904 г. бежал в Англию, затем переехал в США – 111, 112, 118, 119, 293
 Мануйлов В.А., литературовед, автор воспоминаний о Есенине, в то время начинающий литератор – 199, 251, 299
 Мариенгоф А.Б. (1897–1962), поэт-имажинист – 62, 64–68, 80, 82, 83, 96, 101, 109, 110, 125, 130, 147, 149, 182, 183, 204, 226, 234, 293, 299
 Маркс Карл (1818–1883), основоположник научного коммунизма – 60, 290
 Маслов А.В., кандидат медицинских наук, судебно-медицинский эксперт (кафедра судебной медицины Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова) – 210–213, 246, 298, 303, 306, 307
 Махно Н.И. (1884–1934), предводитель крестьянского восстания на Украине – 94
 Маяковский В.В. (1893–1930), поэт – 106, 128, 261
 Медведев П.Н. (1891–1938), литературовед и критик – 219
 Мейерхольд В.Э. (1874–1938), режиссер – 129–131, 236, 238
 Мелант В.Н., журналист – 197
 Меликсеян А.С., кандидат педагогических наук, психографолог – 183, 295
 Микашевская А.Л. (1891–1977), актриса – 125, 126, 196, 294
 Мирбах Вильгельм (1871–1918), германский дипломат, посол в Москве – 184
 Миронова Зоя, современная художница – 250
 Михайлов Анатолий, актер – 215
 Молчанов Владимир, тележурналист – 206, 208
 Морохов Ф.А., профессор, патофизиолог – 213, 214, 224, 249, 257, 298
 Москвин И.М. (1874–1946), актер – 13
 Моцарт В.А. (1756–1791), австрийский композитор – 171
 Мстиславский (Масловский) С.Д. (1876–1943), писатель – 12

- Набоков В.В. (1899–1977), писатель, с 1919 г. жил за рубежом – 188
 Назаров В.М. (1896–?), управляющий гостиницей «Интернационал» («Англете́р») – 179, 200, 201, 204, 239
 Назарова А.Л., его жена – 200
 Наппельбаум И.М., поэтесса, дочь фотографа Наппельбаума, жена Фроммана М.А. – 178, 219
 Наппельбаум М.С. (1868–1958), фотограф, автор портретов многих деятелей культуры – 180, 205, 207, 210
 Нарбут В.И. (1888–1940), поэт – 138
 Наседкин В.Ф. (1895–1938), поэт, муж Е.А. Есениной – 12, 57, 146, 160, 190, 191, 222, 242, 301
 Наумов Е.И., литературовед – 200
 Несторов М.В. (1862–1942), живописец – 32
- Оксенов И.А., литератор, врач – 236, 237, 252
 Орешин П.В. (1887–1938), поэт – 13, 57, 132–139, 143, 149, 158, 160, 161, 190, 241, 242, 301
- Павленко П.А. (1899–1951), писатель – 12
 Пастернак Б.Л. (1903–1973), поэт – 128, 129, 131, 226
 Петри Эгон (1881–1962), немецкий пианист – 13
 Плаксин В.О. – главный судебно-медицинский эксперт Минздрава – 206, 247, 305, 307
 Плетнев В.Ф. (1886–1942), деятель Пролеткульта – 138
 Повицкий Л.И. (1885–1974), журналист – 193
 Полетаев Н.Г. (1889–1935), пролетарский поэт – 182, 290, 297
 Полонская Е.Г. (1890–1969), поэтесса – 137, 221
 Полонский В.П. (1886–1932), журналист, литературный критик – 137
 Правдюк В.С., тележурналист – 257
 Приблудная Н.П. (урожд. Зиновьевая), жена поэта Ивана Приблудного – 128, 129, 131, 233, 235, 236
 Приблудный Иван (Овчаренко Я.П.) (1905–1937), поэт – 128, 129, 140, 157, 160, 190, 200, 215, 252, 294, 301
 Прокушев Л.Ю. (1920–2004) советский есениновед – 212, 216, 224, 232, 245, 257, 298, 307
 Пугачев Е.И. (1740 или 1742–1775), предводитель крестьянской войны (1773–1775) – 61, 63, 243
 Пушкин А.С. (1799–1836), поэт – 5, 16, 103, 119, 130, 171, 185, 255
 Пяст (Пестовский) В.А. (1886–1940), литератор – 68, 221, 290
- Рабинович Марцел, литератор – 129
 Радек (Собельсон) К.Б. (1885–1939), член ЦК РКП(б) в 1919–1924 гг., сотрудник «Правды», «Известий» – 241, 299

- Радимов П.А. (1887–1967), поэт, художник – 149, 160, 163
- Разин С.Т. (ум. 1671), предводитель крестьянского восстания (1670–71) – 49
- Распутин (Новых) Г.Е. (1872–1916), фаворит царской семьи из крестьян – 37–40, 235
- Райх З.Н. (1894–1939), артистка театра Мейерхольда с 1921 г. – 51, 52, 129–131, 232–234, 236, 291
- Ремизов А.М. (1877–1957), писатель, с 1921 г. в эмиграции – 32
- Рога А.М., дипломатический курьер – 170, 180
- Родкин М.В., комендант, ответственный контролер – 133, 136, 138, 143
- Рождественский В.А. (1895–1977), поэт – 218, 219, 221, 223, 230
- Ройзман М.Д. (1896–1973), поэт-имажинист – 67, 68, 128, 145, 158, 234, 294–296, 299
- Романовы, династия, царствующий Дом, семья Николая II – 24, 27, 49, 57
- Николай II (1868–1918), российский Император (1894–1917) – 24, 27, 34, 37, 40, 41, 49, 229
- Александра Федоровна (Алиса Гессен-Дармштадтская) (1872–1918), Императрица, жена Николая II с 1894 г. – 24, 27, 32, 36, 40
- Алексей Николаевич, цесаревич (1904–1918) – 27
- Елизавета Федоровна, Великая княгиня, сестра Императрицы, основательница Марфо-Мариинской обители – 24, 25
- Сергей Александрович (1857–1905), Великий князь, сын Александра II, московский генерал-губернатор в 1891–1905 гг. – 24
- Ольга (1895–1918), Татьяна (1897–1918), Мария (1899–1918), Анастасия (1901–1918), царевны (дочери Николая II) – 27, 32, 35, 36
- В России народно-церковное почитание Царя-страстотерпца Николая II Александровича и Его Августейшего Семейства шло неустанно. В 1998 г. состоялась канонизация.
- Рубинштейн Л.Е. (1907–1983), писатель – 173, 296
- Рукавишников И.С. (1877–1930), поэт и беллетрист – 82
- Садофьев И.И. (1889–1965), поэт – 218, 219, 221, 223, 224, 252
- Савинков Б.В. (1884–1925), политический деятель, эсер, писал под псевдонимом Ропшин В. – 184
- Савкин Н.П., участник имажинистского объединения «Ассоциация вольнодумцев», член правления кооперативного издательства «Советская Россия» – 183
- Сахаров А.М. (1894–1952), издательский работник – 100, 292
- Сварог (Курочкин) В.С. (1883–1946), художник – 197–199
- Светлов М.А. (1903–1964), поэт – 189
- Седов Л.Л. (1903–1938), сын Троцкого и Натальи Седовой – 157, 192–195
- Селиванов Н.А. (1929 г.р.), скульптор – 257
- Соболь Андрей (Ю.М.) (1888–1926), писатель – 137, 162, 226, 227, 242, 295
- Солженицын А.И. (р. 1918), писатель – 184, 297

- Сосновский Л.С. (1886–1937), публицист и литературный критик – 72, 132–139, 141, 142, 226, 301
- Спасский С.Д. (1898–1956), писатель – 219
- Сталин (Джугашвили) И.В. (1879–1953), генеральный секретарь ЦК РКП(б) с 1922 г. – 226, 227, 229
- Старцев И.И. (1896–1967), журналист, участник имажинистского объединения «Ассоциация вольнодумцев» – 81, 131, 294
- Сухотин С.М. (1887–1926), офицер, первый муж С.А. Толстой – 235
- Табидзе Н.А. (1902–1965), жена поэта Тициана Табидзе – 177, 296
- Табидзе Т.Ю. (1895–1937), грузинский поэт – 13, 177
- Титов Ф.А. (1846–1927), дед С. Есенина – 20, 22
- Титова Н.Е. (ум. в 1912), бабушка поэта – 19, 22, 53
- Тихон (Белавин В.И.) (1865–1925), Святитель, Патриарх Московский и всея Руси, канонизирован в 1989 г. – 90, 291
- Тихонов Н.С. (1896–1979), поэт – 90, 221, 223
- Толстой А.Н. (1882–1945), писатель – 99, 122
- Толстой А.И. (1921–1997), правнук Л.Н. Толстого, геолог – 8–10, 12, 14, 72, 235, 249, 250
- Толстой Л.Н. (1828–1910), писатель – 9, 12
- Толстая С.А. (1900–1957), внучка Л.Н. Толстого, жена С. Есенина – 8–12, 72, 157, 165, 173, 220–223, 234–237, 249
- Томский Н.В., скульптор, народный художник СССР – 257
- Троцкий (Бронштейн Лейба) Л.Д. (1879–1940), председатель Революционного Военного Совета Республики, народный комиссар по военным и морским делам (1918–1924) – 59–61, 69–71, 92, 93, 96, 120, 122, 123, 127, 128, 132, 133, 136, 141, 143, 144, 146, 157, 178, 186–188, 193, 204, 215, 226, 228, 229, 238, 239, 241, 256, 292, 293, 297
- Урицкий М.С. (1873–1918), председатель Петроградской ЧК – 57–59
- Устинов Г.Ф. (1888–1932), партийный публицист – 45, 163, 177, 184, 204, 218, 239–241, 248, 259, 299, 300
- Устинова Е.А., жена Г.Ф. Устинова – 176, 178, 179, 184, 204, 239, 296
- Фоканова М.Е., яснополянская крестьянка – 13
- Флор-Есенина Т.П., племянница поэта, дочь А.А. Есениной – 14, 192, 297
- Франс Анатоль (Тибо Анатоль Франсуа) (1844–1924), французский писатель – 65
- Фроман (Фракман) М.А. (1891–1940), литератор, председатель ленинградского отделения Всероссийского Союза поэтов – 178, 179, 181, 218–220, 239

Фрунзе М.В. (1885–1925), военачальник, в 1924 г. сменил Троцкого на посту наркомвоенмора и председателя РВС СССР, начальник штаба РККА, провел военную реформу в 1924–1925 гг. – 214

Хлысталов Э.А. (1932–2003), полковник милиции, заслуженный работник МВД, провел независимое расследование обстоятельств гибели С. Есенина – 199, 215, 246, 294, 298

Ходасевич В.М. (в замужестве Дитерихс) (1891–1970), художница, племянница В.Ф. Ходасевича – 162, 295

Ходасевич В.Ф. (1886–1939), поэт – 71, 86, 83, 90, 182, 290, 291, 297

Хохлов, начальник 2-го отделения ЛГМ – 239

Цветаева М.И. (1892–1941), поэтесса – 261, 293

Чагин (Болдовкин) П.И. (1898–1967), второй секретарь ЦК КП Азербайджана, редактор газ. «Бакинский рабочий» – 165

Чапыгин А.П. (1870–1937), писатель – 57, 149

Чекрыгин В.Н. (1897–1922), художник – 158, 295

Чекрыгины Николай и Петр, поэты, расстреляны в 1925 г. – 295

Черносвистов Е.В., врач, писатель – 257

Чернявский В.С. (1889–1946), литератор, актер – 43, 47, 78, 131, 289, 291, 294

Шенгели Г.А. (1894–1956), поэт – 128

Шершеневич В.Г. (1893–1942), поэт-имажинист – 62, 64, 68, 80, 290

Ширяевец (Абрамов) А.В. (1887–1924), поэт – 48, 149, 156, 160, 289

Шнейдер И.И. (1891–1980), журналист, импресарио Изадоры Дункан, муж Ирмы Дункан – 72, 79, 80, 82–84, 291, 292

Шкапская М.М. (1891–1952), поэтесса – 218, 220, 221, 222

Энгельс Фридрих (1820–1895), экономист – 60, 290

Эрлих В.И. (1902–1937), ленинградский поэт-имажинист – 157, 175, 176, 178, 179, 181, 184, 188, 191, 192, 195, 199, 204, 218–223, 239, 240, 294, 296, 297, 301

Эфрос А.М. (1888–1954), переводчик, искусствовед – 137, 238

Юшин П.Ф., литературовед – 49, 287

Яковлев Алексей, ленинградский драматург – 200, 226, 227, 296–299

Якулов Г.Б. (1884–1928), художник – 79

From the Publishers

Sergei Esenin (1895–1925) is a cult figure in Russia. His poems and songs as well as his personality appeal to millions.

Many authors wrote about Sergei Esenin in this country and in the West. But Soviet biographers had to repeat official lies and legends about the poet, whereas most of the Western authors laid emphasis on his tangled relationship with Isadora Duncan.

This book is written by a well-known poet Natalia Sidorina.

Being actually the first objective biography of Esenin the book is based on numerous facts and testimonies, which have been buried in archives by those who ruled Russia in 1925 and who (as Natalia Sidorina proves) ordered Esenin's «suicide».

The book is lavishly illustrated with photographs some of which have never been published before.

This book will prove an indispensable aid for students of Russian literature and history.

Содержание

Пролог. «Так я еще никогда не думал...»	7
Глава 1. «Все мы чудился тихий раскованный звон...»	17
Глава 2. «Сумасшедшая, бешеная, кровавая муть!..»	43
Глава 3. «Ваше равенство – обман и ложь...»	73
Глава 4. «Вот она – мировая биржа!..»	99
Глава 5. «Россия! Ты понимаешь – Россия!»	125
Глава 6. «Меня хотят убить...»	169
Глава 7. Божья дудка в руках фарисеев	245
Глава 8. Аукцион	253
Эпилог	261
Память – вещая река (цикл стихотворений)	263
Читая Апокалипсис (цикл стихотворений)	279
Комментарии	288
Краткий указатель имен	309

В оформлении книги использованы
картина Зои Мироновой;
скульптурный портрет поэта работы Н. Селиванова;
фото первого телевизионного выступления
(25 марта 1989 г.) о гибели Есенина – В. Николаева

Наталья Кирилловна Сидорина

ЗЛАТОГЛАВЫЙ
Тайны жизни и гибели Сергея Есенина

Редактор С. М. Купрашевич

Корректор Л. Г. Овчинникова

Дизайн обложки Г. В. Котляровой

Компьютерная верстка О. В. Ермаковой

Подписано в печать 12.12.2005. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18,6. Уч.-изд. л. 19,1.

Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 7757.

Отдел продаж:

Калининград: тел./факс (4012) 718-637

тел.: 718-638, 718-636

E-mail: region@yantskaz.ru;

Интернет-магазин: www.yantskaz.ru

Книга – почтой: тел./факс (4012) 718-637

E-mail: skazbook@yantskaz.ru

Санкт-Петербург (филиал): (812) 388-58-81

E-mail: yas.sp@rambler.ru

Москва (филиал): (495) 686-84-00, 686-76-66

E-mail: mos-skaz@mtu-net.ru

Отпечатано в типографии ОАО «Янтарный сказ».
236000, Калининград, ул. К. Маркса, 18.

 КАЛИНИНГРАД
ЯНТАРНЫЙ СКАЗ

ISBN 5-7406-0959-2

9 7 8 5 7 4 0 6 0 9 5 9 1